Цена отдельного номера 25.000 руб. в Москве, провинции и на ст. жел. дорог.

Российская Коммунистическая Партия (Больш.).

ПРАВДА

Орган Центральн. Ком. и Московск. Ком. Р. К. П. (Больш.).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, 48. Прием по делам редакции: ежедневно, кроме праздничных дней, с 2—3 дня и с 6—7 веч. Телефоны: Телефонограммы 5-72-30. Секретаря редакции 4-01-92. Ночной редакции 4-53-54 в времей провода верхнего коммутатора Кремля.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА: Москва, Тверская, 38. Условия подписки с 1-го мая. Подписная плата на май должна быть прислана до 28 апреля, полученная позже переносится на след. месяц. Цена номера в розничной продаже с 1 мая—40.000 р. Цена на 1 м-ц с дост. в Москве и пров. 800.000 р. Без доставки 700.000 р. Льготн. подписка только для рабоч. с дост. в Москве и пров. 700.000 р. Перемена адреса 50.000 руб. За границу на 1 месяц. Во Францию 10 фр., Данию, Швецию и Норвегию 6 крон, Америку 1 долл., Германию, Латвию, Эстонию, Польшу и др. стр. 2 р. зол. по курсу дня. Тел. к-ры: 3-41-37.

Подписка на „Правду" принимается во всех почтово-телеграфных учреждениях Р. С. Ф. С. Р.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

НЕБОЛЬШАЯ КУЧКА БАНДИТОВ АНТАНТЫ, ЗАИНТЕРЕСОВАННЫХ В ВОССТАНОВЛЕНИИ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ, СОЗДАЛА УГРОЗУ СРЫВА КОНФЕРЕНЦИИ.

НАМЕРЕНИЕ СОЮЗНИКОВ ОТСРОЧИТЬ КОНФЕРЕНЦИЮ НА 6 МЕСЯЦЕВ.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ ИТАЛИИ ВЫСКАЗЫВАЕТСЯ ЗА СБЛИЖЕНИЕ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ИРЛАНДИИ ПРОДОЛЖАЮТСЯ.

№ 95. Воскресенье 30 апреля 1922 г. ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА. № 95.

Каждый год в первый день весеннего месяца рабочие всех стран празднуют грядущую весну человечества.

Растоплены в России горячей кровью вековечные льды самодержавия и рабства. Отброшены все попытки вновь сковать морозом революционный поток.

Пусть дуют с запада ледяные ветры. В Россию пришла неумирающая весна! Привет братьям в Западной Европе и в Америке! Победа ждет и их, для всего мира скоро настанет красный май!

Новый год пролетарской борьбы.

Капиталистические страны еще раз показали, что мир всего мира невозможен на буржуазной основе. Эксплоатация рабочего класса растет. Вера пролетариата в возможность улучшить свое положение соглашательством с буржуазией быстро падает. Рабочий класс разочтется со своими иллюзиями и пойдет в бой с империализмом.

В день 1 мая, в день международного праздника пролетарской солидарности, в этом году заседает, или вернее оканчивает заседать, международная конференция в Генуе. Капиталистический мир в тисках невыносимого кризиса, вызванного последствиями мировой войны, которая навсегда останется позорным клеймом этого доживающего свои последние дни строя, делает еще одну попытку выпутаться из положения путем постановки своих проклятых вопросов в международном масштабе. Иным путем их разрешить нельзя, это понимают теперь все, не исключая и капиталистов. Вопрос только в том, можно ли их разрешить на почве капиталистического строя.

Нельзя, говорила всегда партия рабочего класса. Нельзя, говорит теперь опыт Генуэзской конференции, на которой, волей истории, рядом с хищниками империализма сидят и представители единственного пока в мире пролетарского правительства, правительства Советской России.

Война подорвала производительные силы человечества. Разрушение целых областей, колоссальная растрата материальных ценностей, разбросанных в виде осколков на полях сражения, гибель десятков миллионов наиболее работоспособного населения, резкое понижение работоспособности оставшейся части — все это требует теперь, если говорить серьезно о возрождении мирового хозяйства, максимального напряжения труда и максимального сокращения непроизводительных расходов. Историческая неизбежность требует от трудящегося человечества, чтобы оно сбросило со своих плеч всех тунеядцев.

Первое «препятствие»—бремя вооружений. Перед мировой войной под ружьем находилось [illegible] миллионов человек. Теперь их одиннадцать. И эти одиннадцать миллионов вооружены совсем не так, как были вооружены перед 1914 годом. Военная техника за время мировой войны и после нее достигла колоссальных успехов. 3-х дюймовые пушки, составлявшие ранее главную массу артиллерии, кажутся теперь детскими игрушками. Ядовитые газы, аэропланы, танки—все это появилось только во время войны и усовершенствовано после нее. Прежняя армия имела их в ничтожном сравнительно количестве. О морских вооружениях, о новых дредноутах и сверх-дредноутах и говорить нечего. На истощенный войной мир падает такая тяжесть, которую нельзя и сравнивать с той, которая лежала на нем в период его расцвета накануне войны.

Представители пролетариата на Генуэзской конференции поставили вопрос о сокращении вооружений. Какой ответ дали капиталисты? Они отвели его ссылкой на каннские резолюции, по существу дела ссылкой на то, что это сокращение противоречит грабительской политике французской буржуазии...

Далее. Капиталисты не давали денег на войну, которая велась ради их интересов, даром—они давали их в долг. Проценты по военным долгам составляют огромную сумму—в английском бюджете 2/5 его части. То, что погибло на полях сражений, для капиталистов не расход. Это долг, который народ им обязан уплатить с процентами, после того как вдобавок к ссуде капиталистов он прибавлял свою даровую кровь. Кучка тунеядцев не только не понесла ни одной копейки из тех безумных трат, которые произведены на войну,—она будет еще получать от этого добавочный доход. Разве это не величайшая нелепость—не с точки зрения справедливости, а просто с точки зрения интересов восстановления хозяйства.

А между тем, вопрос о военных долгах, в частности о долгах России, и будет, повидимому, тем вопросом, на котором сорвется Генуэзская конференция. Будучи не в силах распутаться с этой коренной проблемой, буржуазия показала здесь свое полное банкротство.

Вопрос о России, о той стране, которая пострадала от войны—и империалистской, и гражданской, т.-е. войны с наемниками наших бывших союзников—более чем какая-либо другая страна. Все понимают, что без создания таких условий, при которых ее 150-миллионное население могло бы бросить на колеблющиеся весы мирового хозяйства свою колоссальную энергию, мировой кризис не может быть изжит. Что же получили мы в ответ на наше предложение о займе для восстановления нашего хозяйства? Попугайский ответ Барту: «отдай долги!»

Спасайся кто может! Хватай все, что плохо лежит! Грабь всякого, кто попадется под руку!—Вот единственные рецепты, которые громогласно и недвусмысленно на весь мир провозгласила буржуазия на конференции, созванной якобы для того, чтобы установить, наконец, мир всего мира.

Вместо мира—подготовка к новым войнам, вместо восстановления хозяйства—грабеж: таковы ближайшие перспективы в случае сохранения господства мировой буржуазии.

Грабеж,—но грабеж не только национальных соседей. Капиталисты прекрасно понимают необходимость экономии,—но только тогда, когда она не задевает их кармана. Они хотят с'экономить на рабочих. Ликвидировать военные долги — не поднимайте этого вопроса. Это может вызвать военные осложнения, нервы капиталистов не выдержат такого посягательства на их добро. У рабочего нервы крепче. Сократить на [illegible] заработную плату английским [illegible]кам—это можно. Удлинить рабочий день американских шахтеров и с'экономить на увеличении их эксплоатации, выбросив на улицу их товарищей—это тоже можно. Рабочий выдержит, а если и умрет, то тоже не беда: количество рук уменьшится, а ту работу, которую они делали, можно переложить на других.

И по всему миру катится небывалая еще волна локаутов, стачек и безработицы. Капитал переходит в наступление. Всякие сентиментальности отброшены. Развал мирового хозяйства, военные долги, кризис—все это ослабило экономически силы пролетариата. Надо пользоваться этим, надо пригнуть его до земли под игом эксплоатации.

Такова обстановка 1 мая в этом году. Быть может, никогда этот праздник пролетарского единения не был до такой степени праздником борьбы, генеральным смотром решительного боя, как в этом году. Национальные иллюзии рабочих разных стран разбиваются вдребезги. Среди них нет уже победителей и побежденных: все они побеждены капиталом—в Англии не меньше, чем в Германии, в Америке не меньше, чем в Англии. Надежды на соглашение с буржуазией разлетаются с каждым часом, ее банкротство перед лицом колоссальной задачи восстановления расшатанного войной мирового хозяйства очевидно. Мысль каждого пролетария, к какой бы партии он ни принадлежал, направляется в одну и ту же сторону. Новый пролетарский год—год великой борьбы, и его начало 1 мая,—день великого смотра, в котором пролетариат, все еще в значительной части одураченный своими предателями-вождями, подсчитывает свои силы, разочтется со старыми иллюзиями и стройными рядами войдет в бой, без различия наций, против издыхающего чудовища империализма, в предсмертных судорогах грозящего искалечить человечество и низвести его на ступень варварства.

ДЕЛЕГАЦИИ СОВЕТОВ В ГЕНУЭ—НАШ НАКАЗ: МЫ ПОБЕДИЛИ, МЫ—ХОЗЯЕВА В СТРАНЕ, НАШИ ЗАВОЕВАНИЯ—НЕРУШИМЫ, НАША ВЛАСТЬ—НЕЗЫБЛЕМА, ПРАВА И ГРАНИЦЫ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИК—НЕПРИКОСНОВЕННЫ!!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

1 мая 1922 г. миллионы рабочих всех стран подхватят лозунг единого фронта в борьбе против капитализма. Солидарность рабочего класса — краеугольный камень для победоносной классовой борьбы. Русская революция — международно действующая сила.

Этот лозунг опять, как во времена I-го Интернационала, стал революционным лозунгом классовой борьбы. В нем опять звучит призыв: об'единяйтесь для низвержения капиталистического мира! Он перестал быть пустым звуком и вновь выражает действенную политическую силу международной солидарности рабочего класса.

Таким он не был в эпоху, предшествующую империалистической войне. После победы наглеющего капитала над Парижской Коммуной, международная солидарность пролетариата сделалась настолько бессодержательной и слабой, что почти каждый талантливый претендент на министерское кресло осмеливался в годы своей власти прикрываться великими лозунгами I Интернационала —от Мильерана и Петра Струве до Носке [illegible]. [illegible] пустила корни в рабочем профессиональном движении, она была так запугана узкими цеховыми интересами, что скорее казалась опорой капиталистического классового господства, чем угрозою ему.

В начале войны 1914 г. казалось, что международной солидарности нанесен смертельный удар. На самом деле было далеко не так. Ей только в начале пришлось уйти в подполье. Скоро в тылу фронтов зазвучал бодрый большевистский призыв: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь»! Это был призыв к сокрушению устоев, к военным мятежам, к измене отечеству капиталистической прибыли и империалистических грабежей.

Весной 1917 г. международная солидарность пролетариата со стихийной силой прорвалась в революционном братании на русском фронте. Это было великим началом. 1917—1919 г.г. принесли углубление русской революции, связанное с первой могучей волною революционной солидарности европейского пролетариата. В 1919—1921 г.г. формируется Коммунистический Интернационал.

А 1-го мая 1922 г. миллионы организованных рабочих всех стран с воодушевлением подхватят лозунг:

Единый фронт в борьбе против капитализма!

За Советскую Россию!

Эта демонстрация международной солидарности пролетариата еще не влечет за собою международной революции. Но ни один человек в мире не сомневается в ее значении: в тот день, когда пролетариату удастся — в Германии, или Франции, в Италии, или Англии — низвергнуть господство буржуазии, между этими странами и Советской Россией создастся союз, обладающий, несомненно, более глубокими корнями, чем любой военный союз капиталистических правительств.

Сколько было неизмеримых жертв, страданий и людской крови, прежде чем развернулась эта революционная мощь международной солидарности! Не I Интернационал был ее первой колыбелью, не Парижская Коммуна первой пробой пороха. Она плод классовой борьбы тысячелетий.

Целые столетия трудящиеся и эксплоатируемые должны были влачиться в море бедствий, грязи и преступлений, пройти через мучительное рабство и массовые убийства, прежде чем создалась первая предпосылка к освобождению грядущих поколений из этого ада: этой предпосылкой было увеличение производительных сил общества, благодаря созданию машин, развивших крупную индустрию. Один немецкий исследователь высчитал, что в то время как в производственной системе античного общества в течение года приходилась 1/18 лошадиной силы, в Германии до войны приходилось 1/2 лошадиной силы на каждого. Дорого, страшно дорого обходился человечеству этот технический прогресс! Жестока была история человечества в эпоху эксплоатации. Но иного пути вперед не было.

В этом адском котле создалась и закалилась массовая мощь современного пролетариата. Пролетариат стал гигантской экономической силой, от которой целиком зависит производство современного общества. В этом основа и его политической силы.

Капиталист-эксплоататор был вынужден об'единять своих рабочих в стенах фабрик и заводов. Буржуазия не могла воспрепятствовать рабочим организоваться в свои профессиональные союзы и политические партии. Она могла только временно отразить, связать, расколоть, подкупить или иными средствами парализовать эту нарождающуюся классовую мощь. Она сумела набросить одинаковое ярмо на рабочих всех стран, но сама была не в состоянии сгладить противоречия в интересах международных хищников. Капиталистическое господство покоилось на конкуренции, на хищничестве и грабеже и в своем стремлении к международному распространению должно было дойти до того пункта, когда мировая война империалистических держав стала неизбежной.

Это было началом конца всемирного господства капитала. Мы его очевидцы. Для пролетариата были созданы предпосылки для международного единства, каких для самой себя буржуазия создать не сумела. Этим был, наконец, положен последний краеугольный камень для победоносной классовой борьбы пролетариата.

Об'единяйтесь для борьбы и победы! Для пролетариев всех стран это возможно —для капиталистов нет.

Русская революция была не первой в истории пролетарских революций, но она была среди них первой победоносной. Пример русских товарищей показал, что современный пролетариат в состоянии одержать и закрепить окончательную победу.

Русская революция—международно-действующая сила, не только внутренний фактор России. Живая сила большевизма проникла всюду и действует везде. С каждым годом и с каждым месяцем это все более выступает наружу. В данный момент она проявляет себя в международном об'еме сильнее, чем когда бы то ни было.

Как мощно действует теперь во всех странах призыв русского пролетариата:

Пролетарии всех стран, об'единяйтесь!

Рука об руку с нами, против хищников капитализма!

Злейшие враги Советской России—вожди-социал-предатели, на Берлинской Конференции Исполкомов трех Интернационалов не осмелились открыто возвысить голос против этого лозунга. Так силен порыв рабочих масс к борьбе плечом к плечу с русскими коммунистами, что упоминание о русской революции заставляет ее заклятых врагов склонять головы!

«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»—зовет из России пролетарская революция—«Вы еще недостаточно едины с нами и между собой, об'единяйтесь теснее! Организуйтесь крепче! Соберите все силы к борьбе и победе!»

Вот наша сила. Как слабо в сравнении с этим международное влияние героического в своей безнадежности восстания парижских пролетариев полстолетия назад!

Нужно собрать всю революционную мощь пролетариата всех стран, пробудить чудовищную силу его священной ненависти, для того, чтобы открылась возможность освобождения человечества от тяжкого гнета и установления международного царства братской любви.

Только теперь перед нами воочию реальная возможность того, что

С Интернационалом воспрянет род людской,

реальная возможность завершения мучительного пролога истории человечества, эпохи господства хищников и рабства труда, за которым откроется широкий простор истинно человеческого прогресса.

Созидательная сила—вы и ваши мозолистые руки, пролетарии всех стран! Вы и ваша священная ненависть!

О. В. КУУСИНЕН.

ПРИВЕТ РЕВОЛЮЦИОННЫМ РАБОЧИМ ВСЕХ СТРАН, ДЕМОНСТРИРУЮЩИМ 1-го МАЯ ЗА СОВЕТСКУЮ РОССИЮ!

1-е мая рабочего.

После старых боевых лозунгов наступления, нам приходится выдвигать лозунги отступления: пролетарской торговли и концессии. И то и другое при удачном проведении в жизнь приближает нас к коммунизму.

Прошел год...

Год труднейшего переворота. Год, требовавший чрезвычайной выдержки, настойчивости и упорства—и чрезвычайной сознательности. Этот истекший пролетарский год не блещет красивыми победами, яркими красками революционного творчества—это год тяжелого отступления, а отступление —труднее наступления. Когда идет наступление, энтузиазм охватывает всех участников его, робкие становятся смелыми, трусы перестают дрожать за свою шкуру, средние люди становятся героями—одно блестящее дело сменяется другим и нет усталости, нет слабости, нет разложения. Другое дело отступление—только во время отступления обнаруживается настоящий героизм, истинная твердость, действительная ясность понимания обстановки. Истекший пролетарский год показал, что рабочий класс способен не только на обычный героизм наступательного боя, но и на высший героизм твердости в отступлении. Вот эта твердость и дает нам полную уверенность в том, что новые, неизмеримо более трудные задачи, вставшие перед пролетариатом России, будут им разрешены. И в истории поставила перед рабочим классом России снова коренные вопросы, вопросы его дальнейшего бытия.

Эти коренные вопросы существования рабочей [illegible]лить каждому рабочему пролетарский праздник 1-го мая.

Впервые празднуем мы наш праздник в столь необычных условиях: пролетарская диктатура в условиях развивающегося товарного хозяйства и зарождающихся деловых связей с капиталистическим миром. Советская власть —НЭП—Генуя— в такой комбинации пролетариату еще не приходилось развертывать свое красное знамя.

Развертывать красное знамя, идя на штурм капитала,—это понятно, это вызывает воодушевление, это об'единяет и сплачивает широчайшие массы вокруг развернутого знамени.

Но развертывать красное знамя, ставя перед собой задачу «торговать!», развертывать красное знамя, ведя переговоры о концессиях, развертывать красное знамя, договариваясь с Ллойд-Джорджем, Пуанкаре, Факта, подписывая договор с Виртом,—о! это выглядит почти-что неприлично! Это выглядит почти «соглашательским»! Не лучше-ли развернуть черное знамя, написать на нем Брандовское «Intet eller alt» («все или ничего») и очертя голову броситься на врага? Для кого лучше? Для капитализма это будет, несомненно, лучше— для рабочего класса это будет не только не лучше, это даже не будет выглядеть героически, если не считать героическим смертельный прыжок с [illegible] пожелавшего умереть в честь любимого вождя. Рабочий класс, развертывая свое красное знамя в условиях Советская власть—НЭП—Генуя, тем самым показывает, что отступление не есть капитуляция, что борьба с капиталом на новых позициях продолжается, и что борьба эта, в новых формах, на новых позициях, в более трудных условиях не менее, а пожалуй даже более почетна, чем элементарная борьба с оружием в руках.

Рабочий класс показал, что он является первоклассным организатором вооруженной борьбы. Это—общепризнано.

Рабочий класс показал, что он—отличный организатор производства. Это—оспаривается высокомерными капитанами промышленности и даже многими нашими соратниками, не понимающими, что в таких условиях, в каких мы организовывали производство, любой капиталист сделал бы в десятки раз меньше. Мы можем без колебания предложить любому капиталисту вести дело в тех же условиях и гарантируем, что наше, пролетарское предприятие будет идти лучше.

Но умения драться и умения организовать самый процесс производства не достаточно. Перед рабочим классом встали две новых для него, чуждых ему задачи и за эти чуждые ему задачи он берется теперь во имя достижения своей основной цели—организации коммунистического хозяйства. Эти задачи—торговля и концессии.

Торговля проистекает из своеобразия внутреннего положения пролетарской власти в России. Концессии проистекают из своеобразия международного положения ее. То и другое—экономически необходимы, и ставя перед собой эти коренные задачи, мы не должны смущаться тем, что эти лозунги никогда не значились на первомайских знаменах.

Торговля не есть политическая уступка мелкой буржуазии, как думают многие, торговля—это единственно возможная при данных условиях форма связи и государственной промышленности Советской России с многими миллионами (миллионами!) самостоятельных, частных крестьянских хозяйств. Политический момент лежит не в торговле, а в невозможности об'единения этих крестьянских хозяйств в экономически более высокие, крупные хозяйственные единицы. Раз крестьянское хозяйство есть факт данный, то неизбежно встает вопрос о связи этих крестьянских хозяйств с промышленностью, а такой связью является торговля.

Торговля имеет свою логику. Эта логика ныне действует. Задача рабочего класса заключается в том, чтобы овладеть этой торговлей, не мешать ей, а именно овладеть, т.-е. торговать самому и на рынке бить своих конкурентов. Тут борьба завязывается не шуточная, победит в этой борьбе рабочий —будет коммунизм, проиграет—будет капитализм, самый настоящий, допотопный, да еще в своем самом худшем колониальном издании.

Глубочайше заблуждаются те, кто думает, что в этом деле нас могут заменить специалисты. Говорить так значит—не понимать боевого значения для рабочего класса и буржуазии исхода разрешения этой задачи. Это не значит что мы будем торговать без специалистов—специалист нужен, но и специалист будет хорошо торговать (хорошо для рабочего класса!) только при условии, если рядом с ним будет хорошо торговать коммунист. Проблема торговли—большая и трудная проблема. Нам ее особенно трудно разрешать, но мы ее обязаны разрешить и поэтому лозунг: «да здравствует пролетарская торговля!» мы не написали на наших знаменах, очевидно, только потому, что еще не привыкли к той мысли, что решительный бой пролетариата и буржуазии развертывается сейчас на рынке.

Точно так же, как факт существования крестьянского хозяйства приводит нас к торговле, точно так же факт существования капитализма в важнейших, наиболее развитых странах приводит нас к внешней торговле и концессиям.

Первое сосредоточение энергии на хозяйственных проблемах было удачным. Началось оживление. Под'ем производительных сил обозначился совершенно отчетливо. Он сменился общим кризисом. Почему? Потому, что Россия истощена почти 8-ю годами войны и оторванности от мирового хозяйства. Быстрое развитие производительных сил возможно лишь на основе установления тесной связи с мировым хозяйством и притока необходимых дополнительных средств в транспорт, промышленность и сельское хозяйство. Этих дополнительных средств истощенный организм хозяйства России выделить из себя не может. Они должны быть даны более развитыми странами.

В этих странах господствует капитал, и пока он господствует, нам не остается ничего другого, как идти на деловые сделки с ним. Как долго капитал будет господствовать—решат рабочие Запада, но пока он существует, мы должны иметь дело с ним. Без притока средств из-за границы хозяйство России обречено на крайне медленное развитие (измеряемое десятилетиями!) и тем самым подведение устойчивой производственной базы под пролетарское хозяйство отсрочивается на многие и многие годы.

Как будут привлечены иностранные капиталы, на каких условиях, как они будут действовать среди нас, как мы справимся с вредными влияниями их, как мы выдержим конкуренцию, как мы парализуем посягательства на политическое руководство со стороны капиталистов, начиная от простого подкупа государственных чиновников и кончая политическими заговорами,—все это практические задачи, которые становятся перед пролетариатом с того момента, как вооруженная борьба с капиталом сменяется деловыми «связями». Концессии—в широком смысле этого слова—необходимы, но концессии ставят перед рабочим новые задачи, более трудные, чем задачи вооруженной борьбы.

Сохраняя государственную власть, сохраняя и укрепляя свою партию, сохраняя единство в самом себе, прибавляя к своему умению воевать и организовывать производство еще и умение торговать и иметь дела с концессионерами,—пролетариат России не сдает свои позиции, а защищает свое знамя, знамя борьбы за коммунизм.

Пусть новые формы борьбы—не столь эффектны, чем прежние, но они ведут нас к цели, а это самое главное.

Пусть нам—бесконечно тяжко. Мы знаем, чего мы хотим, и твердо идем к цели.

Первое мая 1922 г. рабочий России и в новых условиях встречает с гордо поднятой головой:

Я знаю, чего я хочу!

Я иду к своей цели и сделаю все, что нужно для достижения этой цели!

Ни торговля, ни концессии мне не страшны—я иду к коммунизму и знаю, что вместе со мной идут миллионы, десятки миллионов рабочих Запада, еще борющихся за власть.

Г. ПЯТАКОВ.

1-е мая 1922 г.

Ровно 7 лет тому назад 1 мая 1915 г. мне пришлось писать статью, которую я озаглавил: «Первомайский праздник буржуазии». Германская социал-демократия, тогдашняя башня II Интернационала, накануне 1 мая 1915 г. выступила с официальным обращением к германским рабочим отказаться от празднования 1 мая в виду войны. Германская социал-демократия не осталась одинокой,—в той или другой форме тот же лозунг отказа от первомайского празднества бросили и другие крупные партии социал-демократии, поддерживавшие империалистскую войну. Общими усилиями социал-патриотов ряд стран первомайский праздник 1915 г.—вражда империалистской бойни, был превращен в первомайский праздник буржуазии. Прошло 7 лет, много воды и крови утекло за это время. Россия стала Советской республикой. Родился и окреп Коммунистический Интернационал. Рабочий класс в ряде стран поднялся на восстание. Первые атаки пролетариата разбиты, буржуазия осталась победительницей в этих первых схватках.

Но ее господство поколеблено. Фронт ее непрочен. Николай кровавый тоже «победил» первую русскую революцию в 1905 г., но его дальнейшее господство было уже очень и очень непрочным.

Ныне рабочий класс всего мира занят собиранием своих сил. Это дело потребует нескольких лет, но победа все же достанется рабочему классу.

Это так же несомненно, как несомненно то, что после ночи наступает день, или что после последнего дня апреля наступает первый день мая.

Рабочий класс собирает свои силы. Возрождаются первомайские празднества. Родилась идея единого пролетарского фронта против капиталистов.

Честные пролетарии всего мира 1 мая 1922 г. будут демонстрировать в пользу Советской России, на которую в Генуе покушается группа империалистов.

Если конференция в Генуе будет сорвана, пусть знают английские рабочие, пусть знает весь мир: эта горсточка в несколько сот крупнейших миллиардеров требует возвращения ей ее «священной» собственности, на которую покусилась великая русская революция. Рабочие Великобритании не отстанут от передовых пролетариев мира. Они всей своею мощью поддержат Российскую Советскую республику, оплот пролетарского движения всего мира. Они помогут не на словах, а на деле осуществить великий единый пролетарский фронт против капиталистов и их приспешников. 1 мая 1922 г. будет днем мобилизации миллионов рабочих всего мира против капитализма.

Г. ЗИНОВЬЕВ.

От ред. Печатаемая выше статья дана т. Зиновьевым по кабелю в известную лондонскую газету «Тайис Геральд» по просьбе последней.

ДА ЗДРАВСТВУЕТ 1-е МАЯ—ПРАЗДНИК ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ И ПОБЕДЫ!!

1-е мая на полях республики.

Погода благоприятствует грядущему урожаю. Семена в большинстве губерний доставлены почти полностью. Трудовой энтузиазм невероятно велик. Крестьянство от рутинных способов землеобработки переходит к новым способам. Нужна грандиозная агитация за ранний и чистый пар.

Первое мая—праздник труда и весны. Рабочие избрали этот день днем праздника потому, что победа их дела знаменует собой весну человечества и знаменует одновременно освобождение рабов капитализма из душной темницы городов, возвращение человека к природе, к зеленеющим полям и лугам, к одетым листвою лесам.

Наш взор первого мая устремляется не только через границы, навстречу мысленным взорам пролетариев всех стран. Он устремляется также в бесконечные наши поля, где трудятся наши братья рабочих—крестьяне. У них другая беда, от которой их избавит только тот же социализм: эти труженики в плену у природы, благодаря своей социальной разрозненности и слабости. Первое мая должно стать и их праздником, ибо путь к избавлению у них одинаков с рабочими, ибо праздник труда и весны, праздник полей, лугов и лесов есть и их праздник.

Что же делается первого мая в наших полях и лугах? Справляют ли они свои [illegible], или переживают черные дни, наподобие прошлого года не зеленея, а бурея от засухи?

Со всех концов России к нам стекается ряд сообщений о движении погоды, об условиях засева, отчасти уже о состоянии озимых всходов. В полях началось весеннее оживление, и надо сразу сказать, что пока почти отовсюду идут хорошие вести.

Первый раз, по счастью, метеорологические предсказания не оправдались: предсказано было недели три назад, что весна будет ранняя и сухая. Вывод был тот, что надо рано пахать и рано сеяться. Если бы это предсказание оправдалось, это было бы крайне неблагоприятно прежде всего для голодающего Поволжья, куда последние партии семян подходили 15—20 апреля и где сев поэтому только теперь может итти полным ходом. Это было бы также крайне неблагоприятно для ряда западных, центральных и украинских губерний, где осенью нехватало дождей, и с самого начала создался дефицит в осадках.

Крайне отрадно поэтому, что весна оказалась не ранняя и сухая, а (по крайней мере, по сравнению с прошлым годом) более поздняя и влажная. Снег стал сходить рано, наступило тепло; и после того, как снег стаял, или одновременно с исчезновением его прошла волна холодов и дождей.

Если мы возьмем метеорологические сводки за последние десять дней, то увидим, что почти все станции отмечали дождь, и притом не раз. По всему Поволжью и Приуралью они отмечены и станциями и сообщениями земотделов. Но это относится отнюдь не к одному Поволжью: то же в Пензе, Рязани, Воронеже, Тамбове, Туле, Курске и т. д. Из Курска, где как раз наблюдался дефицит осадков прошлой осенью, заведывающий губземотделом от 14-го апреля пишет: «к посевам яровых пока еще не приступили, в виду дождливой погоды». Украинские станции тоже отмечают дожди; например, Киевская (24 и 25 апреля), Елисаветградская (22 и 25). Равным образом дожди отмечаются на западе, северо-западе, севере. Ни из одной губернии Европейской России пока нет известий о засушливой погоде.

Начинают появляться и благоприятные сведения о состоянии озимых. Неблагоприятные известия были только из западной области, частью из Курской губернии, Донской, Петровского уезда Саратовской. Также из Калужской губернии сообщили, что озимые «средние, частью ниже среднего». Зато из Воронежа пишут, что по телеграфным переговорам с уездами «озимые из-под снега вышли в хорошем состоянии». Из Тулы: «в отношении озимых могу сообщить, что они вышли в благополучном состоянии из-под снега, а проходящие дожди их достаточно укрепили, и мы имеем по своей губернии хорошие зеленя». Из Рязани: «озими вышли из-под снега в свежем состоянии, вымочек мало». Из Орла: «погода вполне благоприятная, почвенной влаги достаточно, состояние озимей выше среднего» и т. д. Вообще, за указанными исключениями, озими повсюду удовлетворительны, и повсюду, очевидно, дожди пока действуют так же, как и в Тульской губернии.

Весенние дожди, особенно если появится затем теплая погода, очевидно, должны будут хорошо действовать и на рост травы, что весьма важно для истощенного крестьянского скота.

Здесь кстати еще отметить, что первая очень ранняя сводка ЦСУ, охватившая только Сев. Кавказ, Украину и пять более южных губерний внутренней России, отметила: на Сев. Кавказе состояние озимых на полдороге между средним и хорошим (ближе к хорошему), во внутренней России—также между средним и хорошим и на Украине (еще с осени наиболее угрожаемый по недороду район)—ниже среднего, но близко к среднему. Здесь мы, повидимому, имеем оценку положения, сделанную еще до дождей.

Перейдем теперь к снабжению семенами. По весьма и весьма запаздывающим сведениям Компрода на 24 апреля (фактически эти сведения с мест даны 13—15—20 апреля, в некоторых случаях еще 3—4 апр.) внутренний семенной наряд дошел до мест в размере 80 процентов; что касается заграничного, то по этим сведениям дошло всего 22 процента. Но теперь уже и мы можем присоединиться к заявлениям Наркомпути и Наркомпрода, что в действительности дошло больше. Несомненно, что все девятнадцать миллионов пудов внутреннего наряда поспеют вовремя и будут высеяны. Запоздание же сева делает все более вероятным, что семь миллионов пудов заграничной пшеницы и овса, [illegible] в землю.

Кое-кто получил семена даже с избытком против наряда; так, например, Чувашская область получила 150 процентов наряда, Оренбургская губерния получила 143 проц. первоначального наряда *). Недавно с великим торжеством татарский Наркомзем довел до нашего сведения, что «все семена получены, развезены и находятся в общественных амбарах». В сводке же Компрода числится прибывшими в Татреспублику 95 проц. семян русских и 39 проц. заграничных. Из Саратова только что пришла прочувствованная телеграмма за подписью зампредгубисполкома Осипова: «Саратовская губерния по двадцать второе апреля получила семян (без кукурузы) более ста процентов первоначального плана. Большинство семян уже на местах. Оставшаяся часть быстро развозится железной дорогой из баз по уездам. Семена к посеву не опоздали. Процент недостачи семян при разгрузке оказался сравнительно небольшой: всего два целых и три десятых процента. Сев начался при весьма благоприятных условиях весны. Настроение крестьян, не ожидавших получения такого количества семян, поднялось. Со всех концов получаются резолюции, приветствия, благодарности крестьян Советской власти за хорошую помощь. Ободренное получением семян и хорошими климатическими условиями, предвещающими урожай, голодное крестьянство принялось за посев и несмотря на крайний голод, делает сверхчеловеческие усилия, чтобы засеять все полученные семена. Ими можно обсеменить площадь, равную девяносто процентов прошлогодней. Вместе с имеющимися у крестьян некоторых менее голодных уездов своими семенами будет засеяна приблизительно равная прошлогодней площадь яровых. От имени измученного голодом крестьянства губернии губисполком выражает глубокую благодарность центральным органам власти и всем железнодорожникам, продработникам и земработникам республики за хорошо проведенную семенную кампанию, благодаря чему Саратовская губерния имеет теперь твердую базу для возрождения своего сельского хозяйства после тяжелого года».

Более сдержанная телеграмма из Симбирска, где сообщается, что на 15 апреля получено 92 проц. наряда; кроме того, с очевидным удовольствием добавляет телеграмма, «сверх наряда получено сваловского (т.-е. первосортного шведского) овса 35 вагонов».

В общем и целом, по явно отстающей сводке Компрода, из 23 адресатов только семь получили менее 70 проц. наряда. Немкоммуна (блистающая, кстати сказать, полным отсутствием всяких отчетов по сел.-хоз. кампании: таковые не представлены ею ни за январь, ни за февраль, ни за март, равным образом нет ни одного отчетного письма) показывает на 19 апреля 63 проц. семян русских и 16 проц. заграничных. По сообщению же тов. Мирошкина из Саратова (в отчетном письме) «область немцев Поволжья получила семена из Новороссийского порта, и по их официальному заявлению и по сведениям нашего уполномоченного — не только полностью, а имеет уже своего рода насыщение и избыток». Итак, о Немкоммуне не приходится беспокоиться. Из других неблагополучных адресатов Пермь (58 проц.) имеет в подходе маршруты заграничных семян. Астрахань мало получила—по очень старым сведениям.

*) Такие сверхполучки, очевидно, об'ясняются: 1) получением некоторого количества семян от АРА, 2) переадресовками, которые приходилось делать в двадцатых числах марта, дабы «расшивать пробки», образовавшиеся тогда на железных дорогах.

Зато серьезный вопросительный знак надо поставить перед Самарой (62 процента русских и 10 проц. иностранных семян на 13 апреля; в общем итоге 1.300 вагонов из 3.000), Башреспубликой (41 проц. русских и 0 проц. иностранных семян, в итоге 343 вагона из 1.487) и Челябинском (63 проц., 637 вагонов из 1.003—на 15 апреля). Важно, чтобы товарищи из этих трех районов поскорее откликнулись, сколько семян успело дойти к ним до начала посева. К сожалению, ни Башреспублика, ни Челябинская губерния аккуратностью в доставлении сведений не страдают. Мы не получили от них ни одного отчетного письма.

Что касается вероятной площади посева, то мы выше привели предположение тов. Осипова для Саратовской губернии. Столь же оптимистическое сообщение мы имеем из Тулы от тов. Мамонова. Здесь произойдет, правда, сильный недосев по овсу (обычная в последние годы история в Тульской губернии). В остальном «по общему впечатлению мы засеем не менее 80 проц. плана». План же по Тульской губернии равен площади 1916 года. Если пишущий это тов. Мамонов прав, мы получили здесь расширение посевной площади (или, по крайней мере, цифр ЦСУ) вдвое: с 223 до 440 тысяч десятин. В Тульской губернии урожай в прошлом году был порядочный, расширять посев есть на что, но окажется ли прав тов. Мамонов—мы увидим позже.

Из Пензы, наоборот, обещают засеять не более половины клина. Увидим, насколько оправдается такой пессимизм, который имеет за себя весьма неважный урожай прошлого года и очевидный недостаток семян. Но если из Орловской губернии нам сообщают о недостатке семян, то такому пессимизму плохо веришь после отличного урожая прошлого года в Орловской губернии. Недаром же в нынешнюю весну Орловская и Курская губернии были забиты покупателями семян из менее урожайных губерний.

Кто имеет право жаловаться, но не жалуется, а только констатирует—это Самарская губерния: «В Ставропольском уезде начался посев ранних культур 13 апреля. Посев проводится лошадьми, коровами, граблями (т.-е. бороньба идет и в ручную, за полным отсутствием всякого скота). Наблюдаются случаи потребления семян в пищу; выехала сессия губюста для разбора этих дел. Необходима скорейшая помощь в целях предотвращения истребления семян». На последнее мы обращаем усиленное внимание ЦК Помгола, АРА и Наркомпрода.

А вот сообщение от 16 апреля из Саратова (тов. Мирошхина): «Быстрая развозка поступившего груза (семенного) в пределах губернии—можно с уверенностью сказать—спасет дело посева. Дело за железнодорожниками наших мест... Меры приняты, но пока семена не на месте, беспокойство не изжито. Последующие дни, конечно, выяснят, справедливы ли опасения, или на этот раз дорога оправдает себя (как мы видели из приведенной выше позднейшей по сроку телеграммы тов. Осипова, железнодорожники сделали свое дело. Н. О.).

«Между тем уезды ждут, настроение населения, очевидно, окрепло, оно уверено в получении семян и тянется за ними на пункты их прибытия не только на лошадях, но и разносит их на собственных плечах десятки верст, не стесняясь расстоянием. Живучесть сел.-хоз. работников поразительна, как поразительно их самоотверженье в интересах дела: умирая с голоду, сельский хозяин все же сохраняет семена на посев, хотя и он и его семья ходят как тени. Примерами такого героизма будут полны деревенские летописи, если бы кто-нибудь взял на себя труд вести счет этим примерам в жизни нашей голодной сельско-хозяйственной действительности».

Чувствуете ли вы, товарищ-читатель, великий трудовой энтузиазм, отражение которого звучит в этих словах и который проявляется как в массе крестьянства, так и в среде работников, его обслуживающих? Ибо, ведь, это последние, чтобы доставить крестьянам семена, умирают на площадках вагонов от тифа, ибо это они, голодные и холодные, ведут поезда на «запаленных» паровозах; ибо это они пешком и разутые идут в деревню, чтобы научить крестьян, как лучше обработать землю. На их великом напряжении и на трудовом героизме крестьянства основывается возрождение страны, залог которого они составляют.

Да, наши поля все же справляют свои трудовые именины. Природа пока благосклонна к ним. А люди заботятся о них, как никогда. Из голодной Чувашской области сообщают о массовом стремлении к многополью. Из Курской губернии пишут, что спрос со стороны крестьянства на всякого рода меры по борьбе с засухой огромный (докладчиков «буквально засыпают вопросами») и что по заслушании этих сообщений с мест совещание коллегии Губземотдела с заведывающими УЗО вынесло постановление об усилении кампании за апрельскую вспашку пара. Это сообщение является типичным: глубочайшим образом оказались неправы те, кто думали, что русского крестьянина придется раскачивать десяток лет, чтобы втолковать ему хотя бы пользу раннего пара. Мы с полной уверенностью, на основании всей совокупности сообщений с мест, предсказываем, что в нынешнем году успех этой меры будет еще более обширным, чем в прошлом. (Когда ранний пар охватил треть всей площади парового поля).

Если бы налицо были материальные предпосылки для перехода к четырехполью (семена трав и пропашных растений), мы были бы еще в этом году свидетелями широчайшего движения к многопольному севообороту. Массовая организация такового, хотя бы в примитивных пока формах, становится реальной задачей будущего года.

В этом же году именины полей необходимо справить тотчас же после первого мая грандиозной агитацией за ранний и чистый пар. Как бы ни были ничтожны наши средства, надо извернуться всеми силами, развернуть широчайшую кампанию и не упустить исключительно благоприятного момента. В крестьянстве произошел огромный сдвиг, который надо использовать во-всю.

С первым мая, работники на полях Республики! Побольше семян в влажную землю! Побольше вскройте черных недр ее плугом и сохою! Покажите всем, кто злобно шипит, будто Советская Республика умирает: нет, она только начинает жить. Для нее пришла весна—по ее земле брызнули дожди. Она поднимается на ноги, она встанет!

Н. ОСИНСКИЙ.

УКРЕПИМ СОЮЗ РАБОЧИХ И КРЕСТЬЯН—ОСНОВУ МОЩИ СОВЕТСКОЙ СТРАНЫ!

Лозунги единого фронта.

Когда интернациональный социалистический конгресс в 1889 г., желая ознаменовать столетие великой французской революции, принял постановление о международном пролетарском первомайском празднике, лозунгами которого должны быть: 8-часовой рабочий день и всеобщий мир, то в нем, в сущности, уже и заключалась идея единого пролетарского фронта. Уже 32 года первомайские демонстрации проходят под этими лозунгами. Во время мировой войны, благодаря политике предательства вождей социал-демократий, празднование 1-го мая было потоплено в море крови. Социалисты II Интернационала, превратившись в социал-патриотов, старательно использовали влияние, которое они еще имели на некоторую часть пролетариата, для того, чтобы внедрить в сознание масс мысль о необходимости защиты отечества. Только небольшая группа, сохранившая среди безумия мировой войны верность социализму, несмотря на осадное положение и чрезвычайные законы, демонстрировала 1-го мая во время войны против войны. 1-е мая 1917 г. в Германии,—когда был арестован Либкнехт,—было самым значительным празднованием 1-го мая за истекшие 30 лет, несмотря на незначительное число участников. Растоптанное в грязи знамя социализма было как в национальном, так и интернациональном масштабе вновь высоко водружено, и хотя те, которые несли его, были отправлены в тюрьмы и на каторги, однако мужество этой небольшой мужественной группы оказало огромное влияние далеко за пределами Германии.

Празднование в 1890 году первого первомайского праздника, пробудило в пролетариате стремление к борьбе за пролетарские интересы. Сознание, что в один и тот же день, в один и тот же час на всем земном шаре рабочие выступают с одними и теми же требованиями и громко заявляют о своей борьбе с буржуазией, дало толчок и силу классовому пролетарскому самосознанию. В некоторых государствах произошли кровавые столкновения. У меня, участвовавшего в первомайском праздновании 1890 г. еще школьником, сохранилось незабываемое впечатление об этом дне. Еще задолго до первого мая, в сознании рабочих масс жило смутное сознание о чем-то великом и громадном, которое отодвинуло на задний план все мысли о будничных интересах. Лихорадочно готовились к первому мая, как к большому празднику. Текстильщики разукрасились свежей зеленью и пестрыми лентами и потянулись длинными рядами к базарной площади. Мы, дети, захваченные этим массовым настроением, шли во главе шествия. Внезапно, на том месте, где главная улица переходила в базарную площадь, шествие было задержано большой цепью из полицейских и жандармов. Командир отдал никому непонятный приказ, и полицейские и жандармы с винтовками на перевес, ринулись на мирно шествовавшие с пением человеческие массы. О том, что тогда произошло, я еще и теперь не могу спокойно рассказать. Насилие сильно врезалось мне в память следующая картина, ставшая для меня символом непримиримости классовых противоречий между пролетариатом и буржуазией.

На пороге одного дома лежали полицейский и тело корчащегося умирающего ткача, которого я лично знал, как жизнерадостного, веселого и тихого человека. Лицо полицейского было подернуто злобой и яростью, лицо ткача отражало сияние чего-то великого и трогательного, что перед смертью витало перед его глазами. Близстоявшие рассказывали, что полицейский ринулся на ткача и проткнул ему грудь острием винтовки, а ткач поднял жандарма в воздух и с такой нечеловеческой силой опустил его на железный заостренный забор, что целый ряд зубьев вонзился ему в тело.

Радостные надежды и бесконечное миролюбие рабочих разлеталось как дым. При следующих празднованиях первого мая этого настроения уже не было. Профсоюзная бюрократия и будущие социал-патриоты еще в довоенное время пытались проводить предательскую политику по отношению к рабочему классу во время празднования первого мая. Борьба за формы празднования была первой полусознательной борьбой между революционерами и социалистами-реформистами. Каждый вдумчивый рабочий на истории празднования первого мая может изучить значение слов Карла Маркса, что пролетариату, на протяжении десятков лет придется вести тяжелую классовую борьбу и гражданскую войну, раньше чем он изменит капиталистический строй и себя самого. Интернациональное празднование первого мая 1922 г. вновь стоит под знаком единого фронта. В продолжение 32-х лет надежда пролетариата на легкую победу совершенно потасла. Интернациональная конференция исполнительных комитетов 3-х Интернационалов с новой очевидностью это показала. Ход работ Генуэзской конференции заставляют мелкого сознательного рабочего к тому, чтобы на деле осуществить единство пролетарского фронта. Тридцатилетние демонстрации, с требованием 8-часового рабочего дня и всеобщего мира не были еще достаточны, чтобы завоевать рабочему классу ни 8-часовой рабочий день, ни всеобщий мир. Генуэзская конференция показывает всем, что из-за противоречивых интересов различных капиталистических государств вновь могут сгуститься облака и разразится военная буря. 8-часовой рабочий день, который казался рабочему классу обеспеченным, вновь отменяется или находится под серьезной угрозой. Требования, выставленные 33 года тому назад, к сожалению, так же актуальны теперь, как и тогда. Русский пролетариат вынужден был сделать несколько шагов назад, так как пролетарии других стран не пришли ему на подмогу.

На конференции 3-х Исполнительных Комитетов 3-х Интернационалов, представители II Интернационала саботировали единство борьбы, единство демонстрации пролетариата. Господин Вандервельде, представитель II Интернационала и бывший министр его величества короля Бельгии, угрожал сорвать конференцию, если представители III Интернационала выставят лозунг демонстрации против Версальского договора. Но ведь теперь и самому отсталому рабочему ясно, что посредством этого капиталистам отняли 8-часовой рабочий день, прожиточный минимум и угроза новых войн непосредственно являются следствиями тех отношений, которые между различными государствами и людьми создал Версальский договор. Вместо борьбы против буржуазии, II Интернационал требует борьбы против первого в мире рабочего крестьянского правительства. 2½ Интернационал поддерживает его. Господин Вандервельде, который в течение войны хладнокровно посылал на смерть десятки тысяч рабочих в угоду интересам буржуазии, господин Вельс, который во время войны занимался тем же самым и который 6-го декабря 1918 года отдал первый приказ об убийствах рабочих в Берлине, тот самый, который в январе организовал кровавую баню против революционных матросов, и господин Макдональд, который не протестовал против бесчисленных диких расправ англичан в своих колониях, во время мировой войны, в Ирландии и в Индии.—Все эти люди с чуткой совестью выступали с протестом против красного террора, посредством которого русская революция победоносно сражалась и сражается с белым террором.

Еще будучи 10-летним мальчиком, я инстинктивно, со всем пламенем души, ненавидел тех, которые осуждали мертвого ткача за то, что он убил полицейского, вонзившего ему в грудь острие своей винтовки. И в настоящее время продолжаю я ненавидеть тех, которые содействуют созданию новых кровавых боен, и всей душой на стороне тех, которые до войны, во время войны и после нее, по примеру этого ткача, берутся за оружие и готовы насилию, направленному к поражению рабочего класса, противопоставить насилие против капиталистов. Я не только сочувствую им, но, оставаясь верен своей детской клятве, готов всегда последовать примеру того ткача.

30-летняя классовая борьба научила меня, как и миллионы других рабочих, что еще недостаточно на насильственные действия буржуазии ответить также насилием. Необходимо уметь сдерживать красную ненависть при помощи ясного рассудка. Необходимо, чтобы пролетариат научился так организовать свое выступление против буржуазии, чтобы нанести ей поражение и удержать власть в своих руках после победы. Конференция 3-х Интернационалов —это попытка вести дальнейшую борьбу вместе с теми, кто, как немецкие социал-демократы, еще и поныне заняты созданием штрейкбрехерских организаций, которые они при помощи своих товарищей, стоящих у кормила правления, направляют против рабочих, борющихся за насущный кусок хлеба; эта попытка является необходимой для теснейшего сплочения усилий пролетариата к победоносной борьбе против буржуазии. Но мы, которые заявили, что согласны заключить союз с самим чортом, лишь бы свергнуть капиталистический строй, можем потерять что-нибудь от этого союза, а скорее другие. И даже у тех, вводимых в заблуждение рабочих, которые по сей день уверены благодаря влиянию разлагающегося капитализма и предательской по отношению к рабочему политике социал-предателей, что деятельность соц.-патриотов идет навстречу их интересам, очень быстро раскрываются глаза и они вступают в наши ряды. Вера в победоносное значение единого пролетарского фронта напитана теперь большим содержанием, чем 32 года тому назад. Нам не нужны будут еще 30 лет демонстрации, чтобы праздновать 1-е мая в память тех тяжелых боев, которые предшествовали окончательной победе.

В этом году празднование первого мая должно содействовать собранию и сплочению сил мирового пролетариата. Сегодня мы демонстрируем и собираем наши силы со следующими лозунтами:

8-часовой рабочий день.

Меры борьбы с безработицей, которая из-за репарационной политики капиталистических государств возросла непомерно.

Единое выступление пролетариата против наступления капиталистов.

За русскую революцию и за голодающую Россию.

За возобновление экономических и дипломатических сношений всех капиталистических государств с Советской Россией.

За создание единого фронта пролетариата в каждой стране и в Интернационале.

Г. БРАНДЛЕР.

ЕДИНЫМ ФРОНТОМ С РАБОЧИМИ ВСЕХ СТРАН, ПРОТИВ НАСТУПАЮЩЕГО КАПИТАЛА!

Синеблузники.

Прошлое!.. Греки гранитом Парижа,
Лондона, Нью-Йорка, Токио.
Золотись, серебрись на биржах,
Кади у богов и киот;

И в глухие зловещие ночи
Над нашими корчами вой,
К погибели вой всем волчьим,
К погибели, за упокой.

Не услышишь стон отчаянья...
Знаю, — листопадом жутким
Вьются по бульварам и окраинам
Безработные и проститутки.

Знаю, — в наших полях одичалых,
В те же борозды, что сам вспахал,
Последним тяжелым зерном усталый
Пахарь, шатаясь, пал.

Знаю: в мире Труд не раскован.
Золото—погонщиком злым и ловким.
Но сердце, под блузой покорное,
Чутко как заряд винтовки.

Знаю: жизнь—ленивая кляча,
Жизнь не взвихренный верный конь.
Но настойчивей поступь и ярче
Беспокойной во взорах огонь.

Через тюрьмы, будни и бездны,
Растоптав и боль и мглу,
Сегодня мой крик железный
Всем, кто не слеп и не глух.

Чье сердце еще не завяло
В лохмотьях, в чаду и в плесени.
Всем, кто в мозолях и в язвах:
На площадь восстаний и песен!..

Поденщики с жировых плантаций,
С фабрик, полей, каменоломень,
Синеблузники всех рас и наций:
Сегодня—по солнцу: Довольно!..

Сегодня Земля, вся Земля, рабочие,
Розовея в улицах и зорях,
Сбрасывая черную блузу ночи,
Нашим песням звенит и вторит.

И с мучительнейшею болью, в корчах
Неисчислимых потерь,
Верь в единство, Всемирный Рабочий,
В освобождение верь!

Мы поступью и песнями скажем,
Шатаясь от борьбы и голодовки,
Что задымленный взор—на страже!
Что сердце—заряд винтовки!

С. ОБРАДОВИЧ.

СМЕРТЬ УБИЙЦАМ ВОЖДЕЙ РАБОЧЕГО КЛАССА, СМЕРТЬ ПАЛАЧАМ ЛИБКНЕХТА И ЛЮКСЕМБУРГ, УРИЦКОГО И ВОЛОДАРСКОГО, ШАУМЯНА И ДЖАПАРИДЗЕ, АЗИЗБЕГОВА И ФИОЛЕТОВА!

Нэпмановская ночь на 1-е мая.

Ночь была темная. Как сельдь, косяком шли нэпманы, странные существа: одновременно побитые и недобитые, живые и как бы без души, мордастые с налетом наглости и юрковато - трусливые, из «Стойла Пегаса», «Кафэ на уголку» и прочих злачных мест. Одни сменяли вехи и жестикулировали кейнсом, другие—попроще—только сопели, а третьи пытались давать взятки направо и налево и клялись советскими законами. Шли без прошлого, потому что потеряли его между узилищем Чеки и контрибуциями. Без настоящего, потому, что хотя обещали НЭП «всерьез и надолго», серьезных надежд на «политическое и экономическое упрочение принципов частной собственности» не было. Без будущего, потому, что «мировая» и т. д. попрежнему зловеще висела в воздухе, а завтра, **завтра было 1 мая.**

Вот проклятый праздник! Как будто специально придуман для унижения нэпманов! Нигде рожу нельзя показать.

Нэпманы шли густо, и слышалось только дружеское хрюканье: «Вы — по коже или по пеньке работаете?..»

Шли нэпманы, вспухшие от лимонов и все же недовольные своей судьбой.

А в Европе также длинной кишкой по улицам ползли интернэпманы: французские «нуворищи», немецкие «шиберы», англо - американские «бизнесмэны». Судорожно хватались, ловя руками в воздухе игриво-порхающую валюту, и тяжело опускались на землю, промахнувшись. К ним подскакивали из разных закоулков Черновы и Милюковы: «К нам—пожалуйте! Россией—торгуем!» От них брезгливо отворачивались: даже в глазах нэпманов это были ничего за душой неимеющие... спекулянты.

Вдруг кто-то произнес:

— Генхозвозевропвсераз —

Многим показалось, что это имитация водяного из «Потонувшего колокола»:

«Брррекекеке!»

Потом кто-то расшифровал:

«Генуэзское хозяйственное восстановление Европы и всеобщее разоружение».

Вся кишка интернэпманов разочарованно вздохнула:

Пуан-Ллойд-Джордж-Кара!..

На тумбу, рядом с собакой, остановившейся для исправления своих надобностей, влез Петр Струве и, заведя очи к небу, начал бормотать, как нищая на паперти:

«Спасение во Христе. Дух и Врангель. Россия и вселенский собор. Православие, самодержавие и народность. Николай Романов, понимаемый духовно, есть категорический император. Русские долги—нравственный долг».

От него отмахнулись, как от назойливой мухи:

«Вот юродивый!»

Какой-то фашист на углу устроил неприличие. Его обошли.

Всем было тягостно, а начинало светать, и всем хотелось скорее, скорее юркнуть в тьму: завтра—1 мая.

Заря уже начала окрашивать небо яркими красными полосами.

По всей кишке понеслись тяжелые вздохи:

Миллионы безработных!

Ужасы новой войны и революций!!!

Подвернувшийся кстати престарелый карла Каутский попытался развеселить приунывшую публику, посыпая старческим песком своих писаний асфальтовую мостовую.

Газ в ночных ресторанах уже мерк, и оттуда вываливались пьяные нэпманы, присоединяясь к кишке.

Разом, как из разверстой земли, неожиданно грянуло:

— «Это будет последний
И решительный бой».
— „C'est la lutte finale..."
— „Die Internationale
Der Menschheit Banner trägt".

Десятки языков и наречий, миллионы голосов сплелись в могучие раскаты бури...

Ошарашенные нэпманы застряли и закаменели в проулках. С лицами каторжников. С веревкой революции на шее.

ЕГОР КРАСНЫЙ.

ПРИВЕТ УГНЕТЕННЫМ НАРОДАМ ВСЕГО МИРА, ВЕДУЩИМ РЕВОЛЮЦИОННУЮ БОРЬБУ С ИМПЕРИАЛИЗМОМ!

Знамя 1-е мая--знамя освобождения колоний.

Под барабанную трескотню социал-патриотических газетчиков и депутатов, с развернутыми знаменами борьбы «за освобождение угнетенных народов», отправлялся империализм на войну 1914—18 годов. Диким ураганом, сметающим все на своем пути, пронеслось по земному шару кровавое чудовище. И вот результаты этого победоносного шествия «принципов западно-европейской демократии»:

— На каждого англичанина, к концу 1920 года, приходилось десять с половиной колониальных рабов, включая сюда и порабощенных ирландцев;

на каждого француза—до двух человек;

на каждого бельгийца—около двух с половиной «верноподданных»;

на каждого голландца—семь колониальных подданных;

на каждых двух японцев—один.

По Версальскому договору у Германии была оторвана одна десятая часть ее территории в Европе. Немецкие колониальные владения были рассованы по союзным карманам, и уже, конечно, Англия заполучила львиную долю: три четверти их.

По договору в Нейльи у Болгарии было отхвачено немного менее одной десятой территории. По Севрскому договору Турция подвергалась грабительскому разделу: туркам было оставлено меньше одной трети их прежней государственной территории и около половины населения.

Ряд новых, якобы, национальных государств был создан в Европе. Но посмотрите на их национальный состав: в Чехо-Словакии чехи составляют меньшинство населения—около двух пятых, в Юго-Славии ровно столько же сербов, а в Польше пана Пилсудского поляки едва натягивают 50 проц. Во всех этих государствах, созданных разрушительной страстью империалистических бандитов, национальный гнет, травля национальных меньшинств и бесконечная националистическая склока свили себе прочное гнездо.

Европа рассечена на мелкие куски, и каждый из этих кусков готов разлететься от взрыва центробежных сил. Только живая вода революции, несущей освобождение пролетариату и угнетенным народам, может соединить их, вдохнуть в них новую жизнь.

Первое мая—день международной пролетарской солидарности. Империализм каждый день, каждый час вызывает из земли несметные легионы своих могильщиков. Война подорвала хозяйственную связь между державными деспотами и колониями, дала толчок широкому и могучему, как весенняя река в разлив, потоку национально - революционных движений в колониях и порабощенных странах.

— **Индия, Египет, Ирландия...**

При воспоминании о них у английских империалистов лицо сводится злобной судорогой, и они стараются скорее расправить его дружеской улыбкой в сторону Ноя Жордания, Церетели и прочих меньшевиков в отставке.

— **Корея и Китай.** Лязгающий стальными зубами японский империализм бессильно давится теми кусками, которые он пытается стремительно запихать себе в рот. Отогнать ненавистную красную Россию от Приморья для него означает отогнать великий соблазн революции от порабощенных и терзаемых им народов.

В Вашингтоне четыре разбойника договорились о разделе Дальнего Востока. Но что из того, когда революцию не берет ни доллар, ни штык?!

Турция. Антанта обломала хищные зубы на Севрском договоре, и ей приходится выплевывать кусок за куском, ставшие у ней в горле. Шанцер, Пуанкаре и Керзон — добрый итальянский католик, мелкий французский фальшивомонетчик и старый колониальный авантюрист—пред'явили недавно Анатолийскому национальному правительству свои условия. Они все еще не хотят примириться с своим поражением. Турок в Геную не пустили, но ведь и без них господа миродержцы, короли Индии, Египта и Ирландии, князья Конго и повелители кафров и зулусов, попали в Генуе в советскую волчью яму!

Когда во время войны большевики сказали, что не старыми заплатами «мира по соглашению» можно восстановить сошедший с рельс локомотив истории, лишь покончивши с сумасшедшим машинистом, их беззубо высмеивали все лакеи капитала.

Теперь это становится уже прописной истиной.

Война взрыхлила почву для революции в самых отсталых углах земли. Октябрьская революция, собравшая в свободном союзе под знаменем пролетариата трудящихся всех ранее угнетенных царизмом наций, указала колониальному Востоку путь к цели.

Различны ступени революционной борьбы в разных странах. Национальная революция есть дело буржуазии, и трагизм положения мировых властителей капитала именно в том и заключается, что даже туземные буржуазные интересы в колониях являются прямой угрозой их классовому господству.

Они схватывают и садят на 6 лет в тюрьму вождя индусских националистов Ганди, толстовца, проповедующего непротивление злу насилием, и... массовая всеобщая стачка останавливает все железнодорожное движение в Индии, от гула крестьянских восстаний колышется почва. Не из-за Ганди, а потому, что так дальше жить нельзя.

Они высылают из Египта Заглул пашу, чтобы заключить тем временем сделку с покорно-«лояльным» Адли пашей. А между тем египетская социалистическая (коммунистическая) партия все глубже и глубже внедряется в рабочие массы. Две недели кряду в Каире и Александрии происходит демонстративный сбор средств для помощи голодающим России.

В Китае они передвигают наемных генералов, как пешки на шахматной доске, стараясь помешать национальному освобождению. Но чем крепче они зажимают тиски, тем скорее вырастают новые силы. Чуть не два месяца (январь — март) гонконгские рабочие боролись за свое союзное право против эксплоататоров, за лучшие условия труда и за обязательный наем рабочих только через союз. На этом клочке территории, оторванном «смелыми мореплавателями»-англичанами у Китая, столкнулись английский капитал и китайские рабочие.

И что же? Китайские рабочие победили английский капитал! Несмотря на то, что тот был вооружен всеми орудиями угнетения и обмана, начиная с привозных штрейкбрехеров и полицейских хулиганов и кончая агентством Рейтер.

«Коммунисты разжигают классовую борьбу», писала продажная газета «Пекин Дели Нюс», взывая к чувствительности карманов китайских купцов, потерявших благодаря остановке судоходства до 1 миллиона долларов.

«Коммунисты!..»

Пуанкаре со своей разбойничьей шайкой «национального блока» отстроил в Париже целый квартал казармами для чернокожих войск. Хоть и хоронят эти господа пролетариат и его революцию тысяч сто раз в день, однако к борьбе с ней они готовятся «всерьез и надолго». Однако, и французские рабочие-коммунисты не теряют зря времени: в Тунисе арестован не так давно тов. Люзон вместе с несколькими рабочими арабами за выпуск арабской коммунистической газеты под разными названиями по случаю многократного закрытия.

В Сирии восстания снова гуляют красным петухом.

Как-то в одном немецком юмористическом журнале был помещен очень недурной диалог между французским офицером и колониальным чернокожим солдатом из оккупационной армии на Рейне.

Офицер: «Вы теперь стали нашими и будете защищать наше французское отечество на Рейне».

Солдат: «Скорее вы стали нашими по своим нравам и обычаям».

Так оно и есть: империализм перенимает и культивирует варварство отсталых стран, а остальные перенимают и культивируют идеи самого передового класса современного общества — пролетариата.

— **Япония.** Японских хищников давят внутренние спазмы. Япония сейчас переживает как и 1905 года. Рабочий класс проснулся и организуется в самостоятельную революционную силу. **Сотни тыся...**

Коммунисты и крестьянство во Франции.

(К дискуссии об едином фронте).

Наши разногласия с французскими товарищами по вопросу об едином фронте далеко не исчерпаны. Наоборот, если судить по некоторым статьям французской партийной печати, то получается впечатление, что корень разногласий и недоразумений—по крайней мере в некоторых кругах партии—глубже, чем может казаться сначала. Мы имеем перед собою статью тов. Рено Жан, напечатанную в качестве передовой в «L'Humanité» (6 апреля 1922 г.). Тов. Жан, один из выдающихся деятелей партии, докладчик по аграрному вопросу на Марсельском конгрессе, выступил с энергией и откровенностью, которые мы можем только приветствовать, против взглядов, которые мы защищали, но которые ему кажутся неправильными. В заголовке статьи он называет тактику единого фронта опасной (неловкостью). В тексте он прямо говорит *о катастрофе,* как о неизбежном результате этой тактики во Франции. «Наша страна раз'едается в течение трех четвертей столетия всеобщим избирательным правом. Разделение на классы проникло собою только незначительное меньшинство... Республиканско-буржуазная Франция является обетованной землей путаницы (confusion)». Из этих совершенно правильно установленных фактов тов. Жан делает вывод, к которому мы целиком присоединяемся: «Коммунистическая партия должна быть здесь более непримиримой, чем где бы то ни было». И вот, под углом зрения этой непримиримости, тов. Жан направляет свои удары против единого фронта, который ему по-прежнему кажется ничем иным, как комбинацией межпартийного соглашательства. Мы могли бы сказать—и мы это говорим,—что подобная оценка глубочайшей тактической проблемы свидетельствует о том, что и сам тов. Жан не свободен от последствий чисто-парламентских традиций французского социализма: там, где для нас стоит вопрос о завоевании широких масс, о прорыве буржуазно-соглашательской блокады вокруг авангарда рабочего класса, тов. Жан упорно не видит ничего иного, кроме «хитрой» комбинации, которая, в лучшем случае, может дать некоторое увеличение числа мест в парламенте (!!)—ценою увеличения смуты и путаницы в политическом сознании пролетариата. Между тем —и в этом он совершенно прав—Франция больше, чем какая-либо другая страна, нуждается в ясности, отчетливости и решительности политической мысли и работы партии. Но если тов. Жан считает, что французский коммунизм должен быть самым непримиримым, то почему же — прежде чем ополчаться против единого фронта—он не дает себе труда констатировать, что французский коммунизм является сейчас наименее непримиримым, наиболее терпимым, наиболее снисходительным ко всяким уклонам?

На ясность и отчетливость, с которыми тов. Жан формулирует свою критику, мы ответим также со всей необходимой отчетливостью и ясностью. Ни в какой другой коммунистической партии немыслимы были бы статьи, заявления и речи против революционного насилия в духе пресного и сантиментального гуманизма, подобные статьям, которые нередко встречаются во французской партийной печати. Если Рено Жан с полным правом говорит о «гангрене» буржуазно-демократической идеологии, то ведь наиболее тяжкое последствие ее в рабочем классе состоит в притуплении революционного инстинкта и наступательной воли, в растворении активных тенденций пролетариата в бесформенно-демократических перспективах. Гуманитарная стряпня Лиги прав человека и гражданина, которая в серьезный час, как известно, ползала на четвереньках перед французским милитаризмом, проповедь морализирующих, толстовствующих политических вегетарианцев и проч. и проч., как бы они ни расходились внешним образом с официальной политикой третьей республики, в конце-концов, как нельзя лучше служат ей, дополняя ее. Бесформенно-пацифистская агитация, прикрытая социалистической фразеологией, есть превосходное орудие буржуазного режима. Искреннему пацифисту это может показаться парадоксом, но это так.

Ни Пуанкаре, ни Барту пацифистские арии Жоржа Пиока не смутят и не соблазнят. Но в сознании известной части трудящихся такие проповеди находят подготовленную почву. Вражда к буржуазному строю и военному насилию находит в гуманитарных формулах искреннее, но бесплодное выражение и изживает себя, не разрешаясь в действии. В этом и состоит социальная функция пацифизма. С особенной яркостью сказалось это в Америке, где шайка Брайана получила огромное влияние среди фермеров именно под лозунгами пацифизма. Социалисты типа Хилквита и другие простаки, воображающие себя величайшими хитрецами, целиком попались в петли мещанского пацифизма и тем облегчили вступление Америки в войну.

Задачей коммунистической партии является пробуждение в рабочем классе готовности применить насилие, а для этого нужно научить различать реакционное насилие, которое служит для того, чтобы задержать историю на уже пройденном ею этапе, и революционное насилие, творческая миссия которого состоит в том, чтобы очистить исторический путь от препятствий, воздвигнутых прошлым. Кто не хочет различать этих двух видов насилия, тот не различает классов, т.-е. игнорирует живую историю. Кто декламирует против всякого милитаризма, против всех и всяких видов насилия, тот неизбежно поддерживает насилие правящих, ибо оно есть факт утвердившийся, закрепленный государственными законами и проникший в нравы. Для низвержения его нужно другое насилие, которое, прежде всего, должно отвоевать себе право в сознании самих трудящихся.

Последняя конференция Исполкома Коминтерна указала на ряд других явлений во внутренней жизни французской партии, которые свидетельствуют о том, что она ни в коем случае не является самой непримиримой. А, между тем, она должна быть такой,—этого требует вся политическая среда. И в одном мы сходимся с тов. Рено Жан: применение методов единого фронта требует полной ясности и отчетливости политического сознания в партии, стройности ее организации и законченности дисциплины.

Далее, тов. Жан ссылается на то, что в списке требований, выдвинутых в качестве платформы единого фронта (борьба против налога на заработную плату, защита восьмичасового рабочего дня и проч.), он не находит ни одного требования, которое могло бы непосредственно заинтересовать «добрую половину работников Франции, именно крестьян». Что для них восьмичасовой рабочий день? Что для них налог на заработную плату?

Этот довод тов. Жана кажется нам в высокой степени опасным. Вопрос о мелком крестьянстве имеет для французской революции бесспорно огромное значение. Наша французская партия сделала большой шаг вперед, выдвинув аграрную программу и поставив в порядок дня своей работы завоевание крестьянских масс. Но было бы в высшей степени опасно и прямо-таки гибельно просто-напросто растворять французский пролетариат в «трудящихся» или в «работниках», как половинку в целом. Мы сейчас не только организационно, но и политически охватили лишь меньшинство французского рабочего класса. Революция станет возможной после того, как мы политически овладеем большинством. Только большинство французского рабочего класса, об'единенное под знаменем революции, может увлечь и повести за собой мелкое французское крестьянство. Вопрос об едином рабочем фронте во Франции есть основной вопрос; без разрешения этого вопроса работа в крестьянстве, как бы успешна она ни была, не приблизит нас к революции. Крестьянская пропаганда и хорошая аграрная программа — очень значительный фактор успеха. Но крестьянство реалистично и скептично, оно не верит на слово, особенно во Франции, где его так много обманывали. В серьезную борьбу французский крестьянин—в деревне или в казарме—за программными лозунгами не пойдет. Он серьезно рискнет собою только в том случае, если увидит условия, обеспечивающие или, по крайней мере, делающие чрезвычайно вероятным успех. Ему нужно увидеть перед собою силу, внушающую ему доверие своей массовидностью и дисциплинированностью. Расколотый по политической и профессиональной линиям рабочий класс такой силой в глазах крестьянства представиться не может. Предпосылкой победоносной революции во Франции является привлечение известной, возможно широкой части крестьянства на сторону рабочего класса. Но предпосылкой такого привлечения остается об'единение подавляющего большинства французского рабочего класса под знаменем революции. Это есть основная задача. Надо овладеть рабочими, которые идут сегодня с Жуо и Лонге. Не говорите, что их мало. Разумеется, число активных сторонников Лонге, Блюма и Жуо, самоотверженных, т.-е таких, которые готовы были бы за их программы прозакладывать головы,—ничтожно. Но пассивных, темных, инертных, усталых мыслью и телом — еще очень много. Они стоят в стороне, но если события затронут их, они, в нынешнем своем состоянии, встанут скорее под знаменем Жуо—Лонге, чем под нашим. Ибо Жуо—Лонге и отражают и эксплоатируют пассивность, темноту и отсталость рабочего класса.

Если тов. Жан, руководитель крестьянской работы партии, непропорционально распределяет свое внимание между пролетариатом и крестьянством, то это досадно, но об'яснимо и не так уже опасно, ибо партия в целом его поправит. Но если бы на точку зрения тов. Жан стала партия, относясь к пролетариату просто, как к «половине» трудящихся, это грозило бы поистине роковыми последствиями, ибо растворило бы революционно - классовый характер партии в бесформенной партии трудящихся. Эта опасность еще ярче вырисовывается, когда следишь за ходом мысли тов. Жан в дальнейшем. Он прямо отказывается от таких задач борьбы, которые не охватывают всех трудящихся, или, как он выражается: «не заключают в себе требований, общих обеим большим частям пролетариата» (!). Здесь под «пролетариатом» надлежит разуметь не только пролетариат, но и крестьянство. Опаснейшее злоупотребление терминологией, политически ведущее к тому, что тов. Жан пытается требования пролетариата (сохранение восьмичасового рабочего дня, отстаивание заработной платы и проч.) поставить под контроль крестьянства!

Крестьянин есть мелкий буржуа, который, в большей или меньшей степени, может приближаться к пролетариату и который в известных условиях может быть более или менее прочно завоеван пролетариатом для дела революции. Но отождествлять аграрную мелкую буржуазию с пролетариатом и урезывать требования пролетариата под углом зрения мелкого крестьянства —значит отказываться от действительной классовой базы партии и внесет ту общую смуту (confusion), для которой в крестьянско-парламентской Франции чрезвычайно благодарная почва.

Если, как мы слышали, восьмичасовой рабочий день не может стать во Франции лозунгом единого фронта, ибо это требование «не интересует» крестьянина, то борьба с милитаризмом является, с точки зрения Жана, подлинной революционной программой для Франции. Не может быть никакого сомнения в том, что мелкий французский крестьянин, обманутый войной, с ненавистью относится к милитаризму и сочувственно откликается на антимилитаристские речи. Само собой разумеется, что мы должны беспощадно разоблачать капиталистический милитаризм, как в городе, так и в деревне. Урок войны должен быть использован до конца. Было бы, однако, для партии крайне рискованным обманываться насчет того, в какой мере крестьянский антимилитаризм может получить *самостоятельное* революционное значение. Крестьянин не хочет отдавать своего сына в казарму; крестьянин не хочет платить налога на содержание армии; он искренно аплодирует оратору, который говорит против милитаризма (и даже против «всех милитаризмов»). Крестьянская оппозиция по отношению к армии имеет, однако, не революционную, а бойкотистско-пацифистскую подкладку. Fichez moi la paix (оставьте меня в покое)—вот его программа! Это настроение может создать благоприятную атмосферу для революции, но оно не может создать самой революции и обеспечить ее успех.

Сантиментальный пацифизм в духе Пиока является выражением крестьянского, а не пролетарского отношения к государству и милитаризму. Организованный и сознательный пролетариат, находясь перед вооруженным до зубов государством, ставит перед собою вопрос о том, как ему, пролетариату, организоваться и вооружиться для низвержения и разрушения буржуазного насилия путем своей диктатуры. Неорганизованный крестьянин так далеко не идет: он просто против милитаризма, он ненавидит его, он готов повернуться к нему спиной—fichez moi la paix!—оставьте меня в покое со всеми вашими милитаризмами! Такова психология недовольного, оппозиционного крестьянина, интеллигента или городского мелкого буржуа. Было бы бессмысленным не использовать этих настроений в среде наших возможных мелкобуржуазных и полупролетарских союзников, но было бы преступно перенесить эти настроения в пролетариат и в нашу собственную партию.

Социал-патриоты затруднили себе доступ к крестьянину своим патриотизмом. Мы должны всячески использовать это преимущество. Но это ни в коем случае не дает нам права отстранить на второй план классовые пролетарские требования —даже, если мы рискуем вызвать временные недоразумения с нашими друзьями крестьянами. Мелкое крестьянство должно пойти за пролетариатом таким, как он есть. Переделываться под крестьянство пролетариат не может. Если бы коммунистическая партия, в обход жизненных классовых требований пролетариата, пошла по линии наименьшего сопротивления, выдвигая на первое место пацифистский антимилитаризм, она рисковала бы обмануть и крестьян и рабочих и себя.

Во Франции, как и везде, нам нужно прежде всего, единство фронта в самом пролетариате. Французское крестьянство не превратится в пролетариат от того, что тов. Жан позволит себе злоупотребление социальной терминологией. Но самая потребность в таком злоупотреблении—опасный симптом такой политики, которая может посеять только величайшую смуту. А французский коммунизм больше, чем всякий другой, нуждается в ясности, отчетливости и непримиримости. В этом мы, во всяком случае, согласны с нашими французскими оппонентами.

29 апреля 1922 г. **Л. ТРОЦКИЙ.**

пролетариев с безповоротно покинула лагерь микадо, генро (дворянской знати) и буржуазии, лагерь своих угнетателей.

Сугуки—японский Гомперс, еще недавно налаживавший через профсоюзы «гармонию труда и капитала»—сейчас не у дел и зарабатывает хлеб в качестве проповедника реформатской церкви!

В Персию и на Яву, в Константинополь, Шанхай, Бомбей и Гонг-конг, в Тунис и в Египет, везде пробило себе дорогу знамя первого мая—красное знамя международной пролетарской солидарности.

Коммунистический Интернационал — не только авангард мирового пролетариата. Он вождь и защитник всех борющихся с империализмом трудящихся масс угнетенных наций.

С делом освобождения труда связывают свою судьбу порабощенные и эксплоатируемые колонии.

Это—залог нашей победы, победы мирового пролетариата над мировым капитализмом.

Первое мая — знамя освобождения пролетариата от ига капитала—в то же время и знамя освобождения отсталых народов, которым повелители мира, под видом культуры, несут одно: гибель.

Г. САФАРОВ.

ДОЛОЙ АРМИИ ИМПЕРИАЛИЗМА, ДОЛОЙ ГРАБИТЕЛЬСКИЕ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ,—ДА ЗДРАВСТВУЕТ КРАСНАЯ АРМИЯ, АРМИЯ СОЦИАЛИЗМА, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВОЙНА РАБОЧЕГО КЛАССА С МИРОВЫМ КАПИТАЛОМ!

Новая техника разрушения.

ВОЙНА 1914—1918 г.г.

Прогресс техники разрушения никогда еще не был так стремителен, как в период закончившейся мировой войны. Разрывные пули, ручные гранаты, различные системы пулеметов и ружей, 42-сантиметровые пушки с 12-пудовыми «чемоданами», которые бросались на 15 верст. Зенитные орудия для стрельбы по воздушным целям. Знаменитая пушка «Колосса» с 100-верстной дальностью обстреливавшая мирное население города Парижа. Бронебойные снаряды для разрушения стальных, каменных и железных построек; фугасные и разрывные снаряды, от действия которых железобетонные сооружения обращались в груды развалин.

Блиндированные поезда, бронированные автомобили—косившие людей, как траву. Удушливые и ядовитые газы приносящие смерть и опустошения. Горючие жидкости и горящая нефть—от которых облитые ими люди обращались в живые факелы. Морские дредноуты, бронированные крейсера с самыми дальнобойными орудиями, сразу хоронившие своими выстрелами тысячи людей. Подводные лодки, снабженные движущимися минами, которые «доблестно» пускали на дно не только военные, но и гражданские суда.

Аэропланы, дирижабли, цеппелины, сбрасывающие снарядами и бомбами войска, обозы, мирные населенные пункты, и, наконец, танковая техника, сметавшая и разрушавшая все на своем пути.

Таков расцвет цивилизации 20 века, где «чудо» царствующего капитализма проявило себя во всей своей силе и красоте.

Он вел войну и на земле и под землею (минные галлереи—взрыв неприятельского расположения) и на воде (дредноуты, крейсера) и под водою (подводные лодки и самодвижущие мины) и в воздухе,—смерть рассыпая на разрушение облитые потом, колоссальные денежные и материальные средства трудовых масс.

ВОЕННАЯ ТЕХНИКА 1919—22 г.г.

Кончилась мировая война. Облитая кровью и слезами Европа еще не успела точно подсчитать убитых и раненых, подвести итоги всех колоссальным разрушениям, а на сцене уже появились новые смертоносные орудия, перед коими страшные орудия империалистической бойни покажутся детской шуточкой.

1) Артиллерия и танки. Непрерывно и старательно последуя опыт мировой бойни, а также значение различных калибров и типов орудий, снарядов и новые способы механической тяги для артиллерии, капиталистические тузы «свободной» Америки всю силу своей техники направили на вооружение американской артиллерии. Республиканская Франция и монархическая Великобритания, также развив бешеную энергию по изысканию новых средств борьбы в настоящее время всеми силами стремятся не отстать от своей заокеанской соперницы. Европейский и американский капитал призвали весь свой дьявольский ум и в результате появилась новая электрическая пушка с дальностью стрельбы в 500—600 верст и весом снаряда в 300 пудов. Новые электрические пулеметы, стреляющие на громадные расстояния и выпускающие в 5 раз более пуль в минуту, чем существующие,—дополняют эту характеристику новой разрушительной силы. Новое изобретение безшумно, бездымно, а выстрелы его невидимы даже ночью. Вся заграничная артиллерия, включая и конную, в настоящий момент переходит на механическую тягу. Моторизация артиллерии достигла таких успехов, что 300-пудовую пушку 12-тонный гусеничный трактор легко взвозит. 119 м/м. орудие на покрытую гравием возвышенность с уклоном в 45 градусов и делает свободный переход по дороге со скоростью 19 верст в час. Испытанный самодвижущий гусеничный лафет как для 155 м/м. пушки, так и для 105 м/м. гаубицы, дает нормальную скорость движения в 24 версты в час и в состоянии увеличить ее до 48 верст. Другой гусеничный лафет, который свободно может перевозить полевую артиллерию крупного калибра, как-то пушку в 155 м/м и гаубицу в 203 миллиметра, также обладает скоростью передвижения до 24-х верст в час. Заметим, что все указанные моторы самоходных лафетов так сконструированы, что могут работать под водой и таким образом преодолевают водные препятствия.

В танковой технике достигнута такая скорость, что громадный танк на колесном ходу с резиновыми шинами свободно делает 30—40 верст в час по обыкновенной дороге. Все такие берут уклоны в 45 градусов и свободно преодолевают реки громадной ширины и глубины. Более того: во Франции сконструированы «плавающие танки» вроде подводных лодок для опыта, и во всей вероятности с целью активной демонстрации против германской «неторопливости» по выплачиванию контрибуции; их пускали через Рейн, и они свободно переплывали его.

Для быстрого разрушения железнодорожных мостов, железобетонных укреплений и каменных площадей во Франции и Англии стали увеличивать вес танков доходящий теперь до 4.200 пудов и 7.200 пудов. При движении таких танков все встречающиеся препятствия превращаются в груды развалин.

2) Радиотехнические опыты. Во Франции уже достигнуто с помощью радио свободное командование батареями и артиллерийскими полками, далее установлена радио-связь между полковым командиром и командирами рот (прибор в сумке конвоира). В настоящее время посредством радио производится стрельба и наводка орудий. Результаты последних маневров дали необычайную гибкость перестроений, а также быстроту и эластичность управления.

3) Морской военный флот. К открытию Вашингтонской конференции численность боевых судов исчислялась у Англии в 533, С.-Шт. Америки—454 и Японии—99.

Судостроительная программа боевых судов намечена: Великобритания—на 17, С.-Шт. Америки—69 и Японии—на 85 боев. судов. Морские расходы на 1921—22г., по отношению к общегосударственному бюджету, исчисляются для С.-Шт. Америки в 12 проц., Англии—8 проц., Франции—3 проц. и Японии—32 проц.—таков смысл капиталистического сокращения вооружения.

4) Воздушный флот. В авиотехнике можно заметить следующие основные достижения: 1) вертикальный под'ем от земли (без разбега) —авиационных аппаратов и 2) аэроплан без летчика (Франция и Америка), но снабженный машиной и управляемый с помощью радиоволн. Такой аэроплан совершенно самостоятельно производит различные воздушные манипуляции и сам сбрасывает громадной мощности бомбы на заранее намеченный по карте пункт. Численность воздушного флота Англии, Франции и Америки непрерывно растет и в настоящее время достигает десятков тысяч аппаратов у каждой из указанных стран.

5) Газы и авиация являются предметом величайшей заботы всех капиталистич. государств. Соперничество в этом направлении не имеет предела. Пока Америка и Франция идут впереди всех. В американскую армию уже введен смертельный газ—«дефенилхлорсин», который сводит с'ума и не может быть задержан ни одной из известных в настоящее время масок. Далее следует газ «холевтит», действие которого в 70 раз сильнее ныне существующих. Во Франции производятся опыты над газом, который, пропитав почву, дает в течение 7—10 дней, ядовитые испарения чрезвычайной силы, так например, 3 капли воздушной влаги, пропитанные этим газом, убивают любое живое существо вдохнувшего их. В случае мобилизации вся химическая промышленность в странах Антанты немедленно превращается в заводы удушливых газов.

Так разрушаются враги пролетариата.

ВЛАД. МЕЛИКОВ.

РЕВОЛЮЦИОНЕРАМ РОССИИ И ГЕРМАНИИ, ВЕНГРИИ И ГРУЗИИ, АЗЕРБЕЙДЖАНА И ФИНЛЯНДИИ, ЛАТВИИ И ЭСТОНИИ, ЗАТРАВЛЕННЫМ, ЗАМУЧЕННЫМ, РАСТЕРЗАННЫМ ПАЛАЧАМИ БУРЖУАЗИИ И СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ —ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ!

Великий поход.

1.

Сползли последние снега, грустно запели жаворонки над пустынными полями. Из большого голодного села в тысячу дворов выехали только пятьдесят человек на сорока двух лошадях, еле тащивших телеги.

2.

Первой вышла Никольская улица из десяти незаколоченных домов: пять мужиков, старик, четыре бабы, красноармеец на костылях, трое ребятишек-сирот. Борьба за жизнь об'единила их в дружную семью, ибо видели в одиночку их смерть от страха и ужаса перед призраком нового голода.

Впереди на костылях шел красноармеец, схоронивший за зиму семью, за ним с небольшими мешочками семян двигались мужики без шапок. Бабы, ребятишки-сироты шли с грабдями на плечах, с деревянными лопатами. Позади, опираясь на падожек, тащился старик с насыпанной в карманах пшеницей. На второй версте старик обессилел, сел на дорогу.

— Ребятушки, стойте.

У него пересыпали пшеницу из карманов, сказали.

— Не ходи, если не дойдешь. Семена твои посеем сами. Уродится—и ты будешь есть. Не доживешь—другие с'едят.

— Не доживу,—вздохнул старик.—Восемь месяцев с голодом боролся, теперь не осилю. Прощайте!

Окинул глазами родные поля, на которых прожил шестьдесят два года, прислушался к пению жаворонков, ощутил запах просыпающей земли, крепко поцеловал ее в черные губы такими же черными старческими губами.

— Уроди, кормилица, на старых, на малых, на радость крестьянскую!

Нашарил в кармане два зернышка, поковырял ногтем около себя, бережно схоронил зернышки в маленькой ямке. Увидел два больших колоса, как два родных брата, низко склонившихся головами на старой Полянской дороге, улыбнулся.

— Наливайтесь полнее на радость голодному люду.

Вслед за Никольской прошла Селиховская улица. Трое мужиков, запряженных в постромки, катили плужок, уцелевший. Бабы с девками везли семена на телеге—измученные, с распустившимися волосами, вытянув шеи. Усталые, провалившиеся глаза выражали глубокую скорбь, по лицам струился пот. На остановках дрожали вытянутые руки, подкашивались ноги, но, отдохнувши немного, опять они шли, мерно хлюпая босыми ногами по талой земле. Кто нес заостренную палку, вилы, вместо грабель, кто небольшую лубочную севалку на длинном кушаке. Четверо на плечах тащили деревянную борону зубьями вверх. Через каждую версту их сменяли другие товарищи.

Слабые ложились на дорогу под теплое весеннее солнце, по-мертвому раскидывали руки, жадно хватали свежий воздух разинутыми ртами. Нащупывали травку дрожащими пальцами, растирали в зубах—снова ползли на родные поля, в тоске обнаженные.

Страшное горе народное расцветало радостью невиданной. Со всех сторон, со всех дорог десятками, сотнями, тысячами шли—ползли трудящиеся из больших и малых сел, из больших и малых деревень. Не было песен веселых, но не было и проклятий глухих. Каждый хотел положить свое зернышко в теплую оттаявшую землю, ибо каждое зернышко отгоняло несытый хохочущий голод с полей.

Не понял старик, кто говорил, но ясно слышал голос, радостью сердце наполняющий.

— Мы победим! В черный год богачи нас сменяли на золото. В черный год им хотелось, чтоб мы перегрызли друг друга в отчаяньи. Эти поля они думали трупами нашими удобрить. Радуйтесь! Мы победим. Голод не всех подкосил нас в одиннадцать месяцев страшной борьбы. Вместо трупов покроем мы землю цветущими нивами. Вместо наших костей будут здесь подниматься колосья хлебов. Если тысяча нас уцелела, по зернышку—тысячу зерен посадим. Позабудьте минувшее горе. Нет лошадей—сами потащим бороны. Нет плугов—зубами будем ковырять землю. Мы победим. Встаньте крепкой стеной—не пробить ее жадному голоду. Эй, одиночки! Сливайтесь ручьями в могучий поток. Утомленные! Крепче держитесь друг друга.

3.

Глянул старик на родные поля—муравьями покрыты от края до краю. Тащут бороны на себе трудовые мозольные плечи, ковыряют лопаты, царапают грабли. Сошниками впиваются острые палки. Падают обессиленные, опять поднимаются, хоронят в земле семена, сохранившиеся. Каждая бороздка, проведенная слабой рукой, каждое зернышко, в бороздку положенное, воздвигают высокую крепость от несытого страшного голода. Не пройти, не проехать ему—черным призраком встал позади, побежденный великою дружбой трудящихся.

Встал и растаял, как дым под лучами весеннего солнца.

4.

Улыбнулся старик радостью неиспытанной—легко затокало сердце. Заколосились родные поля, запели. Нарядилась вдовая бесплодная земля в молодое зеленое платье, шепчет ветер ей песни любовные. Широко разошлись яровые весенние всходы, буйно махнули верхушками вверх, медленно-медленно кланяются, волной переливаются. И два колоса от двух зерен, посаженных стариком на Полянской дороге, отвечают им низким душевным поклоном.

— Доброе утро, товарищи!

— Доброе утро.

Осмотрел старик зеленое цветущее поле бедняков—полилась молодая весенняя радость из сердца слезами отрадными.

— Победили.

5.

Опять шли со всех строн, по всем дорогам с серпами, косами, впрягались в телеги, рыдваны, нагруженные колосьями, уродившимися на радость для всех—не видел старик. Тело его закопали около старой Полянской дороги. Вместо памятника стояли два колоса от двух зерен, отнятых у голодного рта.

Слава тебе, Труд человеческий, братский.

АЛЕКСАНДР НЕВЕРОВ.

Рабочая весна.

Сегодня —
Во всей вселенной
День весенний.
Вновь
Класс, вставший до дня,
Отвоевавший власти первую ступень,
Превозмогая муки,
Кровоточа от ран,
Над миром поднял руки,
Сложил трубой к ладони ладонь,
Крича в уши
Городов и деревень
Свой зов. —
[illegible]ой равнодушье.
[illegible] красную вервь,
Трудящиеся стран,
Под знамя Третьего Интернационала.
На штурмы тюрем.
Смерть палачам.
В лазури весенней
Огонь
Рдяного сигнала—
Горящий меч багряного луча
Клокочет киноварь и сурик,
Флаг вишневый
Громово хлопает—
Знамя бурь, борьбы и диктатуры.
Красный конь-огонь
Грузно скачет по камням Европы,
Грозно грохочет топот:
Преодолейте рабства сона,
Предательства обман коварный.
Вот спешит, грозит
Бедой серьезной,
Ночи тень,
Как дым угарный—
Бедноту душить,
Гибели слезной
Смерти позорной
Ощерился хищно черный конь.
Сегодня
Во имя права труда
На жизнь, борьбу, в работе роздых,
Даже соглашательская сводня
Зовет рабочего под знамя славы
Третьего Интернационала.
Тревожен воздух
Над капиталистическим зверинцем,
Над человечеством изрезанным
Клинками шаг
Бесчисленных бесчинств
Войны.
Загрохотал железно
Шаг
Рабочего единства —
Сегодня
Начало
Весны.

ГЕОРГИЙ ЯКУБОВСКИЙ.

Красное яичко и красный флаг *).

Звенят в душе у Марфы пасхальные ирмосы и «Христос воскресе». Красуется на полочке перед иконой, к великому соблазну Кольки, красное яичко. И не поддельное, а самое настоящее, даже самое крупное из того полудесятка куриных яиц, которые к Христову праздничку выменяла Марфа у молочницы за шелковый платок.

Платка до слез было жаль. Платок-подарок мужний, а мужа уже третий год нет в живых: на южном фронте замучили белогвардейцы. Можно сказать, память о милом человеке отдала за пяток яиц и за фунт масла для кулича, глупая! Ну, зато и милый обычай был соблюден: и розговенье честь-честью, и христосованье со старой бабушкой из богадельни.

Разговевшись ржаным куличиком да яичком, бабушка прикурнула на сундучке в углу и спит себе после долгого стояния в церкви. Ей некуда торопиться. А Марфе к девяти часам уже нужно быть, со всей своей фабрикой, на площади перед «Советом». Сегодня первое мая,—какие два праздника совпали в этот день! Хотя «первый май» не особенно почитала Марфа, не прониклась еще любовным чувством к весеннему празднику Воскресения Труда, не осмыслила еще хорошо его значения. Другое дело—25 октября,—тогда хоть рабочие власть в свои руки взяли. А тут? Но нельзя же было отставать от других! Потому после ранней обедни она и не ложилась, чтоб не проспать шествие и не осрамиться перед товарками.

В душе еще поют—ликуют ирмосы. Вполголоса Марфа подпевает им: «Ангел вопияше благодатней...» А руки с иголкой в дрожащих пальцах торопятся зачинить праздничную юбку, разорванную сегодня в толкотне на паперти. В глазах рябь. Голова от бессонницы все ниже склоняется к коленям, того и гляди уткнется носом в скомканную юбку. Но десятилетний Колька не дает матери ни мурлыкать про ангела ни вздремнуть. Хорошо ему, он выспался!

Стоит перед матерью Колька с куском черного куличика, щурится лукаво на божничку и канючит: «Дай да дай это красное яичко!» Он не насытился одним,—первое-то из пятка яичко в кулич ушло. А сам в праздничной красной рубахе, какую выдали ему на-днях в школе. Сегодня у Кольки древонасаждение, потом какое-то представление в изукрашенной елочками телеге, и шустрый мальчонка вместе с другим школьником будут представлять кузнеца да пахаря в этой торжественной колеснице Революции.

— За революцию Катя Лапина пойдет. Ей и серп с молотом в руки дадут. Революция—это первый май,—прибавил между прочим Колька поучительно.

Мать даже обиделась от такого поучения:

— Ну-ну!—полыхнулась она, не отрываясь от работы перед светлым окном в утреннем полумраке закоптелой комнатушки.—Кого учишь-то? Яйца курицу не учат!

А Колька и обрадовался словам этим и опять пристал:

— Вот тебе и яйца! А ты яичко-то все-таки отдай, мама! Зачем оно тут? Ну, зачем?!

— Как зачем? На память,—уже в десятый раз отнекивается Марфа. — На память о том, как воскрес Христос...

У Кольки вдруг округлились серые глазенки, и он перестал канючить.

— Воскрес? Да как же он воскрес-то?

— Из мертвых, Коля...

— Из мертвых?

Теперь роль поучителя берет на себя Марфа и начинает рассказывать о Христе:

— Стоял он, батюшка, за народ, за бедных, а богатым это не понравилось. Убили его злые люди... Умер он на кресте в страданиях за правду, за людей... и воскрес в третий день.

У Кольки серьезная мысль отразилась на худеньком измореном личике. Тряхнул он своим свежим, не затемненным никакими сказками умишком, фыркнул носом и вдруг выпалил:

— То-оже выдумали! Кто же это воскресает? Папу тоже замучили злые люди. Тоже, говоришь, за правду, за народ. А почему он не воскресает?

— Что-о?

— Вот тебе и что!

У Марфы вскипело сердце. Вскипело кровавой болью за мужа, истерзанного вражьими штыками, а боль перелилась в гнев на сына. В гневе хотела крикнуть: «Христос был сын божий, вот и воскрес», да живо опомнилась, зная, что Колька уж непременно осадит ее вопросом: а что такое бог? Какой бы ответ дала она на это? Вместо ответа схватила Марфа милого вольнодумца за вихор, легонько потрепала и, отвернувшись к окну, залилась слезами.

В потрясенной душе замолкли ирмосы. Ангел, вопиявший благодатной, вдруг рассеялся со всем своим божественным арсеналом, как пар из самовара, на который только дунул Колька. А слезы капали на шитье, на пальцы, холодные и едкие, как эти мысли, вдруг проснувшиеся в уме: «Уж и правда, не выдумка-ли? Сколько бы и в наше время воскресло мучеников за правду, кабы могли воскресать люди. Но люди не воскресают. А бог... Вот милостивый, бог всемогущий? Сколько раз в былые годы взывала она к его милосердию, а он всегда оставался глух. Кабы был он, покровитель страждущих и обремененных, разве пришлось бы угнетенным людям начинать войну? Разве не стал бы он на сторону бедняков? Разве не сохранил бы он и ее мужа, который тоже был страждущий и обремененный, принужденный защищаться от своих угнетателей».

И надевая юбку, Марфа плакала. Плакала о муже. Плакала над разбитым богом и Христовым воскресением. Плакала над тем, что ни за что обидела сынишку.

В слезах застала ее зашедшая за нею из другой комнаты товарка по фабрике [illegible] Панькина. За Еленой показал из двери вихрастую голову и муж ее, Иван Семеныч. Оба удивились, забеспокоились. Обиженный Колька с негодованием рассказал им про гнев матери. Мать, вытирая слезы, высказала товарищам свои сомнения. Тогда Иван Семеныч шагнул вперед и с дружеским участием положил тяжелую руку на понурые плечи Марфы.

— Так вот о чем всплакнула, соседушка! Правду говорят, что мертвый хватает за ноги живого. Ну, да мы не дадимся! Хо-хо... Собирайся-ка и пойдем праздновать наше собственное светлое воскресение.

— Воскресение?—удивилась Марфа.

— Видно, что так, Марфа Петровна. Пролетарское.

Говорил Иван Семеныч шуткой, а серые глаза его смотрели ласково и серьезно. Красный флажок, сделанный из бумаги, был приколот на отвороте его темного пиджака. А на белой блузке Елены красовались три таких значка. Один она отдала воссиявшему гордостью и ликованием Кольке, и тот тотчас же прицепил флажок к околышу фуражки, доставшейся в наследство от отца. С другим подошла Елена к Марфе, смеясь, любовно поцеловала ее по пасхальному обычаю трижды в губы, а перед этим сказала необычное:

— Ну-ка, по нашему, по-пролетарски. Труд воскресе!

Марфа уже не удивилась. Она что-то соображала.

— О красном яичке ты позаботилась, а про это и забыла,—продолжала Елена, прикалывая красный флажок к ее светлой блузке.—Это ведь тоже знак. Но не знак мира с нашими врагами, как яичко, а знак войны.

— Зато яичко с'есть можно, —решено заметил Колька, взбираясь за спиной матери на стол под божничкой.

А со стола его руки легко дотянулись и до яйца, положенного перед иконой на память о мирных заветах Христа.

Освященные скорлупки тотчас же посыпались на пол. Заметив это, Марфа только слабо улыбнулась: пусть-де! и любовно поправила у себя на груди перед тусклым зеркальцем флажок, возвещающий: война войне.

Что-то новое затеплилось в душе у нее. Что-то ясное, как зорька, родившаяся во мраке ночи. Что-то нежное, как почка, лопнувшая в тумане утра. И ароматный цветок проникновения в великое значение первомайского праздника начал распускаться. Быть может, слезы так подействовали. Быть может, ласка Елены. А быть может и теплые слова Ивана Семеновича, который надел на кудлатую голову фуражку с красной звездочкой и продолжал говорить уже без шуток:

— Только в России трудящиеся взяли власть 25 октября, но войну с капиталом ведут пролетарии уже давно во всех странах,—говорил он, спускаясь с лестницы.—Тогда вот, когда угнетенные пролетарии поняли, что никто не даст им избавления, ни бог, ни царь и ни герой,—как это в Интернационале-то поется,—тогда они об'явили войну капиталу, царям и богу. Да, и богу, Марфа Петровна, в милосердие которого перестали верить. Они основали всемирный союз борьбы рабочих за свое освобождение и постановили каждое первое мая выходить не к станкам, а под красное знамя на улицу. Пусть смотрят враги наши капиталисты, как растут наши силы! А первого мая и травка уже вылезает из земли, и листочки распускаются на деревьях, и вся природа воскресает от зимней спячки. Вот это уж воскресенье, так воскресенье, соседушка ты моя!

— Да, да!—глубоко вздохнула Марфа.

Они вышли. Голубое небо раскинулось над ними. В ясном воздухе разливался благовест к поздней обедне и на перебой ему откуда-то мощным потоком уже доносился Интернационал. Марфа уже не слышала звона. Торопясь к площади, она чутко внимала словам товарища и той песне, которая издалека уже приняла ее в свои об'ятия.

— Вставай, проклятьем заклейменный, весь мир голодных и рабов!

И песнь освобожденного духа пролетариев всех стран уже милее и радостнее, чем «Христос Воскресе», была для сердца Марфы, проникшей в Новое Воскресение.

Мария БОРЕЦКАЯ.

*) В прошлом, 1921 году 1-ое мая совпало с Пасхой.

Дурынь.

(Рассказ).

I

Как все думали, так и вышло: померла Федорка.

— Сглупу померла,—сказал дедко.—Со своего глупу.

Маленький, крепенький, мурластый, как кочешок капустный на гряде, долго сидел он в изголовье Федоркином и все скрипел-бранился.

Три дня назад прибежала Федорка из Долгого лога. Веселая прибежала, глаза играют, ровно бы пьяная. Всем сказывает:

— Ой, баушка, сколь ли я не сыта! Ой, дедушка, до чего хорошо!

Еще тогда всем подумалось неладное. Пристали допрашивать:

— Чего ела, девка, сказывай? Кто накормил?

И похвасталась Федорка:

— Там, в логу... грибы сушеные, сладкие! Мно-о-го! Баушка,—покуль другие не прознали,—сходить набрать надо. Варить станем, баушка!

Всполошился дедко, какие грибы в логу могут быть? В логу еще и снег не свело, а она грибы... Сушеные, говорит, —что за притча?...

К вечеру взяло Федорку пить и брюхо—сказала—заболело. И заболело, и заболело,—терпенья нет. Лежит, губы кривит, коленки худые все к брюху подтягивает.

Пошел на утро дедко в лог посмотреть, что за грибы такие.

Снег лежит еще в логу. Ручей под снегом бурлит, рытвину черную прокапывает. А по верху земля уже преть стала. Шибко на солнышке преет, видать парок вьется.

А на той на прелой земле торчат везде черные шапочки—[illegible] дурынь-травы. Дурынь-траву и скотина не ест. Чортова трава, злая.

Долго ходил дедко, спинывал ногой черные шапочки в логу. Да где,—разве спинаешь все!

И придя на деревню, наказал дедко по всем избам:

— Ребятья не надо спущать в лог. Федорка-то с дурыни брюхом замаялась.

А теперь вот и померла уж Федорка.

— Со своего глупу!

Грозится дедко в Федоркином изголовьи:

— Всем скажите: коли сымаю кого в логу, штаны спущу, да так отдеру—любо! Вот, пред'являю!..

II

Оно, конечно, хорошо сказать: нельзя! Можно и постращать другой раз. Мол дедко-то уже задаст вам тпруки-нуки! А только, какой толк? Кабы вот сыты ребяты были,—другое дело. Кабы по краюхе хлеба каждому дать, когда на улицу пойдут. Кабы лог-то этот с дурынью загородить чем что ли!

А слова ребятам неймутся. Что они говори—все мимо уха.

— Ребята,—горе с вами,—не смейте в лог ходить! Поколеете, как Федорка!

— Мы не в лог, а в лес. Мы за корешками. Мы только через лог.

Что с ними станешь делать вот! Не дома же держать,—знай благодать стоит. По крайности есть не просят.

Один раз вечером прибежала к деду

Положение мирового х[о]зяйст[в]а.

После непродолжительной заминки мирового хозяйства, наступившей в конце 1918 года, развитие капиталистической промышленности и международной торговли сделало огромный скачок вверх. Фабрики и заводы заработали полным ходом, цены начали расти еще с большей быстротой, чем во время войны, мировая торговля и морское судоходство оживились, безработицы почти не ощущалось. Капитализм вступил в стадию полнокровия, и казалось, что его расцвету не будет конца. Это был период, когда буржуазия всего мира на словах, а отчасти и на деле шла на уступки требованиям пролетариата, поскольку они не выходили за пределы капиталистического порядка вещей. Терроризованные призраком пролетария, который ждал оплаты по векселям, выданным буржуазией во время войны, господствующие классы даже в Версальском договоре уделили немало статей вопросам труда. Герои Версаля заявляли, что «установление мира всего мира возможно только при установлении мира на основе социальной справедливости», но что этому мешают «существующие условия труда, которые приносят с собой для большого числа людей несправедливость, нищету и лишения». Составители Версальского договора разявили, в связи с этим, программу социального законодательства, ни для кого, однако, необязательную! Кое - где рабочие добились сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. Между вождями желтых профессиональных союзов и буржуазией создавались подчас отношения не менее «задушевные», чем в 1914—18 г.г. «Рабочие» вожди из породы Альберта Тома обедали за одним столом с королями, а промышленные и финансовые тузы уверяли легковерных людей, что «прогресс цивилизации» создает условия, при которых места на земле хватит всем—и капиталистам, и пролетариям...

Но такое положение длилось недолго. Весною 1920 года раздались первые раскаты мирового промышленного кризиса, и иллюзии, рожденные высокой хозяйственной кон'юнктурой и раздутые желтыми социалистами, полетели к чорту. Вместо счастливой Аркадии капиталистическое общество явило миру невиданную картину разорения и нищеты. Начавшись с Японии, кризис быстро перекинулся на Соединенные Штаты и в течение лета 1920 года охватил собою весь земной шар. Вторая половина 1920 г. и **весь 1921 г. прошли под знаком такого хозяйственного развала, какого не видал капиталистический мир за все время своего существования.**

Соединенные Штаты, развившие за время войны колоссальное производство, расчитанное, главным образом, на военные потребности Европы, внезапно столкнулись с недостаточной покупательной способностью стран Старого Света. Экспорт Соединенных Штатов начал резко падать из месяца в месяц и за весь 1921 год составил только 54 проц. (по стоимости) вывоза 1920 года, который также, как отмечено выше, был уже годом кризиса. Производство чугуна и стали пало до 53—55 проц. производства 1920 года. Огромный торговый флот Америки почти бездействовал. Количество банкротств исчислялось десятками тысяч. Безработица превратилась в огромное общественное бедствие. Не считая полубезработных, т.-е. занятых неполную неделю, профсоюзы осенью прошлого года определяли количество безработных в 5.735.000 человек (точной статистики безработицы в Америке не существует).

Правда, к началу текущего года хозяйственная кон'юнктура как-будто бы [illegible]. Средний уровень цен, упавший к ноябрю 1921 г. на 60 проц., прекратил дальнейшее падение. Остановилось и сокращение производства чугуна после того, как оно спустилось до половины того уровня, на котором стояло до кризиса (1.639 тысяч тонн, вместо 3.376 тыс. в марте 1920 г.), а в некоторых отраслях промышленности наступило даже небольшое оживление.

Однако, вывоз продолжает падать, составляя в феврале 251 миллион долларов, вместо 276 в декабре, заработная плата, упавшая на 25 проц. показывает тенденцию к дальнейшему понижению, безработица растет. К февралю месяцу в развитии кризиса наступила лишь некоторая заминка, но он ни в коей мере не может считаться изжитым.

Еще более значительным и чреватым последствиями оказался кризис, охвативший Великобританию. Средний уровень цен с марта 1920 года падал почти без перерыва до самого конца истекшего года, при чем падение это составило 47 проц. Главные отрасли промышленности, особенно тяжелая индустрия, сократили производство до минимальных пределов. В частности, чугуна, например, было выплавлено на две трети меньше, чем в 1920 году, всего на всего 2.611 тыс. тонн,—цифра, которой английская промышленность **не знала за последние 70 лет.** Положение угольной промышленности, осложненное великой стачкой английских углекопов, слишком хорошо известно, чтобы распространяться о нем. Внешняя торговля, которая имеет для Англии, этой фабрики всего мира, совершенно исключительное значение, сокращалось с катастрофической быстротой. Это сокращение усиливалось, правда, стачкой углекопов, но и после ее ликвидации английский вывоз составлял около половины экспорта, непосредственно предшествовавшего кризису: в первой четверти 1920 г. средний месячный экспорт составлял около 130 милл. фунтов стерлингов; в октябре-декабре минувшего года — 73—73—69 милл. фунтов стерлингов. Количество безработных к концу 1921 года не спускалось ниже 2 милл. человек, а сокращение заработной платы шло по всей линии. 1918—1920 г.г. были отмечены увеличением денежной заработной платы. Совокупный недельный заработок 6—7 миллионов английских рабочих, согласно статистике, возросший в 1919 г. на 2.111 тыс. фунт. стерл., а в 1920 г.—на 4.797 тыс. фунт. стерл., итого стало быть, по сравнению с 1918 годом, на 7 милл. фунт. стерл. был срезан в 1921 г. не более и не менее, как на 6 милл. ф. стерл...

1922 год принес с собой некоторое оживление в тяжелой, а отчасти в текстильной промышленности. Существенного улучшения пока, однако, не видно. Английский экспорт продолжает показывать те же цифры, что в конце 1921 г., и не обнаруживает пока никаких признаков к улучшению (в январе 71,6 м. фунт. стерл., в феврале 68,5 м. ф. ст.). А безработица продолжает свирепствовать с прежней жестокостью. В последние три месяца 1921 года на 1.000 рабочих приходилось 156—159—165 безработных, а в январе—марте текущего года эта цифра не спускается ниже 160. Это значит, что в Англии на каждые шесть рабочих приходится один полный безработный. Таково было положение после ликвидации угольной забастовки (с июля прошлого года), таким оно остается и теперь.

Из других европейских стран, пораженных кризисом, второе место после Англии занимает, пожалуй, Италия. Здесь особенно сильно пострадала разбухшая во время войны тяжелая промышленность. На исходе 1921 года итальянский кризис особенно резко проявился в двух совершенно исключительных по своему размаху банкротствах. Два крупнейших концерна металлургической и металлической промышленности («Ильва» с основным капиталом в 300 милл. лир и «Ансальдо» с основным капиталом в 500 милл. лир) вынуждены были приостановить платежи и об'явить себя несостоятельными. Эти банкротства повлекли за собой третий еще более крупный крах: немедленно за упомянутыми концернами полетело одно из крупнейших кредитных учреждений в Италии—Дисконтный банк, связанный не только с «Ильвой» и Ансальдо», но и с несколькими сотнями других предприятий, вплоть до торговых домов, ресторанов, кино и театров. Уже в самый момент краха было ясно, что дело пахнет сотнями миллионов итальянских лир, но только совсем недавно специально назначенная судебная комиссия выяснила, что потери Дисконтного банка составляют не более и не менее как 1 миллиард 200 миллионов лир.—Число безработных, исчислявшееся в июле минувшего года цифрой в 410 тыс. человек, в декабре дошло до 512 тыс., а в январе текущего года до 542 тыс. человек, из коих только 116 тыс. получали пособие.

Скандинавские страны были охвачены кризисом значительно позже, чем так называемые великие державы, но тем острее им приходится переживать хозяйственный развал теперь. Цены падают безудержно. С ноября 1920 года по март 1922 средний уровень цен понизился в Дании на 55 проц., в Швеции—на 50 проц., в Норвегии—на 40 проц. Внешняя торговля и производство падали из месяца в месяц. Безработица возрастала и в начале текущего года достигла совершенно невиданных в скандинавских странах размеров. В Дании считается 30 проц. безработных, в Швеции—33 проц., в Норвегии (в феврале)—47,2 проц. (!). Не лучше обстоит дело в других так называемых нейтральных странах Европы: в Голландии—около 40 тыс. безработных (22 проц.), в Швейцарии—свыше 100 тыс. и т. д. Во всех этих странах, как, впрочем, и повсюду, происходит резкое сокращение заработных плат и ведется кампания за удлинение рабочего дня.

Иначе обстояло дело в побежденной Германии. В то время, как антантовские страны страдали от исключительного хозяйственного развала, Германия продолжала расширять свое производство. Дело дошло до того, что во второй половине истекшего года безработица была в два раза меньше, чем в соответствующие довоенные годы высокой кон'юнктуры. Резервная армия рассосалась почти целиком. Германия с успехом конкурировала со своими победителями на мировом рынке, продавая значительно дешевле, чем Англия, Франция, Америка и другие. Среди союзников подлил настоящий вой. Говорилось о том, что Германия ведет планомерную политику «бросового» экспорта, расчитанную на подрыв благосостояния Европы и Америки, а французам мерещилось чуть ли не экономическое завоевание Германией всего мира.

Урезанная в своих границах, разоренная войной, ограбленная контрибуциями, лишенная флота, оккупированная в части своей страны, Германия одна на протяжении всего истекшего года не испытала на себе влияния кризиса в том виде, в каком он разразился в остальной Европе и Америке. Однако, секрет этого непонятного на первый взгляд явления в сущности очень прост. Союзники взвалили на Германию непосильное бремя платежей, государственная казна оказалась не в состоянии свести концы с концами в государственном бюджете и вынуждена была жить за счет все возрастающего выпуска бумажных денег. Курс германской марки на мировом рынке стоял очень низко, и германские товары стоили дешево. По существу же это было выражением другого факта, именно, понижения жизненного уровня рабочего класса и крайнего усиления эксплоатации. Даже в 1921 году, когда заработная плата в других странах систематически сокращалась, германский рабочий получал реальную плату в несколько раз меньшую, чем его американские и английские товарищи. Германия пока избежала промышленного кризиса только за счет колоссального истощения своих рабочих, нечеловеческой их эксплоатации.

Но низкая валюта оказалась обоюдоострым оружием: Германия страна сравнительно бедная сырьем и продовольствием. Такие продукты, как хлеб, лес, мясо, руду, нефть, минеральные масла, хлопок, каучук, свинец и т. д., она должна ввозить из других стран, в первую голову из Америки. А если валюта низка, то приходится платить по крайне дорогой цене. И терять на ввозе тот выигрыш, который получается на вывозе.

На Германии лежит между тем огромное бремя репарационных платежей, которые помимо 26-процентного налога на германский вывоз исчисляются на текущий год в 2.170 милл. золотых [illegible] (720 м. наличными и 1.450 [illegible] товарами). Эту огромную брешь в своем расчетном балансе Германия должна заполнить и заполняет под давлением вооруженной силы победоносной Франции. Но чтобы заполнить брешь, нужно вывозить, а чтобы вывозить нужно ввозить сырье и продовольствие. А так как Германия теперь, как и до войны, должна ввозить больше, чем она может вывезти, то неизбежно создается положение, когда не хватает на покупку сырья и продовольствия. Уже в конце 1921 года нетрудно было видеть, что Германии не на что будет покупать за границей потребное количество товаров. Теперь, когда непоколебимый в своей ценности доллар за один год вздорожал по отношению к марке в 4—4½ раза, прошлогодние опасения стали фактом. За недостатком сырья германские фабрики уже вынуждены сокращать производство и отказываться от заказов. Безработица возрастает, и страна постепенно вступает в своеобразный кризис недопроизводства...

Весь мир охвачен кризисом, какого капитализм не видал за все время своего существования. Если к февралю в его развитии, как отмечено выше, произошла некоторая заминка, то последние события показывают, что он вновь начинает развертываться дальше. Полоса локаутов и оборонительных стачек—вот чем характеризуются последние месяцы. Грандиозный локаут в машиностроительной промышленности в Англии, грозящий с 1 мая распространиться еще на 600 т. человек, чуть было не разразившаяся там же стачка в хлопчатобумажной промышленности, предотвращенная только тем, что рабочие согласились на понижение заработной платы на 45 проц., начавшаяся 1 апреля в Соединенных Штатах забастовка углекопов за сохранение 8-часового рабочего дня, охватившая 800.000 человек, к которой намереваются присоединиться и английские рабочие, не принимавшие пока в ней участия, локауты и стачки металлургической и текстильной промышленности в Германии, локауты в Дании и скандинав[illegible] указывает на то, [illegible] дить до своей высшей точки. Тиски кризиса все крепче сжимают капиталистический мир. Не видя выхода в эксплоатации отсталых стран, в грабеже колоний, ибо раздел мира между хищниками империализма уже произошел, ибо новых об'ектов эксплоатации нет, капиталисты всей своей силой обрушиваются на рабочих, стремясь поправить свои дела понижением их жизненного уровня до последних пределов. Разговоры о «социальной справедливости» во времена Версальского мира выброшены за борт. Борьба идет в открытую, борьба «за исключительное право предпринимателей определять по своему усмотрению условия труда»—так формулировали ее сильные английские предприниматели металлургической промышленности.

Капиталистический мир вновь в тупике. В попытках вырваться из него он прибегает к опасному средству, об'являя открытую классовую войну рабочим. Экономически капиталисты сейчас сильнее рабочих, и бои на этой почве рабочий не выиграет. За все преступления, совершенные империалистами, за все разорение, в которое повергла весь мир дьявольская бойня империалистской войны, должны будут ответить рабочие, на их спины будет взвалена вся тяжесть ее последствий, если только они не возьмут в руки другого оружия, если борьба за сохранение своего нищенского уровня жизни не заменится борьбой за уничтожение основ капиталистического строя. Теперь это не теория, теперь практика на каждом шагу кричит об этом рабочим, и нет никакого сомнения, что в ближайшее время мы опять будем свидетелями новой грандиозной волны революционного движения во всем мире.

Капитализм перенес ту спазму, которая сжала ему горло во время империалистской войны, только для того, чтобы она еще сильнее повторилась в 1922 г. Вынесет ли он ее? Ни[illegible] это поручиться не может. Также [illegible] и за то, что 1 мая 1922 г. не б[удет] последним праздником борьбы рабочего класса и что в будущем году этот день не сделается праздником его победы.

Ш. ДВОЛАЙЦКИЙ.

Анна, — сноха ему будет. Прибежала, лица нет:

— Дедко, дедко, пойдем к нам! Погляди, с Пашкой худо.

Заторопился дедко:

— А, лешак с вами-то! В лог небось спускала?

— Кто их знает. За ими не углядишь, а сами не сказываются.

Сразу понял дедко, в чем дело.

Лежит Пашко, глаза ни на кого не глядят, коленками по лавке ерзает.

— На воду не снидало его?

— Пил, без передыху пил!

— Дурынь,—сказал дедко.

И, обернувшись к снохе, выматерил ее крепко, долго, как только умел.

Сноха в слезы ударилась, запричитала. На дедка же вину сваливает:

— Пошто сказывал, что за дурынь такая? Кто не знал без тебя? Никто бы и в ум не взял!..

Молчал дедко. Точно вслушивался все в слова снохины:

— Ой, горюшко! Ребятенки малые да голодные, што понимают? Што нельзя-то им и надо, што не надо,—те и подай!

Послушал еще дедко. Потом сказал и в голосе его было слышно смущение:

— Глупо, дак глупо! Много ты смыслишь, голова еловая!..

III.

Помер внук Пашко,—хороший был парень, любил его дедко. Да в суседях парнишко в тот же день помер,—вместе дурыни наелись.

Экой ведь народ какой бабы! На дедка старого вину теперь сваливают: зачем сказывал, да зачем стращал. Н-ну!..

Долго в тот день сидел дедко на печке и все вздыхал:

— Эко дело! Эко дело!

Потом свесил ноги и сказал бабке:

— Дайкось обуться!

— Куда понесло? Сиди!

— Пойду... огороды посмотреть. Подправить не надо ли.

С тех пор с утра уходит из дому дедко.

— Куда срядился? — спрашивают его встречные.

— Так... огороды посмотреть.

Ходит дедко полями, а глаза старчековские зорко щурятся из-под клочкатых бровей. Смотрит глаза в лог, караулят кого - то.

Стерегут, должно: в кой же веселый день молодой буйной зеленью зарастет чортова гнилая дурынь-трава?..

АЛЕКСАНДР ЗУЕВ.

Культура бацилл.

I.

Плотно закупоренная банка. В банке питательная жидкость, а в этой жидкости живут и размножаются смертоносные, страшные бациллы. Но в банке они не страшны. Ученый рассматривает их под микроскопом и, вооружившись опытом и знанием, ведет борьбу с родственниками этих бацилл, еще не уловленными в банку, еще плодящимися и размножающимися на свободе.

Этот пример о бациллах мне пришлось слышать от одного неглупого буржуа нэповской формации:

— Какая мы буржуазия? Мы закупорены в банке и представляем собою об'ект ваших опытов над нами. У нас нет будущего, а вместо настоящего—у нас только этакий питательный бульон, в который пускают бацилл с целью наблюдения над ними.

Так плакался новоявленный буржуа на свое положение в условиях Нэпа.

— Но, ведь, вы слыхали, что это «надолго и всерьез»,—возразил я ему.

Он собрал свою жидкую седеющую бороденку в руку, иронически сузил глаза.

— «Надолго и всерьез», — протяжно произнес он.—И бациллы посажены в банку надолго, прочно и всерьез.

Разве этот проницательный буржуа, чувствующий себя в положении изолированной бациллы в советском государстве? Буржуа «доброго» старого времени твердо стоял обеими ногами на твердой почве «своей» собственности и «своего» права распоряжаться трудом и временем рабочих. Мой знакомый буржуа, обладатель бумажных «лимонов», в любую минуту напоминает зайца, прижавшего уши к спине и готового пуститься наутек.

— Капитал — мой, а законы—ваши,—говорит он.—Когда ко мне в предприятие приходит рабочая инспекция, у меня на душе скребут кошки. А вдруг она что-нибудь найдет? Ведь судить то меня будут ваши судьи, и ведь я весь со своим капиталом и потрохами в ваших лапах?

И, в сознании своего бациллоподобного положения, новоявленный буржуа живет, торопясь и захлебываясь. Его лозунг—«лови момент», и толпы этой бациллы наполняют по вечерам увеселительные места, кафе, нэповские рестораны, театры легкого жанра, и «просаживают» кучи цветных бумажек. Магазины с яркими витринами, на которых дразнят аппетит деликатесы, изумительные плетения и вязания из теста и крема в окнах кондитерских, шелка, картины, бронза, люстры, драгоценности, сверкающие в витринах,—все это «питательный бульон» для посаженного в садок буржуа, на которого постоянно направлен зоркий, внимательный, беспощадно неуклонный микроскоп рабочей власти.

И, прожигая лимоны и жизнь, буржуа чувствует на себе, этот упорно наблюдающий его микроскоп и, прижав уши к спине, в любую минуту готов пуститься наутек, хотя знает, что дальние садка, в который он посажен, ему убежать некуда.

II.

Перед праздником 1 мая на всех почти предприятиях шли митинги. И самый жгучий интерес на этих митингах вызывали два вопроса — о едином рабочем фронте и о Генуэзской конференции. Струи записок тянулись к ораторам, и во всех записках—вопросы:

— На каких условиях состоялось об'единение действий трех Интернационалов?

— Что мы рассчитываем получить и что мы намерены уступить международной буржуазии в Генуе?

Поднимается седой, изборожденный морщинами железнодорожный рабочий:

— Слухи такие идут, будто мы собираемся отдать в концессию железные дороги. Правда это?

В голосе звенит тревога. Глаза напряженно ждут ответа. И когда оратор успокаивает рабочего отрицательным ответом, в аудитории проносится одобрительный гул. А старик-железнодорожник, опускаясь на скамью, замечает:

— Воли им давать не надо—это главное. Не распускать кулака, в котором мы их зажали. Пущай действуют в нашем кулаке.

И то, что буржуа нэповской формации чувствует себя в положении бациллы в садке, и что рабочий требует не распускать кулака, показывает, что не ослабела, а усилилась атмосфера рабочей диктатуры, не разрядилась, а сгустилась классовая психология.

Ораторы на митингах призывали рабочих дружно выйти на улицы в день первого мая. И этот лозунг всемирной демонстрации встретил горячий отклик.

— Обязательно все пойдем, — сказал тот же старик-железнодорожник.—Мы в этом году должны показать свою силу.

— Эх, жаль, у нас оркестра нет, — вздохнул другой, помоложе.

— Будут другие оркестры, — сказал старик.

— Другие! А мы-то как? Надо бы и нам погреметь, чтобы знали, что вот они, мы, железнодорожники станции Сортировочная. Пусть чувствуют!

Я не знаю, к кому относилось это — «пусть чувствуют». Но я полагаю, я уверен, что оно относилось к буржуа, посаженному в садок, и к буржуазии, пока еще гуляющей в Западной Европе на свободе.

Пусть чувствуют, что и железнодорожник ст. Сортировочная вышел на улицу, как солдат всемирной рабочей армии.

Пусть чувствуют родные нэпманы и зарубежные их свояки, еще обладающие властью, что крепок и тверд шаг этой величайшей в мире армии, где каждый рабочий старается быть слышным на весь мир.

Пусть чувствуют, что буржуазия в садке или будет посажена в садок там, где она еще царствует.

ЯК. ОКУНЕВ.

Воспоминания.

Первая демонстрация.

(Из прошлого).

Это было в Саратове в 1902 году. Целый год существования нелегальной организации настолько укрепил наши силы, что мы решили в день 1-го мая организовать публичное выступление—уличную демонстрацию. По времени это была первая рабочая демонстрация в России в честь 1-го мая. Инициатива принадлежала нашему с.-д. комитету, впоследствии присоединились к нам эсеры. Вопрос обсуждался на тайных рабочих массовках, устраиваемых за городом, и был единодушно решен в положительном смысле. Было выпущено несколько печатных воззваний к рабочим и гражданам, где сообщалось о предстоящей демонстрации, об'яснялось ее значение и сочувствующие призывались к поддержке; с целью обмануть полицию (что между прочим и удалось), местом, откуда должно было начаться шествие, в этих воззваниях назначалась Соборная площадь, расположенная в самом центре города. Устным же путем было указано настоящее место, а именно Верхний базар, отстоящий в полуверсте от Соборной площади. Весь город знал о предстоящей демонстрации, и был взволнован до последней степени. Напуганные обыватели ждали «бунта»: одни со страхом, другие со злобой. В среде учащейся молодежи шли горячие дебаты за и против участия в демонстрации. Наступил, наконец, решительный день. Мы знали, что полицией принимаются меры, что организуется черная сотня (впервые тогда активно выступившая на политическую сцену), и были уверены, что в нас будут стрелять, а в лучшем случае нас изобьют. Но ничто не могло остановить нас. К часам 12-ти мы стали стекаться поодиночке и небольшими группами в самый центр базара, где в это время шла особенно оживленная торговля. Здесь нас не ждали; отряды полиции были заготовлены на Соборной площади. Нам удалось поэтому собраться в более или менее компактную группу, человек в 100. Далее ждать было нельзя, шныряющие кругом шпики почуяли что-то неладное и беспокойно забегали, а стоявший на посту городовой насторожился. Мы быстро решились. Тов. Коссович (недавно умерший) выхватил из-за пазухи великолепное, сшитое лишь накануне, красное знамя, быстро надел на приготовленную заранее палку и высоко поднял над головой. Знамя весело заплескалось над базарной толпой. Все участники демонстрации бросились к знамени и построились около него в ряды. Во все стороны полетели прокламации. Среди базарников поднялась суматоха. Полицейский пронзительно засвистал, торговки шарахнулись, опрокидывая лотки. Мы закричали «ура!» и быстрым шагом ринулись вперед через Театральную площадь в самый центр города. Как мы и рассчитывали, огромная толпа базарных посетителей двинулась за нами следом, отнюдь, однако, не с враждебными намерениями, а, если можно так выразиться, с благоговейным ужасом. Я помню, как одна торговка, у которой в суматохе опрокинули горшки, не обращая на то внимания, упрашивала дать ей «листочек». В каком-то экстазе шли мы небольшой кучкой и во всю силу своих легких пели «Вставай, подымайся, рабочий народ». За нами и кругом нас бежал народ. Над головами реяли два знамени: одно красное, с вышитым золотом «Долой самодержавие!», другое черное в память только-что перед тем повешенного Болмашова, убийцы Сипягина. Ослепительно сверкало майское солнце. Я шел рядом с Коссовичем, и тут же около меня бежал огромный рыжий городовой, беспрерывно свистал в полицейский свисток и не сводил глаз с праведившей его в неистовства красной материи. Мы вышли на Александровскую улицу и здесь, между огромных каменных домов, наше пение зазвучало еще громче, еще торжественнее. В окнах и на балконах масса лиц, некоторые машут нам платками, другие крестятся. Вот и главная, Немецкая улица. Полиции и войска все нет; где же они? На углу стоит толпа простонародья и ждет нас. Мелькает мысль, что это демонстранты, не успевшие присоединиться к нам. Увы, это черная сотня. С криком и руганью налетает она на нас, и начинается побоище. У многих у нас палки в руках, мы храбро отбиваемся. Высокий и сильный Коссович крушит врагов направо и налево, но затем куда-то исчезает. Рыжий полицейский теперь осмеливается. Он схватывает руками конец знамени; я, вне себя, подымаю свою палку и обрушиваю ее на отвратительную рыжую морду. Кто-то из наших быстро срывает знамя с древка и прячет за пазуху. Знамя спасено. Я в это время получаю оглушительный удар по лицу и каким-то чудом оказываюсь на панели среди любопытствующей толпы без шапки, с ослепшим на минуту глазом. Смотрю на улицу: демонстранты рассеялись, но на мостовой лежит А. И. Рыков; лицо у него в крови. Я подбегаю к нему, кричу, что его убили, требую помощи. В это время подбежавшие городовые поднимают его, ведут, а меня оттирают снова на панель. Иду по тротуару, плохо соображая, куда и зачем. Навстречу скачут конные городовые, разгоняют толпу. Вдруг встречаю жену, тоже бывшую на демонстрации и счастливо отделавшуюся, и под подозрительными взглядами встречных добрались до дому. На улице начали арестовывать кого попало, но захватили несколько человек и действительных участников. Всех отвели на какой-то частный двор, где надзор сначала был настолько плох, что Рыков, оправившийся немного от побоев, и некоторые другие благополучно удрали, перелезши через забор на соседний двор. Человек 100 отправили в тюрьму, где продержали месяца полтора, большинство выпустили без последствий, а человек 10, привлекавшихся раньше (в том числе и сестру Рыкова и Коссовича), судили и присудили к ссылке на поселение. Многие из ссыльных бежали потом за границу. Скоро и Рыков уехал за границу, при чем наша организация устроила в честь его вечеринку и собрала денег на дорогу.

В результате демонстрации организация наша была временно расстроена, но зато почва для последующей массовой работы была подготовлена наилучшим образом.

П. ЛЕБЕДЕВ.

1-е мая.

Тюрьмы, каторга, ссылка и казни.
Кто со звоном цепей не знаком?
Но всегда первомайский праздник
В наших душах горел маяком.

И когда мы теперь вспоминаем
Эти злые и страшные дни,
В сердце радость ликующим Маем
Торжествующе с солнцем звенит.

Заревые знамена над нами
Миру новые вести несут,
Что везде скоро вспыхнет огнями
Капиталом придушенный Труд.

В. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ.

1 мая в Симоновке во времена царизма *).

В 1903 г. на заводе Бари была создана вечерняя школа для взрослых, где сорганизовался социал-демократический кружок. Пропагандистом кружка был тов. Седой, а активными работниками: М. В. Васильев, Булычев и др. Кружок не переставая вел подпольную работу на заводах, распространял листовки, прокламации, подготовлял различного рода выступления. В летучках кружок раз'яснял необходимость сплочения рабочих, сочетания экономической борьбы с политическими задачами и вступления в социал-демократическую партию.

Руководство первомайскими демонстрациями кружок принимал на себя.

Впервые Симоновка выступала в день 1-го мая в 1904 г. и с тех пор встречала 1-е мая ежегодно.

С утра уже на заводе «Динамо» происходило брожение, собирались кучки рабочих. Свист из-под верстаков и различных углов завода служил сигналом для сбора. Толпа валила к выходу и сгрудилась у заводских ворот.

— Отворяй, отворяй! — раздаются многочисленные голоса по направлению привратника.

Ворота растворяются и на улицу выносится пение: «Вставай, подымайся рабочий народ!».

Рабочие дружно и организованно направляются к площади. По дороге присоединяются баревцы.

На площади разносится могучее пение похоронного марша.

Из-за угла показываются конные жандармы. В толпе происходит смятение. Часть бросилась в стороны, кто-то полез через забор, другие в соседнюю лавку и пивную. Но большое ядро рабочих оставалось спокойным. Околодочный все время уговаривал—разойдись, разойдись!—Толпа не обращала ни малейшего внимания. Жандармерия выжидала. Перед ней стояла громадная толпа манифестантов. Начались переговоры. Наконец жандармы обратились к толпе с предложением пропустить их вперед к заводам. Толпа доверчиво расступилась и образовала длинный проход, куда парами в'езжали жандармы. Неожиданно жандармы повернули лошадей в разные стороны и стали стегать рабочих. Рабочие поняли, что попались на удочку.

Крики, свист плетей наполнили воздух. Один рабочий, обезумев от ужаса, побежал к пивной, но на пороге его настиг жандарм, вытянул плетью вдоль спины так, что у того лопнул пиджак.

Такова общая (изменялись из года в год детали) картина празднования 1-го мая Симоновки в старое время.

Но особенно памятно 1-е мая 1905 года. В этот день свыше 2,000 рабочих «Динамо», Бари и Гана с красным флагом направились снимать цинделевцев; дошли до Плашкаутного моста через Москва-реку. На мосту показался отряд пешей полиции во главе с приставом. Полиция стала теснить толпу, рабочие не поддавались. Часть манифестантов вооружилась камнями, полиция наступала решительнее, и начала применять в ход холодное оружие. Из толпы раздалось под ряд несколько выстрелов. Пристав зашатался. То стреляла пропагандистка из центра Спиридонова. Неожиданно распахиваются ворота ф-ки Гепардовского (на правом берегу реки), показывается отряд казаков, которые с диким криком влетают на мост и врезываются в толпу. Толпа отпрянула; рабочие побежали в разные стороны. Проклятия, стоны, визг нагаек стояли над рекой. Казаки, сыпавшие удары направо и налево, рассыпались, и пошла охота за отдельными бегущими. Спиридонова скрылась в вагоне, но ее выдали кладчики дров. Казаки вытащили Спиридонову из вагона и стали избивать нагайками. Беззащитную женщину несколько спешившихся здоровых казаков били нещадно, зверски. Отсекли ухо, но нагайки продолжали врезываться в тело истязуемой. Избили до полусмерти, бросив на произвол судьбы. Лишь через несколько часов спустя Кр. Крест подобрал Спиридонову. Свист плетей у моста и окрестностей замирал. Цоканье казацких подков послышалось по пути в слободку, где казаки и закончили расправу над рабочими.

Вот как симоновские рабочие встречали 1-е мая при самодержавном строе.

ЮРИЙ ЧАНИН.

*) По воспоминаниям старых рабочих завода «Динамо».

1-е мая.

По-праздничному песнями блистая,
Животворящий славя труд,
Рабочие на праздник Мая
Державной поступью идут.
Неодолимые за рядом ряд,
Неумолимые колонна за колонной...
И изреченностью сердца горят
На торжествующих знаменах.
Идут горами тронувшими с места,
В чугунный гул сливая голоса,
И солнце пятится, пятится назад,
Как робкая пред женихом невеста.
И зелень трав, и дальность небосвода,
И день весенний голубой—
Вся красота обычная природы
Пред новою бледнеет красотой.

Г. САННИКОВ.

В Орловской роще *).

(1-е мая 1906 года).

Орловская роща—излюбленное место рабочих для разных нелегальных сходок —находится за Даниловской слободой, близ Татарского кладбища.

В 1906 г. на 1-е мая в роще были назначены «маевки» всех революционных партий. Эсеры, меньшевики, большевики и им сочувствующие рабочие собрались отдельными группами в различных местах рощи. В большевистской группе, доходившей до 200 человек, слушали оратора из центра. Вдруг издалека послышались крики: «Казаки, казаки!». Крик отдался по роще, как электрический ток, и в один миг собравшиеся стали рассыпаться.

По лесу защелкали пули, стрельба учащалась. Рабочие, нагибаясь, кто как мог ускользали в стороны. Часть рабочих во главе с Булычевым (с.-д. большевик), отделилась и через овраг стала подниматься к Татарскому кладбищу.

Пеший отряд полиции (в панике их приняли за казаков) устремился за группой Булычева. Этот последний дал возможность своим товарищам выбраться из оврага, а сам, прикрывая отступление, несколько задержался. К нему подоспел пристав и пытался его арестовать. Не растерявшийся Булычев направил на пристава револьвер, и, постепенно отступая, начал отходить к своим.

Пристав дал знак стрелять. Рассыпавшиеся цепью городовые со всех сторон открыли огонь.

Тогда Булычев и его товарищи, в свою очередь, завязали перестрелку. С той и другой стороны оказались раненые. Имевшие оружие рабочие закричали своим: «Товарищи невооруженные, уходи». Двое рабочих поспешили покинуть место перестрелки. Патроны у рабочих иссякли.

Цепь полицейских постепенно суживалась и, образовав кольцо, она сжималась тесней вокруг рабочих.

— Сдавайсь,—закричал пристав, подходя к Булычеву.

— Не подходите,—отвечал Булычев, —у меня бомба.

Пристав попятился, но успел крикнуть: «Что же не кидаешь?»

— Стоит ли тратить бомбу на такую кучку,—процедил Булычев, и с этими словами отбросил бомбу далеко в сторону. Раздался страшный взрыв, силою которого громадное дерево было вырвано с корнем.

Полиция набросилась на Булычева и его товарищей, схватила их и обезоружила.

Победители торжествовали.

По всей роще и далеко за ней они гонялись за рабочими, как гончие собаки. Что было с настигнутыми ими—побои ли, издевательства или плевки—знает лишь старая роща.

Еще долгое время она оставалась свидетельницей многих нелегальных собраний и сходок революционных рабочих. Долгое время она служила приютом для затравленного рабочего люда. И не один раз в году она слышала крики бегущих, звон оружия и щелканье затворов.

Но не увидит и не услышит больше никогда.

ЮРИЙ ЧАНИН.

*) По воспоминаниям старых рабочих завода «Динамо» т.т. Барканова, Д. и Офман.

Генуэзская конференция.

По вине банкиров.

ВЕНА, 28 апреля. (Роста). Чичерин сделал представителям коммунистической печати следующее заявление: «**Заслуживает внимания, что кризис, наступивший в наших переговорах, вызван вопросом о возмещении убытков иностранцам. Вопрос о довоенных долгах должен был быть урегулирован в положительном смысле путем предложений, сделанных нашими экспертами, разумеется, в рассчете на заем, который дал бы нам возможность выполнить наши обязательства.** Огромное большинство мелких держателей русских бумаг, вложивших свои сбережения в русские займы, могли бы, таким образом, получить удовлетворение. **Соглашение потерпело неудачу по вине небольшой кучки банкиров, имевших свои интересы в дореволюционной русской промышленности.** Наше желание пойти навстречу мелким рантье и коммерсантам потерпело неудачу только по вине этих банкиров. **Россия и в данном случае защищала интересы неимущих масс**».

Вокруг русского вопроса.

ЛОНДОН, 27 апреля. (Роста). Русскому вопросу сегодня снова уделяется много места, как в телеграммах из Генуи, так и в передовых статьях лондонских газет. Почти все сведения из Генуи признают, что вопрос о возвращении иностранцам принадлежащего им имущества связан с очень большими затруднениями. Тем не менее, по единогласному уверению корреспондентов, какое-нибудь решение безусловно будет найдено. Корреспондент агентства Рейтера телеграфирует: «Русский вопрос остается в неопределенном положении. Нет никаких признаков, указывающих на возможность отступления Раковского от позиции, занятой русскими и признаваемой союзниками неприемлемой».

Корреспондент «Дэли Кроникль», обнаруживая нетерпение по поводу «восточных методов», применяемых русскими, говорит, однако, что ни с чьей стороны не делается попытки пред'явить России ультиматум.

Корреспондент «Дэли Ньюс» следующим образом характеризует позиции, занимаемые русскими и союзниками: **русские требуют немедленного признания «де-юре»**; для союзников же это признание должно служить заключительным аккордом всего соглашения. **Русские требуют определенного обещания открытия им крупных кредитов**, между тем, как конкретное предложение предоставить кредиты, вылилось в форму открытия этих кредитов международной корпорацией. **Русские желали бы полного аннулирования военных долгов**, союзники же соглашаются только на сокращение их суммы. Союзники предлагают мораторий на пять или десять лет, **русские же требуют в 4 раза большего срока**. Союзники требуют возвращения национализированного имущества или компенсаций за него, **русские же предлагают сдать в форме концессий национализированные предприятия их бывшим владельцам, при условии, если последние предложат самые выгодные условия аренды**. Далее корреспондент сообщает, что **Франция и Бельгия не желают принять выработанных англичанами и итальянцами пунктов относительно возвращения национализированного имущества. Вообще этот вопрос является краеугольным камнем не только для положения России на конференции, но и для отношений между самими союзными державами.**

Нота России будет готова в пятницу. В настоящее время обе стороны относятся пессимистически к перспективам соглашения, но с трудом допускают возможность срыва переговоров.

Корреспондент «Дэйли Телеграф» сообщает, что представители Франции, Англии и Бельгии собрались 25 апреля для обсуждения текста документов, «которые могли бы закончить переговоры с советским правительством. В них будут отмечены достигнутые до сих пор успехи, неразрешенные еще вопросы и будут указаны возможные способы устранения существующих еще затруднений, при чем, будет отмечено, что именно Россия может дать Европе и что Европа может сделать для России. По уверению корреспондента, эта нота будет носить характер ультиматума.

ЛОНДОН, 27 апреля. (Роста). «Манчестер Гардиан», обсуждая в сегодняшней передовой статье вопрос о возвращении советским правительством национализированного имущества иностранцам, считает этот вопрос не принципиальным. Если Россия вместо возвращения национализированного имущества даст бывшим его владельцам соответствующие компенсации, то последним, говорит газета, не на что будет жаловаться: «**Русские так же имеют право национализировать нефтеносные земли, как и мы имеем право национализировать**, скажем, железные дороги. **Требовать, как это делают союзники, от России признания за иностранцами права частной собственности равносильно посягательству на такие суверенные права России, какие принадлежат каждому другому государству. Такое требование является, к тому же, прямым нарушением каннской резолюции. В случае, если русские согласятся на принцип компенсации, то они, говорит газета, имеют право сами решать вопрос о форме этой компенсации. Союзников должна интересовать лишь сумма, но не метод**».

«Дэйли Кроникль» в передовой статье выражает мнение, что вопрос о возвращении национализированного имущества является «искусственным камнем преткновения». В данном случае союзники заинтересованы не в национализации, а в компенсации. **Россия имеет право, не навлекая на себя ничьих упреков, национализировать любое имущество иностранцев на своей территории при условии,** что возместит убытки, причиненные бывшим собственникам. Никто не будет возражать против национализации, если ему за это будет немедленно уплачено. Только потому, что Россия не может сейчас же платить, от нее требуют возврата этого имущества. Простой факт национализации не помешал бы иностранным капиталистам помещать свои капиталы в России, но им помешает то обстоятельство, что советское правительство продолжает практиковать совершенно не культурные методы проведения принципов национализации».

ВЕНА, 28 апреля. (Роста). Между державами Антанты ведутся оживленные переговоры, цель которых—составление ответа на русскую ноту по поводу первых семи пунктов лондонского меморандума. Державы, от которых исходило приглашение на Генуэзскую конференцию, совещались вчера с представителями нейтральных государств. Между Барту и Ллойд-Джорджем также происходили вчера по этому вопросу продолжительные переговоры. Как сообщает «Нейе Фрейе Прессе», ответ держав Антанты будет передан русской делегации на сегодняшнем заседании политической подкомиссии. Ответ состоит из 9-ти пунктов, формулирующих последние уступки России со стороны союзников. Как сообщает «Нейе Фрейе Прессе», точка зрения русской делегации в вопросе о возмещениях является приемлемой для итальянцев и для англичан. Они согласны с предложением советского правительства возместить убытки иностранным подданным, имущество которых подверглось конфискации или национализации, путем предоставления им концессий. Напротив, Франция и Бельгия требуют безусловного возвращения иностранным подданным принадлежавших им имуществ. Генуэзский корреспондент «Нейе Фрейе Прессе» сообщает, что русским будет предоставлен срок в несколько недель или даже месяцев для ответа на ноту Антанты. Возможно, что по истечении установленного срока будет созвана специальная конференция.

Кейнс о русских финансах.

ВЕНА, 28 апреля. (Роста). В «Берлинер Тагеблатт» и «Нейе Фрейе Прессе» приведено мнение Кейнса о русских финансах. Прогноз, составленный этим видным экономистом на основании официальных русских данных, является вполне благоприятным. России вернее удастся сбалансировать ее бюджет, чем ее соседям. Стабилизация бумажного рубля в России является менее невероятной, чем во всяком другом европей-

Побеги травы

(Заметки читателя).

1. НОВАЯ ЛИТЕРАТУРА: ПРОЗА.

Пишущий эти строки отнюдь не претендует на звание литературного критика, тем более, что звание это за последнее время потеряло всякий вес и уважение: недаром же поставлен вопрос об искоренении самого этого звания, как, якобы, излишнего средостения между писателями и читателями. Здесь мы хотим высказать несколько вольных наших читательских суждений. Всякий грамотный и внимательный читатель имеет на это право вообще, а по случаю измельчания породы литературных критиков—в особенности.

Русская «изящная литература», несомненно, на пути к своему возрождению. Многократно и правильно отмечалось, что в первый период революции она переживала тяжелый кризис, если не крах. Большая часть старых писателей в результате революции потеряла темы, утратила чутье жизни, сорвалась с голоса. Та часть старых писателей, которая оказалась по сю сторону баррикады и поэтому, как-будто, не потеряла связи с ходом событий, пишет только похвальные «по содержанию», но—таково наше вольное читательское суждение—довольно-таки сухоязычные, не вмещающие в себя размах событий—рассказы, очерки и т. п. Новых писателей, с одной стороны, стали спешно готовить в рабфаках литературы—пролеткультах. С другой стороны, они стали появляться и «стихийным порядком», со стороны.

Что касается первых, то среди них безусловно оказались талантливые люди—все больше поэты, но, к сожалению, все больше еще из дореволюционной формации. И все же—это надо теперь констатировать—из пролеткультов ни крупного, ни массового материала для возрождения литературы не вышло. Быть-может, потому, что «поэты рождаются, а не делаются»—в специальных советских учреждениях, по тарифу В. Ц. С. П. С. Быть-может, потому, что для создания фаланги «пролетарских писателей» не надо было искать материал обязательно среди природных пролетариев, надо было допустить к делу и разночинцев, из среды которых пока что вербуется значительное большинство даже политических и теоретических вождей пролетариата. Быть-может, потому, что основной лозунг в этой области был дан неверно—не «пролетарская культура», а «завоевание культуры» надо было сказать. Наконец, не в малой степени, быть-может, потому, что в мелкобуржуазной России трудно рабочему классу и его идеологам получить решающее влияние на культуру.

Что касается новых писателей «со стороны», то за годы революции они таскались по все стороны, ездили за хлебом и картошкой (см. жизнеописание Б. Пильняка в заграничной «Новой Русской Книге»), воевали и спекулировали, по дороге писали, даже работали над стилем (каковой, впрочем, у них весьма непричесанный, наоборот, [illegible] стилисты). Они прошли огонь, воду и медные трубы, видали жизнь во всех видах, частью одичали нравственно, во всяком случае, огрубели, если и сохранили здоровую сердцевину.

Как бы это ни было неприятно для нашего советского самолюбия, но мы сильно опасаемся, что именно отсюда (от меньшинства, конечно) пойдет новое и живое, что в некоторых случаях сойдется с лучшими веяниями к здоровому и живому. Соединение таких новых писателей, смычка их с погрузившимися в своеобразный академизм пролеткультовцами встряхнет и последних, создаст общее движение вперед.

Только не пугайтесь этих новых писателей. Характерной их чертой, приобретенной ими при прохождении через огонь, воду и медные трубы, через застывшие советские дома, обнищавшую деревню, которая пережила эпоху бандитизма, через вшивые вагоны, остановившиеся фабрики —есть сильнейший уклон к *натурализму*. Наши литературные советские гувернантки возмущаются всегда «декадентскими и футуристскими привлияниями» и требуют *здоровой реалистической* литературы, на «футуризм же и декадентство» не соглашались ранее «давать бумагу», а в последнее время—накладывать штемпель военной цензуры.

Беда в том, что литература развивается столь же стихийно, как и революция. К реализму сейчас, *например*, *она* идет через натурализм—крайний фланг реализма и в данном случае его предтечу. Даже бывшие мистики и символисты, как потом мы покажем на примере, получают сильнейший натуралистический уклон. Точно также и футуризм—сверх всякого ожидания наших гувернанток—начинает, как-будто, перетекать в натурализм. Многоэтажные, аляповатые, в фиолетовую и красную краску размалеванные фигуры Маяковского становятся на общий путь с грубыми фигурами, рисуемыми бывшими мистиками и символистами. Все они сходятся на общем принципе: берут «кусок жизни грубый и простой» и отнюдь не творят из него «сладостную легенду», а выкладывают его на операционный стол в распластанном, грубом виде, с подчеркиванием всего грубого, злого, грязного. Дело тут далеко не в «диспропорции революции и ее быта», хотя у многих интеллигентов натурализм явился результатом отчаяния их ударами материальной разрухи и сопутствующих революции многочисленных проявлений дикости, накопленной веками (даже Горький только это изволил заметить в революционном народе),—дело тут в том, что такова специфическая черта всякого натурализма. Неужели же нервы наши не смогут его преобороть? Неужели мы не сумеем идейно его преодолеть—показать массам, что он только часть жизни ухватил и выплеснул вперед, не взяв ее целой? Неужели же он сможет [illegible] живых и здоровых? Конечно, нет, несмотря на [illegible] гувернантки: опасность невелика. Зато мы получаем литературу, которая уже пытается схватить тяжкую поступь событий (в отдельных случаях—Всев. Иванов—ее схватывает), и из которой может выйти новая литература—настоящая и, по крайней мере, в части—«советская».

Впрочем, перейдем к примерам. Вот вам для примера еще дореволюционный писатель—Иван Новиков. Сколько помнится нам, как читателю (пусть литературные критики наводят справки и опровергают), писатель—тихий, мистически настроенный и погруженный в застойный быт (такое соединение нередко встречалось). С появлением «Нэпо» стали опять появляться его рассказы и повести. Возьмем из них два: «Гарахвена, принц индийский» (журнал «Жизнь», № 1) и «Жертва» (альманах «Костры», книга первая). Оба посвящены судьбе детей в эпоху революционного кризиса. В обоих случаях дети гибнут в вихре революции. Эту гибель Ив. Новиков наблюдает с сердечной болью и тихой грустью.

В первом случае погибает (при взрыве снаряда, с которым она играла) деревенская девочка Аграфена (в шутку прозванная дочерьми соседнего помещика Гарахвена, принц индийский), попавшая в Москву незадолго до октябрьской революции. Отец ее, солдат-фронтовик, только что разгромил усадьбу помещика, дочь которого, курсистка Таня, вытащила Аграфену в Москве из большой беды и взяла к себе жить. Курсистка ничего не понимает в политике и классовой борьбе, как полагается, влюблена в студента. Студент, как полагалось, пошел в юнкера и дрался против большевиков—но положению, не очень в себе уверенный. Сестра курсистки с начала революции стала большевичкой. Создается, по мысли автора, полная перепутаница, нарушающая все «классовые рамки», а в перепутанице умирает ребенок. Ни одного «отрицательного типа» нет в рассказе. Отнюдь не отрицательными чертами описывает автор и октябрьский переворот, даже, пожалуй, подмечает кое-что правильно и интересно. Только он не может понять, зачем всем этим хорошим людям между собой *драться*, зачем при этом погибать детям. В конце его рассказа курсистка Таня берет со своего студента торжественное обещание никогда «не убивать». Наш тихий автор обнаруживает себя последовательным социальным пацифистом.

И вот у такого-то писателя во втором (позднейшем) рассказе находим резко-натуралистические тона. Описывается октябрьский переворот в селе Под'ячином, раздел барского добра, бестолковое его использование, потом новые трудные дни. «Сильная скрепа пошла повсюду и неудобства, точно босыми ногами идешь по жнивью... Главное было—война, когда воевать, по правде сказать, уже давно надоело, а второе был город, который порою уж чересчур наседал, только и знаешь: «подай, да подай!», а взамен того ничего, ни гвоздя, ни веревки, не говоря уже про плужок или ремень. Тоже и сами с барским добром обошлись нерасчетливо...». Понемногу деревня начинает нищать и голодать, и, наконец, в одну весну есть оказывается нечего. Двое мальчиков из одной семьи, старший, грубый и злой Никандр, и младший, тихий, слабый, сухорукий Ленька, отправляются в Москву к сестре Маланье за хлебом. Маланья сбежала в Москву с комиссаром подозрительного свойства и живет заработками также подозрительного свойства. По дороге на станцию Никандр заходит к лесничему Ивану Никанорович, спекулянту и очень темному человеку (в рассказе Новикова на этот раз—целая куча «отрицательных типов», наряду с многочисленными элементами символизма) и берет у него сонный порошок, дабы опоить сестру и вытащить у нее деньги. Описание поездки мальчиков в вагоне, «мусорном ящике под номером»—самое грубое, натуралистическое и яркое. То же самое надо сказать об описании базаров в Москве, куда попали мальчики, разрушенного дома, куда они заходят отправлять естественные надобности и где подслушивают воровские разговоры, преследование бандита на улице и пр. Сцена у Маланьи, которую неудачно пытается отравить Никандр (сонный порошок оказался ядом), носит такой же характер. В заключение всего, мальчики попадают к старухе-просвирне, с которой познакомились в вагоне (ласковая и тихая—как все «положительные типы» Новикова), и Никандр *убивает* старуху и ее внучку, пытаясь украсть у нее хлеб. Ленька сходит с ума и умирает. Здесь опять слабое и доброе падает *жертвой*, но не в результате борьбы других добрых, поднявших меч друг на друга, а в результате того, что в низинах жизни выползли вперед оголтелые и злые, которые господствуют. Такова несложная философия Ив. Новикова. Пусть литературные гувернантки берут на себя указывать ему, что кроме оголтелых и злых, на свете есть сильные, добрые, не с сухими руками, а с крепким кулаком, направленным против «этих» (как называет Новиков оголтелых и злых), что тут идет борьба, а не только совершаются жертвоприношения. Все это настолько понятно, что разжевывать это не приходится. А картины, даваемые Новиковым, ярки (не первой, правда, яркости) и полезны: и то нравственное одичание, которое он отмечает, есть налицо, оно составляет часть жизни, если не всю в целом, то часть.

Сильнейший уклон к натурализму пробивается сквозь мистически-символистическую оболочку и у другого писателя, весьма сходного с Новиковым типа—Евг. Замятина (рассказ «Пещера», № 5, «Записок мечтателей»). Стиль рассказа под сильнейшим влиянием новейшей манеры А. Белого. Тема рассказа—о том, как погибают в замерзшем петербургском доме два интеллигента— Мартин Мартинович и жена его Маша (рассказ написан в 1920 г.). Оба они когда-то были культурными людьми, теперь превратились в пещерных людей.

«В пещерной петербургской спальне было так же, как когда-то недавно в Ноевом ковчеге: потопно перепутанные чистые и нечистые твари. Мартин Мартиныч, [illegible] книги; каменно-вековые гончарного вида лепешки; Скрябин опус 74; утюг; пять любовно, добела вымытых картошек; никелированные решетки кроватей; топор; шифоньер; дрова. И в центре всей этой вселенной—бог. Коротконогий, ржаво-рыжий, жадный пещерный бог: чугунная печка».

«Бог могуче гудел. В темной пещере—великое огненное чудо. Люди—Мартин Мартинович и Маша—благоговейно, молча, благодарно простирали к нему руки. На один час—в пещере весна; на один час—скидывались звериные шкуры, когти, клыки, и сквозь обледеневшую мозговую корку пробивались зеленые стебельки—мысли».

Больная жена Мартина Мартиновича все время лежит в постели. Чтобы справить ее именины и целый день топить печку, он крадет внизу у соседа Обертышева пять поленьев. Маша встает с постели, они пьют «настоящий китайский чай», оставшийся на дне заветной коробочки. А когда дрова сгорели, и их больше нет совсем, Обертышев открыл кражу и грозит «пойти в уголовное», они достают флакон яда, спорят о том, кому его выпить—и муж уступает дорогу жене.

Таково содержание рассказа, которому нельзя отказать в силе и яркости. Он ясно вскрывает суб'ективный источник перехода символистически настроенных интеллигентов на натуралистскую позицию. В революционной разрухе они испытали на себе, что «человек есть то, что он ест», они почувствовали это самым примитивным и грубым образом. Пусть они рассказывают это. Многих этот путь поведет «вперед и выше». А та трагедия (так можно сказать о «пещерном периоде», или пройденном), которую они пережили, имеет право на описание не менее, чем что-либо другое. Это кусок жизни грубый и простой, хотя и не вся жизнь.

Если вы хотите увидеть интеллигента, который, прошел огонь, воду и медные трубы революции, увидал большее—не только вмерзание свое в пещеру застывших домов, в жуткий [illegible] рабочих поселков, в жадную сутолоку сухаревского базара, где торгуют всем на свете, который увидел не только оголтелых и злых—возьмите Бориса Пильняка. И это писатель, в значительной мере дезориентированный, и по содержанию и по стилю. Между прочим, он лично близок к реакционно-мистическому народнику Ремизову, но об'ективно ушел от него на сотню верст и является ярким выразителем современного натурализма. Это уже бесспорный талант, хотя отнюдь еще не выработавшийся и не нашедший себя. Еще в 1918 г. мы помним его рассказ в «Рабочем Мире», где в сильных натуралистических и сатирических тонах описано житье-бытье при советском строе распадающейся буржуазно-интеллигентской семьи. Все служат в советских учреждениях, все грызутся, возвращаясь домой на удержанную за собой квартиру все сразу «спустились» до понимания вышеприведенного изречения Фейербаха, следят за усвоением детьми «жиров» и за правильным содержанием домашнего клозета. Мы помним другой рассказ, помещенный в одном из альманахов Наркомпроса, из быта советской провинции. Тут комиссары разного типа, включая военкомов — кутилы с сомнительным прошлым, тут гибнущие от самогонки и сидения на одной картошке интеллигенты, тут бывшие «поэтические барышни», жестоко поломанные жизнью. Во всех этих рассказах автор жестоко вскрывал все грубое, грязное, злое, но основной тон его был живым и здоровым.

В последнем номере «Красной Нови» помещены отрывки из его романа «Голый год». Советуем всякому прочесть эти отрывки. Здесь есть уже и большевики, советские люди, описанные в той же натуралистской манере, наряду с мужиками, описанными, пожалуй, еще грубее, чем в свое время это делали Родионов и Ив. Вольный. Вот один эпизод, касающийся большевиков.

«Большевики.

Кожаные куртки.

«Энергично фунтиками». [illegible]

ском государстве. Кейнс проводит историческую параллель между финансами России и революционной Франции, где также была достигнута стабилизация. Ссылаясь на опыт финансовой статистики времен царизма, Кейнс, хотя и сомневается в абсолютной достоверности русских цифр, считает их, однако, заслуживающими большего доверия, чем это обыкновенно думают. Развитие России идет исключительным путем, и эксперимент социалистической финансовой политики может заложить в России прочный фундамент для будущего.

Затишье.

САНТЕ-МАРГЕРИТА, 28 апреля. (Радио бюро прессы при российской делегации). Наступили дни полного затишья. Нет переговоров ни в экспертной комиссии семи, ни в других комиссиях, ни частных совещаний, по крайней мере, русских там нет. За отсутствием точных фактов, досужие люди распространяют сообщения частного характера.

Избегают открытого боя.

В беседах с советскими делегатами близкие английским кругам лица пытаются выяснить, сказано ли русскими последнее слово, пойдут ли они на дальнейшие уступки. Чувствуя неудобства своей позиции перед лицом народных масс, **когда все дело застопорилось из-за кучки хищников, желающих отменить величайшее завоевание революции, национализацию, и вернуть себе собственность, руководители Антанты избегают открытого боя на этом вопросе.** Есть слухи, что они попытаются вообще оставить русский вопрос открытым, поручив его длительной комиссии после Генуи. Чтобы создать видимость какого-то результата, близкие Ллойд-Джорджу лица усиленно носятся с проектом договора об обязательстве не нападать на соседей. Таким жестом думают скрыть бесплодность почти месячной канители, пышных декораций и жалких слов. Не даром Ллойд-Джордж, пригласив американских и английских журналистов, увещевал их проповедывать в печати терпение, ибо всеобщего мира, как оказывается, нельзя добиться в две недели, хотя бы для этого и были собраны представители от 30 держав.

Конфликт между Англией и Францией.

Среди журналистов распространяют **слухи об окончательном конфликте между Англией и Францией.** Ссылаются на речь Пуанкаре и ответную речь Ллойд-Джорджа. **Последний заявил, что, как ни дорога Антанта, но ради достижения мира Англия способна перешагнуть через нее. Пуанкаре, в свою очередь, заявляет, что Франция способна итти своим путем, одна, без Англии.** Все эти маневры получат надлежащее освещение в ближайшие дни, ибо дальше тянуть невозможно.

Сближение Италии с Россией.

Несмотря на начатую французами травлю России и угрозы разрывом с Италией, **настроение складывается в нашу пользу.** Обсуждается вопрос об учреждении итало-русского общества сближения. В числе учредителей этого общества называют видных итальянских политических деятелей, выдающихся представителей промышленного, литературного и ученого мира. **Общественное мнение Италии вполне подготовлено к сближению между Италией и Россией, даже если бы главари Антанты устроили срыв конференции.**

Общность интересов Германии и России.

Вчера вечером состоялся обед советской и германской делегаций. На обед прибыли Вирт, Ратенау, Симсон, Мальтцан, Шмидт, Дейтч, Гильфердинг, Бернгардт и другие. На краткое приветствие Чичерина Вирт ответил теплой речью, заявив, что Германия заключила договор с Россией, **вполне понимая общность многих интересов, связывающих обе страны, несмотря на различия их внутреннего строя.** От имени германского правительства Вирт заявил, **что Германия останется до конца верной договору, что бы ни случилось в дальнейшем.** Общее впечатление российских делегатов, экспертов и журналистов от речи Вирта благоприятное. Искренний тон его речи, простые, человеческие слова, без банальных дипломатических любезностей, были отмечены и печатью.

Л. Сосновский.

Симпатии к Советской России.

САНТА-МАРГЕРИТА, 27 апреля. (Радио бюро прессы при российской делегации). Несмотря на усилия вызвать против нас враждебное течение в общественном мнении, особенно в момент обострения переговоров, попытки в этом направлении имеют слишком ничтожный успех. Об этом можно судить по массе политических приветствий, посылаемых по адресу нашей делегации из итальянской провинции, и трогательных писем из разных стран Европы. Теперь регистрируется новый поток писем с приветствиями специально по поводу заключения русско-германского договора. Особенно в последние дни, когда советская делегация показала, что она дошла до крайнего предела своих уступок, чтобы достигнуть положительных результатов конференции, и несклонна жертвовать интересами Советской России, руководители конференции стараются создать вокруг советской делегации враждебную атмосферу. Этого они, конечно, легко добиваются во Франции, но гораздо труднее им удается это в Италии. Не только в трудовых массах, но в известной мере и в промышленно-торговых кругах Италии симпатии к России выявляются совершенно открыто. На-днях торговая палата Генуи, совместно с администрацией порта и организацией судовладельцев, устроила банкет в честь делегатов конференции. Российская делегация также отправилась на этот банкет, и тут снова повторилась обычная история: в центре внимания оказались русские; все остальные делегации смешались и затерялись в итальянской толпе. Если некоторую долю этого внимания отнести на счет простого любопытства—поглазеть на настоящих страшных русских большевиков, то, конечно, гораздо большее значение имеют здесь действительно глубокий интерес и живые симпатии к России. Экономические интересы Италии настоятельно требуют сближения с Россией и ослабления зависимости от стран Антанты. Вот любопытный факт, свидетельствующий о силе стремления к такому сближению. В Милане организована промышленная выставка Италии специально для делегатов конференции. Из русских эту выставку удалось посетить только военному эксперту Верховскому. Несмотря на заявление Верховского, что он не делегат, а только эксперт, его окружили самым трогательным вниманием, усаживали на первое место и искренне приветствовали в его лице Россию. Организаторы выставки, главари итальянской промышленности, на перебой доказывали Верховскому, чем именно Италия могла бы снабдить Россию, показывали экспонаты, указывали на подходящие цены и уверяли, что Италия могла бы оказать России кредит. Между прочим, фабриканты указывают, что Россия заказывает нефтяные цистерны в далекой Канаде, с которой у нее еще нет взаимного представительства, тогда как близкая Италия, переживающая кризис, могла бы делать эти цистерны не дороже Канады и тем уменьшить безработицу у себя. В виду всего этого неудивительно, если здесь приходится слышать, что чем бы конференция ни кончилась, сближение России с Италией пойдет своим чередом.

Ультиматум или увещевание?

Вчера делегации нейтральных стран отправили своих представителей—Мотта и Брантинга—к итальянскому министру иностранных дел Шанцеру, чтобы выяснить, правда ли, что советской делегации Антантою пред'явлен ультиматум. Шанцер ответил, что об ультиматуме нет речи и что ответ на контр-предложения российской делегации будет составлен в тоне увещания. Тем не менее, в городе всех продолжают волновать слухи об ультиматуме Антанты Советам.

Тяжелая артиллерия меньшевиков.

Грузины-меньшевики от имени так называемого «посольства» в Париже выступили с самой тяжелой артиллерией: они вручили председателю конференции письмо патриарха «всея Грузии» Амвросия, который, в согласии с верными его чадами-меньшевиками, требует ухода Красной армии из Грузии. Меньшевики уверяют Европу, что в советской Грузии грандиозное восстание против большевиков, что там образовался ревком, и т. д., и т. п.

Имеются сведения, что в Париже, под крылышком Пуанкаре, создана «Лига черноморских народов», включающая петлюровцев, меньшевиков, казаков и прочих [illegible] «правителей», которыми парижские банкиры хотят шантажировать Советскую Россию.

Л. Сосновский.

Речь Ллойд-Джорджа.
Опасность новых войн. Европа—адский котел.

ВАРШАВА, 28 апреля. (Роста). Корреспондент «Речи Посполитой» передает речь Ллойд-Джорджа, произнесенную на банкете, данном для представителей английской и американской печати, и являющуюся событием дня. Ллойд-Джордж, прежде всего, считает Генуэзскую конференцию самой важной из всех, когда-либо имевших место в Европе. **Главная трудность настоящего положения дел в Европе, по его мнению, заключается в скоплении массы неразрешенных вопросов, таящих в себе опасность новых взрывов.** Невозможность разрешить их в двухнедельный срок, на что надеялись некоторые «нетерпеливые», не мешает, однако, самому Ллойд-Джорджу сохранить **свое оптимистическое отношение к Генуэзской конференции** и ее обнадеживающим результатам. Далее Ллойд-Джордж останавливается на ряде граничных задач, стоящих на очереди перед Европой. **Пограничные линии между Черным и Балтийским морями**—предмет многого спора—таят в себе заряды ужасного европейского конфликта. [illegible] приемлемых для всех заинтересованных сторон, отвратило бы опасность, угрожающую не только Европе, но и Америке. Далее, по словам Ллойд-Джорджа, Германия и Россия находятся в [illegible] с остальной Европой, но даже самая **мысль о возможности борьбы с двумя великими державами, занимающими ⅔ пространства всей Европы, является сплошным безумием.** Поэтому **необходимо добиться соглашения, включающего также и эти две страны.** «Я уже давно предвидел, продолжал Ллойд-Джордж, что если не будет заключено дружеского соглашения Запада с Германией и Россией, договор между ними станет неизбежным. Не исключается возможность вооружения голодной России при помощи раздраженной Германии. Мы принадлежим сейчас к группе государств, выигравших войну. Но если из победителей мы превратимся в угнетателей, и все человечество увидит в нас эксплоататоров, тогда мы возбудим против себя те же возмущения, какие вызвала некогда Германия. **И тогда Европа стала бы ареной потоков, требующих слишком много крови, быть может больше, чем было пролито в последнюю мировую войну».** В заключение Ллойд-Джордж выразил сожаление об отсутствии Америки на конференции. Ллойд-Джордж желал бы, чтобы Америка была представлена в Генуе, потому что она явилась бы тут свободной, ничем не связанной и с тем престижем, который дает ей ее независимое положение. И ее голос был бы голосом мира. «Мы должны признать, сказал Ллойд-Джордж, что между европейскими народами нет дружественных отношений и что поднимается буря, которую мы должны предотвратить, чего бы то ни стало. Мы надеялись, что с окончанием великой войны наступил конец эры грубой силы. Но до тех пор, пока европейский вопрос не будет разрешен, не может быть уверенности в торжестве права над силой».

Упрочение позиции Ллойд-Джорджа.

ВАРШАВА, 28 апреля. (Роста). По сообщению корреспондента «Речи Посполитой», в генуэзских кругах крепнет убеждение, что позиция Ллойд-Джорджа упрочилась после целого ряда кризисов и колебаний, пережитых конференцией, и особенно **вследствие изменения позиции Малой Антанты, соглашающейся сейчас на уступки в вопросах, спорных с Россией. В кругах английской делегации речь Ллойд-Джорджа** об'ясняют его стремлением к расширению программы Генуэзской конференции. Компромисс с другими государствами состоялся, главным образом, на основе общеевропейского гарантийного договора, к которому Ллойд-Джордж подготовляет своей вчерашней речью.

Одобрение Ллойд-Джорджу.

РИМ, 28 апреля. (Радио итальянск. прав. аг.). Английская печать в общем одобряет образ действий Ллойд-Джорджа на конференции, за исключением «Таймс», «Морнинг Пост» и «Дэли Мейль». «Вестминстер Газетт» говорит, что Ллойд-Джордж верно отражает британское общественное мнение, добавляя, что Англия хочет мира во что бы то ни стало, и не может допустить новых агрессивных действий Франции против Германии. (РОСТА).

ЛИФИЛЬД. (Радио англ. прессы). По мнению «Таймс», в Англии нет другого государственного деятеля, который лучше премьер-министра понимал бы, что сотрудничество Англии и Франции есть необходимейшее условие для установления мира в Европе. «Самое важное теперь—это то, чтобы правительства, [illegible] Ллойд-Джорджа, показали, что они [illegible] в интересах сохранения англо-французской дружбы и солидарности. Задача заключается в [illegible] того, чтобы согласовать [illegible] интересы нашей страны, как торговой единицы, с сохранением наших старых добрых отношений с [illegible] безопасности [illegible]. Позиция Франции вполне естественна, и все трезвые умы в стране не могут ей не сочувствовать. Но в интересах обеих наций, прежде всего, необходимо, при помощи всех мировых ресурсов, имеющихся в их распоряжении, проводить определенную общую политику по отношению к Германии и к разоренным странам Европы. Только в атмосфере взаимного согласия могут быть [illegible] и народы Европы могут быть выведены на путь мирного экономического сотрудничества». (РОСТА).

Резкая критика Ллойд-Джорджа.

ВАРШАВА, 28 апреля. (Роста). По сообщению корреспондента «Речи Посполитой» из Парижа, парижская пресса подвергает резкой критике поведение Ллойд-Джорджа. «Тан» заявляет, что англо-французский антагонизм теперь окончательно выявился в результате нарушения Ллойд-Джорджем своих обязательств, данных на булонском совещании, где он обещал не касаться в Генуе вопросов о возмещениях.

Приглашение Пуанкаре в Геную.

ГЕЛЬСИНГФОРС, 28 апреля. (Роста). По сообщению корреспондента «Хувудстадсбладет», приглашение Ллойд-Джорджем Пуанкаре в Геную вызвало большую сенсацию. В этом видят самый сильный ответ на речь Пуанкаре. Ллойд-Джордж отложил поездку в Лондон до 10 мая. По сообщению из Парижа, слухи о немедленном выезде Пуанкаре в Геную вызвали повышение курсов на бирже.

Намерение отсрочить конференцию.

ЛОНДОН, 27 апреля. (Роста). По сообщению генуэзского корреспондента «Матэн», **русские делегаты требуют открытия кредитов в размере 430 миллионов фунтов. «Дэли Мэйль» передает слух, будто в некоторых кругах конференции намереваются отсрочить ее на 6 месяцев и дать России время обдумать положение.** Это предложение, по словам корреспондента, будет выдвинуто, «если большевики будут продолжать настаивать на своих невозможных требованиях, и когда союзники сделают им свое окончательное предложение. Полагают, что Ллойд-Джордж может примириться с отсрочкой, но считая, что переговоры не приведут ни к каким результатам». Передавая этот слух, корреспондент «Дэйли Геральд» заявляет, однако, что если переговоры с Россией будут прерваны, то конференция будет закрыта навсегда.

Новая нота Сов. России.

ЛОНДОН, 26 апреля. (Роста). Корреспондент аг. Гаваса сообщает, что эксперты составили следующий список вопросов, на которые русским будет предложено дать ответ прежде, чем будет приступлено к каким-либо дальнейшим переговорам: **1) признание довоенных обязательств русского государства, местных самоуправлений и общественных предприятий и срок моратория для основного капитала и на уплату процентов; 2) убытки, понесенные иностранцами: признание общих принципов обязательства покрыть их компенсациями и форма этих компенсаций; 3) военные долги иностранным государствам—признание и списание процентов и капитала, а также вопрос об оставшихся после списания суммах; 4) возвращение национализированного имущества—признание принципа возвращения, форма возвращения, исключения из общего принципа, принципы, по которым будут выдаваться компенсации, и форма компенсаций.** Эти вопросы будут представлены политической подкомиссии, которая пошлет их российской делегации в форме ноты, при чем эти вопросы, как полагают, и являются ультиматумом, о котором сообщают генуэзские корреспонденты.

Разговоры о всеобщем мире.

ЛОНДОН, 27 апреля. (Роста). Как подчеркивают генуэзские корреспонденты английских газет, в Генуе в настоящий момент самым важным считается вопрос о заключении договора, взаимно обязывающего государства отказаться от нападений друг на друга. Как сообщает корреспондент «Дэли Кроникль», Бенеш энергично работает над текстом этого договора, который, по его мнению, должен содержать и пункт о мерах репрессий против нарушителей этого договора. Франция держится такой же точки зрения, в особенности по отношению к Германии, но Германия, по словам корреспондента, едва ли согласится подписать такой договор. В противоположность Франции, Англия считает недопустимым применение каких-либо репрессий. Но тут, по словам корреспондента, возникает крупное затруднение, связанное с вопросом о польско-русской границе. В связи с этим корреспондент сообщает полный текст ноты Чичерина, адресованной Польше, и отмечает, что самое важное значение ноты заключается в вопросе о русско-польской границе, определенной рижским договором. Корреспондент определенно высказывается против границы, установленной этим договором и таящей в себе большую опасность для европейского мира. **По его мнению,** даже Франции следовало бы отказаться признать эту границу. Корреспондент настаивает на том, что Польша, согласно статье 87 Версальского договора, предоставила своим союзникам **разрешение** вопроса о своей восточной [illegible] отказалась от установленной в Риге линии. В противном случае, рано или поздно Польша будет раздавлена между Россией и Германией. Как добавляет корреспондент, между делегациями Англии, Франции, Италии и Малой Антанты состоялось соглашение, которым признано необходимым, до заключения договора о взаимном отказе от нападений, разрешить территориальные проблемы в старом верховном совете, в соответствии со ст. 87, при чем «далее во французских кругах склонны признать, что польская непримиримость в этом отношении может повести лишь к исключению Польши из числа стран, подписавших соглашение-договор».

Натянутые отношения.

ЛОНДОН, 27 апреля. (Роста). Судя по французской националистической и по английской либеральной печати **франко-английские отношения с каждым днем становятся все более и более натянутыми.** Как сообщает передовая статья «Тан» от 27 апреля, вследствие политики Ллойд-Джорджа, **солидарность между Англией и Францией исчезла.** И, действительно, некоторые английские газеты, как «Дэли Ньюс» и «Вестминстер Газетт», **ведут отчаянную кампанию против Пуанкаре.** «Вестминстер Газетт» отмечает, **что срыв Францией конференции изолировал бы ее не только морально, но и фактически. Газета резко критикует вчерашнюю речь Мильерана, который, несмотря на готовность Барту проводить в Генуе умеренную политику, в своей речи не обнаружил склонности умерить требования Франции в русском вопросе.** Главные пункты речи Мильерана, относящиеся к России, сводятся к следующему: условия, на которых возможно было бы возобновить сношения с Россией, были установлены в соглашении с союзниками и сводились к 1) признанию обязательств бывших российских правительств, 2) компенсации за убытки, причиненные иностранным подданным, 3) к гарантии, что в будущем личность и имущество иностранцев будут уважаться. В отношении Рапалльского договора он заявил, что союзники примут меры к аннулированию тех его пунктов, которые не соответствуют Версальскому договору.

Не знают, как выпутаться.

ЛОНДОН, 27 апреля. (Роста). 26 апреля в Париже были опубликованы два официозных заявления, значительно противоречащие одно другому. В первом говорится, что Пуанкаре не считает вероятным сепаратное выступление Франции в Германии, и если часть иностранной печати говорит о желании Пуанкаре выступить изолированно, то она совершенно неправильно истолковывает его намерения.

Отмечая это заявление, корреспондент «Манчестер Гардиан» видит в нем признак наступающего в Париже отрезвления.

Однако другое, также полуофициальное сообщение, передаваемое агентством Рейтера, утверждает, что «в случае, если репарационная комиссия укажет правительству, что наступил момент для действий, то согласие союзников на осуществление санкций отнюдь не является необходимым».

К совещанию держав, подписавших Версальский договор.

ЛОНДОН, 27 апреля. (Роста). В Генуе опубликовано следующее британское официальное сообщение по поводу речи Пуанкаре: «Большинство союзников держится той точки зрения, что в Генуе должно состояться собрание представителей держав, подписавших Версальский договор, для обсуждения мер, которые необходимо принять в связи с декларацией Пуанкаре. Британской делегации неизвестно, каковы будут эти меры, но ей представляется желательным созвать не одних только членов Верховного Совета, а представителей всех подписавших договор держав. **Британская делегация признает положение серьезным и заявляет, что дело касается всех союзников, а не одной лишь Франции.** К этому «Рейтер» добавляет, что предполагаемая встреча, по всей вероятности, состоится на будущей неделе. Генуэзские корреспонденты лондонских газет, в связи с этим сообщением, оживленно обсуждают вопрос, прибудет ли Пуанкаре в Геную для участия в этом совещании. Так, корреспондент «Таймс» сомневается, чтобы Пуанкаре принял британское предложение, так как его можно истолковать, как попытку нарушения условия, по которому вопрос о репарациях на Генуэзской конференции не подлежит обсуждению. По слухам, передаваемым «Дэли Геральд», Пуанкаре не приедет в Геную для переговоров о репарациях, пока оттуда не уедут немцы и русские.

ГАННОВЕР, 27 апреля. (Радио герм. прессы). По сообщению британской делегации, на проектируемом Ллойд-Джорджем собрании в Генуе представителей всех держав (за исключением Германии), подписавших Версальский договор, для обсуждения положения, создавшегося после речи Пуанкаре, последний должен будет ознакомить с предполагаемыми им санкциями против Германии. По сообщению же агентства Гаваса, Ллойд-Джордж намерен потребовать созыва Верховного Совета в Генуе для обсуждения вопроса, нарушает ли русско-германское соглашение Версальский договор. По сведениям «Пти Паризьен», Пуанкаре уже послал Барту свое согласие принять приглашение в Геную, оговорившись, однако, что принимает его принципиально, но не может выехать из Парижа раньше 6 мая, дня возвращения Мильерана. Пуанкаре предлагает, однако, устроить заседание Верховного Совета во Франции, или в каком-либо месте, где не будет ни германских, ни русских делегатов. По сообщению «Эко де Пари», Ллойд-Джордж отправится в Лондон 4 или 5 мая и проездом через Париж будет иметь свидание с Пуанкаре, а затем 10 мая вернется в Геную. В понедельник 1 мая возобновятся публичные заседания, и в первую очередь, заседания политической комиссии, где будет рассматриваться предложенный Ллойд-Джорджем проект мирного договора между всеми государствами. Затем итальянский премьер Факта отправится в Рим на открытие парламента, но скоро вернется обратно, для участия в дальнейших пленарных заседаниях политической комиссии по вопросу о всеобщем мирном договоре. (РОСТА).

От'езд Барту в Париж за инструкциями.

БОРДО, 28 апреля. (Радио франц. прессы). В виду от'езда Барту в субботу в Париж для получения инструкций от французского правительства, пленарное заседание, назначенное на понедельник, переносится на среду. Союзники продолжают переговоры по поводу новой ноты русской делегации.

Вокруг германских репараций.

Непримиримость Пуанкаре.

БОРДО, 28 апреля. (Радио аг. Гаваса). По газетным сведениям, французские министры единодушно поддерживают Пуанкаре в его отказе обсуждать вопрос о репарациях до наступления срока 31 мая, когда Верховный Совет должен будет обсудить необходимые санкции, которые придется осуществить в случае, если Германия не выполнит своих обязательств. Как сообщает «Пти Паризьен», в случае если Верховный Совет соберется в Генуе, Пуанкаре не допустит обсуждения вопроса о репарациях.

В подкомиссии труда.

ВАРШАВА, 28 апреля. (Роста). По сообщению генуэзского корреспондента газ. «Роботник», подкомиссия труда на сегодняшнем заседании рассматривала резолюцию конгресса профессиональных союзов в Риме и проект германской делегации по вопросу о борьбе с безработицей. В пятницу подкомиссия начнет дискуссию по вопросу о продолжительности рабочего дня. Проект резолюции по этому вопросу предложен голландской делегацией. Председательствует в подкомиссии французский эксперт Фашо.

Оптимизм Германии.

БОРДО, 28 апреля. (Радио аг. Гаваса). По сведениям, полученным газетой «Пти Паризьен» из Берлина, в местных политических кругах проявляют большой оптимизм. Там уверены, что, если Пуанкаре согласится на обсуждение в Генуе вопроса о санкциях против Германии, ему не удастся избегнуть обсуждения вопроса о репарациях, в который будут в таком случае внесены благоприятные для Германии изменения.

В транспортной комиссии.

ВЕНА, 28 апреля. (Роста). Вчера состоялось последнее заседание транспортной комиссии. Болгария потребовала возвращения ей подвижного состава, который, согласно мирному договору, переходит к государствам, являющимся кредиторами. Вынесена резолюция о необходимости созыва международной конференции по транспорту в Париже. Японский представитель заявил о желании Японии также принять участие в этой конференции на том основании, что она временно занимает Восточную Сибирь и потому является заинтересованной в европейской железнодорожной сети. Раковский заявил, что Россия ничего не имеет против участия Японии, но указал при этом на необходимость участия в конференции и Китая.

ЗА ДЕНЬ.

ГЕРМАНИЯ.

Требование созыва всемирного пролетарского конгресса.

БЕРЛИН, 27 апреля. (Роста). В «Роте Фане» напечатано воззвание центрального комитета коммунистической партии Германии к германскому пролетариату, в котором **газета настаивает на скорейшем созыве всемирного пролетарского конгресса.** Воззвание констатирует фиаско Генуэзской конференции и указывает, что теперь более, чем когда либо, **долг рабочего класса повелительно требует от него активного выступления в качестве фактора борьбы за переустройство мира.** Всемирный рабочий конгресс, который вожди второго Интернационала пытаются по мере сил саботировать, должен быть хорошо подготовлен, и созыв его должен быть ускорен. 1-е мая должно застать немецкие рабочие массы об'единенными в их требовании немедленного созыва всемирного пролетарского конгресса.

ИРЛАНДИЯ.

Борьба партий.

ЛИФИЛЬД, 29 апреля. (Радио англ. прессы). **Вчера ночью между войсками свободного ирландского государства и мятежниками произошло сражение, в результате которого трое ранено.** Правительственные войска взяли 25 пленных, захватив, кроме того, оружие и амуницию. **Вчерашнее бурное заседание ирландского парламента в Дублине является ярким доказательством обостренности отношений борющихся партий в Ирландии.** Президент Гриффит, возглавляющий ирландскую делегацию, подписавшую англо-ирландский договор, заявил, что де-Валера послал его в Лондон в качестве козла отпущения, избавившись сам таким образом от необходимости отказаться от требования установления независимой республики в Ирландии. Во время прений Гриффит подтвердил свое заявление в присутствии де-Валера, отрицавшего это. (РОСТА).

Аннулирование соглашения.

ПОЛДЬЮ, 27 апреля. Южно-ирландское правительство опубликовало сообщение, в котором заявляет о своем решении прекратить, в виду их безполезности, попытки сотрудничества с бельфастским правительством, как это было постановлено на лондонском соглашении. Соглашением этим предусматривалось сотрудничество, которое должно было положить конец насилиям и помочь делу об'единения Ирландии. После опубликованного заявления упомянутое соглашение аннулируется. (РОСТА).

В ПЕТРОГРАДЕ.

(По телефону от нашего корреспондента).

Петроградский Совет о Генуе.

На последнем заседании Петроградского Совета с докладом о Генуэзской конференции выступил тов. Зиновьев.

Доклад тов. Зиновьева неоднократно прерывался шумными аплодисментами и овациями.

ДОКЛАД тов. ЗИНОВЬЕВА.

— Конференцию в Генуе,—начинает свой доклад тов. Зиновьев,—справедливо сравнивают с рядом всемирных с'ездов, состоявшихся после великой французской революции. Она имеет такое же итоговое значение, так как выясняет последствия войны. На конференции представлены 34 державы, среди которых только одна рабоче-крестьянская, остальные—все буржуазные. Туда с'ехались ряд представителей мировых могущественных держав.

ОБСТАНОВКА КОНФЕРЕНЦИИ.

Конференция происходит в фантастической обстановке, но эта внешняя мишура постепенно сменилась полной курьезностью. На сцену выступило нескрываемое уважение, которое встречает наша делегация на каждом шагу,—не говоря уже о том истинном восторге, который вызвало их появление среди рабочих всех стран.

НАШЕ ПЕРВОЕ СЛОВО—РАЗОРУЖЕНИЕ.

Первым важнейшим событием, сразу определившим положение советской делегации, было выступление тов. Чичерина с предложением разоружения. Заявление тов. Чичерина привело представителей буржуазии в необычайный трепет и волнение, и они перед всем миром обнаружили свою истинную природу.

Наибольшим негодованием преисполнился представитель Франции—Барту, схватившийся за цилиндр в готовности покинуть конференцию. Его капиталистическое выступление с головой выдало реакционную и человеконенавистническую политику Франции.

Ему—говорит тов. Зиновьев,—следовало бы послать благодарственный адрес за ту услугу, которую он своим неумелым выступлением оказал советской делегации. Но Ллойд-Джордж, который в этом случае разыграл роль «доброго папаши», так же оказал услугу советской республике, стараясь не перегружать утлую ладью конференции взрывчатым материалом.

Роли между ними распределены заранее. Роль Ллойд-Джорджа подносить отравленные пилюли в засахаренном позолоченном виде.

НАМ НУЖНО ВОССТАНОВИТЬ НАШЕ ХОЗЯЙСТВО.

Главный смысл своего пребывания в Генуе советская делегация видела в

что такое большевики *). И черт с вами со всеми,—слышите ли вы, лимонад кислосладкий!?

«Шахта № 3 на Таежевском заводе. На глубине 320, т.-е. три четверти версты под землею, палили бурки: бурильщики бурили по пояс в воде, как кипяток, в стволе пласты, бурили бурки; запальщики заряжали бурки динамитом и палили бурки, в глубине 320, в воде, как кипяток, по грудь. Надо было запальщикам нащупать в воде шнур, бурку, запихнуть, нырнув, патроны, положить под патроном пистон с гремучей ртутью и с гуттаперчевым фитилем, зажечь эти патроны, пятнадцать, двадцать...

— Готовы?

— Готовы.

— Палю.

— Пали с богом.

Один кончил раньше палить, влез в бадью. Второй зажег последний фитиль (зашипели, занырялн синие огоньки), схватился за канат.

— Качай веселей!

То ли оступился второй, то ли машинист поспешил,—в дожде, во мраке, в свисте, взвилась бадья—второй остался внизу и последний огонек нырнул в воду.

И первый ударил сигнал кверху:

— Стой! Качай книзу.

Бадья замялась во мраке, повисла в дожде.

— Качай книзу!

И тогда второй ударил сигнал:

— Качай кверху!—ибо зачем вторая смерть?

[illegible]

«М[illegible] должно быть, понял, что [illegible] в шахте. Со скоростью в смерть бросил механик бадью книзу и со скоростью в смерть вынес механик бадью наружу под грохот динамита внизу, в смерти. И наверху всем троим: механику, запальщикам первому и второму—захотелось выпить. Так вот, потому что тогда не было никакой революции,—где же было «энергично функцировать?»

Кожаные куртки. Большевики. В доме Орлыниных, вечером, в общежитии, разувшись и пальцы после сапог сладко размяв, на кровать к лампочке забравшись, Егор Собачкин долго брошюрку читал и обратился к соседу, в «Известиях» зарывшемуся:

— А как думаешь, товарищ Макаров, жизнь людскую бытие определять или идея? Ведь так подумать, и в идее-то бытие?»

Приведенный эпизод имеет помимо натуралистической и неизбежно романтическую окраску. Но все же его (как и другие) можно рекомендовать вниманию пролетарско-пролеткультовских писателей. Вот вам темы: пишите не о железной мощи машин, не о стройной слитности пролетариев в будущем, пишите-ка о братской спайке в грязном, полуразрушенном *настоящем*, пишите о тех, кто читает «Известия» при керосиновой лампочке, пишите не только о рабочих в производстве, но о рабочих в управлении государством, теперь, может-быть, даже в торговле. Написали ли вы что-нибудь об этом? Не написали. Ну, а вот писатель «со стороны» об этом написал. А вы должны были писать. И должны были [illegible] личенный натурализм.

Борис Пильняк, несомненно, талантливый писатель, несомненно, не выработавшийся (выработается ли или останется на уровне своего растрепанного и [illegible]), не отделавшийся также от привесков старого, не преодолевший элементов плохого нового: одичания, частично сопутствовавшего революции. Одним словом, пока что писатель половинчатый.

Но вот писатель вполне цельный, хотя то же далеко не созревший—*Всеволод Иванов*. К рабочим последний никакого отношения не имеет, темы его—чисто крестьянские. Так как он хорошо знает новое крестьянство, так как сам он, очевидно, человек новый, сложившийся в ходе революции, то его натурализм не означает одностороннего выпячивания только закорузлой дикости; он означает сделанное широкими штрихами, в аршинных размерах, резкими красками описание *революционного* крестьянства и крестьянства вообще. Всев. Иванов, между прочим, крайне характерен (по нашему читательскому мнению), как образчик переходного звена между манерой футуристской и натуралистической. Возьмите, например, его рассказ «Полая арапия», напечатанный в «Правде». Фигуры резкие, рубленные топором—ни дать, ни взять картина художника, имеющего устремление к кубизму, со свойственной последнему раскраской в серо-фиолетовых, серо-зеленых, грязно-бурых тонах. Такой манерой писать достигается большая осязательность и резкость изображения, оно застревает в голове, не расплываясь, не размазываясь. Именно в такую оболочку легко влезают очень крупные сюжеты, изображения массовых, стихийных движений. Бранившие Маяковского [illegible] что и у него аналогичная манера (ср. «150.000.000») была способом уместить такой сюжет.

[illegible] эта манера все же является только переходной к чему-то вполне совершенному (если такого совершенства сумеет достичь Иванов, который подает большие надежды). Но она сама по себе (конечно, включая и ее содержимое) уже составляет очень крупное, как говорят, «достижение».

[illegible] видно из предшествующих его писаний, например, «Партизанов» или «Бронепоезда № 14—69», помещенного в «Красной Нови». На последнем примере видно, почему Иванов ближе всех и здоровее всех подошел к описанию революционного (крестьянского) быта. Он был, очевидно, в самом котле революционной стихии, видел массу *в движении* (а не только под гнетом падающих на нее обломков старого дома, в котором она жила, как, например, Новиков), уловил его душу и темп. Его не только швыряла с собой революция, проталкивая насильственно через огонь, воду и медные трубы, он сам шел с ней, ломая преграды.

Поэтому его несколько растянутый «Бронепоезд», с излишними деталями, повторениями, с перишливым стилем—все же летит по рельсам, звеня и качаясь. И читатель воочию видит всех героев, хотя их контуры очерчены обрывисто и перишливо: и политика Пезеаасова, и прапорщика Обаба, и задерганную команду поезда, и Вершинина, и китайца Сен-Бин-У, и диковатых, заскорузлых, лезущих напролом, но здоровых, осмысленных мужиков (совсем не таких, каких только видит М. Горький).

Всев. Иванов не пролетарский, а крестьянский писатель, но это настоящий, крупный писатель, такой, из писаний которых уже может складываться литература. Возрождение ее имеет залог в появлении таких людей, как Иванов.

Чтобы закончить этот растянувшийся полуобзор, остановимся еще на одном писателе, до сих пор не привлекшем, кажется, ничьего внимания. Это Мих. Козырев, выпустивший маленькую книжечку «нестоящих рассказов» под заглавием «Мазовок».

То, что он дал своим рассказам подзаголовок «*нестоящих* рассказов», отмечает и его устремление в «натуралистическую» сторону. Последнее, впрочем, у Козырева проступает меньше, чем у всех, упомянутых выше. Козырев, как целый ряд других молодых писателей,—под явным влиянием Ремизова. Заглавие его книжки взято из русских народных сказок, где этот термин означает сказку гаского типа, где действительность незаметно переходит в самую нелепую фантазию. Козырев в своих двух рассказах, помещенных в книжечке, ведет рассказ о советской действительности таким образом, что она незаметно превращается в странную фантазию, точнее, он ставит вопрос так, что эта действительность в высшей степени фантастична, и от реального до сказки—здесь полшага. Речь идет, конечно, о старой советской действительности до «Нэпа», с ордерами, очередями, невсеместными мандатами, мобилизациями и т. д. В рассказах повествуется о чудодеях, которые на этой [illegible] умели проделывать с простодушным обывателем самые сказочные эксперименты, в о чудесных и неожиданных (хотя весьма обыденных) превращениях самих этих обывателей. Придирчивые люди в этих рассказах сразу уловят «контрреволюционный душок». Пускай себе. Мы в них улавливаем более интересное—немалый сатирический или по крайней мере юмористический талант, с достаточной мерой об'ективизма, дабы не превратиться в пасквилянтство. Вдобавок к тому мы улавливаем в них и незаурядный талант рассказчика и думаем, что если Козырев сумеет стать самостоятельным (от все того же Ремизова), расширить свои темы, из него получится любопытный и своеобразный писатель.

Вот несколько образчиков из рассказа «Ванька». Герой деревенский парень, приехал в Москву купить сукна на костюм себе на свадьбу и подарок невесте. Попил чайку с московскими родными и отправился на базар.

«Купили сукна Ваньке на костюм, настоящего сукна, *английского*, какого теперь не достанешь, а невесте платок шелковый, да с разводами: смотреть—не наглядишься!

Только выбираться начали, а тут такое пошло—ни приведи Господь! И крик, и свистки, а народ весь так и шарахнулся. Бабы кричать, да мешки под подолы. Не тут-то было! Начали проверять, что и зачем, да бумаги. У Андрона бумаги есть, а у Ваньки один талон, да и тот фальшивый.

Сукно отобрали, а платок оставили:

— То, говорят, *спекуляция*, а это видно, что для себя!

Таскали, таскали—и вышло: на *биржу труда*.

— Отправьте,—просит,—на родину!

— Не можем, у нас *приказ* такой...

На бирже обо всем расспросили: что делал и какое ремесло знает.

— Ремесла не знаю, а был одно время писарем.

Записали его по отделу советских барышень, да на телефон. Все бы ничего: работа нетрудная, только неловко както: все ему по телефону-то: *«барышня, милая»*, а он *басом* отвечает: «соединила»...

И именно «соединила», а не «соединил»—настолько Ванька внутренне воспринял чудесное превращение свое в барышню. Дальше следует другой эпизод. Живет Ванька в доме своего родственника Андрона (служба коего была в том, чтобы «пайки получать», причем «не притти нельзя—штраф, увольнения нет: все такие работники на учете»).

«Много ль, мало ль прошло, приходят какие-то:

— Ваш,—говорят,—дом срыть надо!

— Что так?

— Не *по плану* стоит.

И план этот самый показали: так и выходит—срыть.

— Да мы его сами по бревнышку на другое место перетащим!

Смеются:

— Да он сгнил совсем!

Стену ковырнули—и верно сгнил.

— Да вы не бойтесь, мы вас в коммуну переселим, как вы пролетария...

А где в коммуне огород? А где в коммуне корова? Да и Ваньке в коммуне жить нельзя—не *физического труда!*

Терпя многие злоключения, Ванька пытается, однажды, пообедать без талона. Идет мимо дома—оттуда щами пахнет. Ванька тоже в черед, дошел до окошечка.

— Без талона нельзя, обратитесь к заведующему!

Барышня там, и в кожаной куртке.

— Дайте, товарищ, талон: три дня не емши!

— Идите в *Эмпео!*

А другая ей:

— Как же так, человек на ногах не стоит!

Уперлась—нет и нет:

— Ни с какой точки зрения, как мы последовательные коммунисты...

Та на нее, да обе закаркали:

— Карл Маркс! Карл Маркс!

Совсем, как вороны. Ванька постоял, постоял, да и ушел без обеда».

Ванька кончает добром, получив из дому от мамаши новый обратный «талон» на железную дорогу, но герой другого рассказа «Афонька», потерявший в дороге свою «личность» (т.-е. паспорт), кончает хуже. Просидев у коменданта станции на принудительных работах несколько месяцев, крадет он чужую «личность» и возвращается домой. Здесь его не принимают—не тот, по бумаге, человек. Наконец, его надоумливает дошлый человек: берет у него «личность», читает пункт прописки и советует:

— Вот туда и иди!

Пошел. Молодуха встречает.

— «Что,—говорит,—вам угодно?

— Я, дескать, Прокофий, и здесь живу...

— Какой же ты Прокофий: и лицом не схож, и будто поплоше будешь...

— Что,—говорит,—лицо: это ни к чему: вот посмотрите *личность*.

Глядит—и впрямь Прокофий.

Присела, всплакнула.

— Ну,—говорит,—что ж, живи, коль ты и взаправду Прокофий. На,—говорит,—тебе обеденную карточку: небось проголодался!»

М. Козырев бьет здесь, конечно, дальше, чем «по мелочным недостаткам советского механизма». Добродушный рассказчик от имени обывателей и интеллигенции протестует против «подавления личности» революцией и против превращения личности в бумажку, карточку, ордер, что, повидимому, он считает неизбежно связанным с попытками установить социалистические порядки. Опять-таки: пускай себе. Разумному человеку должно быть понятно, что подавление «интеллигентской личности» было необходимым этапом и что «военный социализм» очень мало походит на настоящий социализм. А остается за Козыревым одно: не «наш», не советский, но настоящий писатель. Будем ждать, что из него выйдет дальше. И скажем ему: если бы он, подобно Иванову, умел отнестись к революции активно, не с пассивно-обывательской точки зрения,—его сатира была бы глубже и интереснее, помогала бы двигаться вперед, могла бы стать маленьким или большим литературным завоеванием.

* * *

Пока на этом мы позволим себе прервать эти растянувшиеся читательские заметки. Мы установили в них, что наша литература опять пускает ростки—больше всего за пределами советского стана или на пороге к нему. Пусть и так: и здесь эти ростки подымаются и крепнут. Если мы обратим серьезное внимание на то, чтобы *идейно* противостоять [illegible] и крепнущим вместе с ней побегам буржуазной идеологии (это неизбежно при Нэпе), *идейно* холить побеги хотя бы советской (а не чисто пролетарской) идеологии, если не будем набрасываться с пеной у рта на все, что нам не нравится, как «последовательным коммунистам» (в смысле Козырева, см. выше),—то из этих ростков может быть получится новый, сочный луг и в конечном счете на нем вырастут травы пахучие, сочные и питательные, которые заглушат буржуазную сорную траву.

Н. ОСИНСКИЙ.

*) [illegible] выражение «могут энергично функционировать» Пильняк делает лозунгом всех новых, революционных людей, в том числе и описываемых им (с понятным натуралистическим преувеличением) большевиков черноземного, малообтесанного [illegible].

том, чтобы добиться средств к восстановлению советского хозяйства. Если страны-победительницы, обогатившиеся за счет разоренных государств, серьезно ищут сотрудничества советской республики, то они должны оказать ей серьезную экономическую помощь в виде большого золотого займа. Долго обсуждали этот вопрос в различных совещаниях, но ясного ответа до сих пор не было.

«В принципе», как заявил Ллойд Джордж, он не против займа, но, видите ли, он не может решиться на такой серьезный шаг без вотума парламента.

Их слова—восстановите собственность.

Вместо прямого ответа по вопросу о займе выплыла реституция.

Что означает реституция? Это значит—вернуть заводы и машины франко-бельгийским капиталистам, это значит вернуть уральский горно-промышленный район, Баку и Грозный, английским банкирам. В этом вопросе—главный камень преткновения. Уступка в этом вопросе для Советской власти, равносильна уступке в дальнейшем развитии крупной промышленности и советского строя.

Наказ, данный нашим делегатам по этому вопросу: поддерживать категорически данный ответ (шумные и долгие аплодисменты).

КРИТИЧЕСКИЙ МОМЕНТ.

Наступил,—говорит тов. Зиновьев,—критический момент: уступка или разрыв. Если мы не строили особых иллюзий насчет Генуи, то и разрыв не должен нас особенно пугать. Разрыв еще не катастрофа. Едва ли последует такая блокада, которую мы пережили. Если сейчас через несколько месяцев буржуазия опять нас позовет, то она тогда будет сговорчивее. Едва ли можно так же нам навязать новую войну. Рабочим теперь положение яснее, чем когда бы то ни было. Но принимая решение, надо исходить из худшего. Поэтому, может быть, они все же попытают свое счастье. Пусть попробуют. Каждый красноармеец понимает, кто прав. Здесь нет двух решений.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДОГОВОР.

Событием величайшей исторической важности, одним из единственных пока результатов всей конференции—является договор, заключенный русской делегацией в Генуе.

Это — зародыш тесного трудового союза многомиллионного земледельческого народа и многомиллионной технической страны. Этот союз будет новым этапом в истории человечества.

Конференция затянулась. Три недели господа дипломаты топчутся на одном месте. Конференция уперлась в мертвую точку. Очень возможно, что к 1-му мая разрыв станет фактом. Что же тогда? Наша делегация, высоко и с достоинством державшая знамя революции на конференции и защищавшая кровные интересы рабочих, сможет сказать, вернувшись с конференции, что завоеваний революции она не уступила. С чем же вернутся домой буржуазные дипломаты? Ни с чем. Они восстановили только против себя остатки рабочих.

ВОЗЗВАНИЕ К РАБОЧИМ ВСЕГО МИРА.

После доклада тов. Зиновьева Советом принято следующее воззвание к рабочим всего мира:

«Пленарное собрание Петроградского Совета от 28-го апреля 1922 г. совпало с наиболее критическим моментом международной конференции в Генуе. Разрыв на Генуэзской конференции, повидимому, может произойти в ближайшее время. Из-за чего срывается конференция в Генуе? Фактически разрыв в Генуе намечается из-за того, что правительство Антанты ультимативно требует от советской республики вернуть имущество бывшим иностранным акционерам, банкирам, фабрикантам и заводчикам.

Пусть знает весь мир: из-за алчных интересов нескольких десятков крупных английских, французских и бельгийских капиталистов господа Барту и Ллойд-Джордж срывают Генуэзскую конференцию и готовы вновь ввергнуть всю Европу в экономический хаос, а, быть может, в прямую войну. Во имя интересов горсточки капиталистов правительства Антанты хотят поставить колено на грудь Советской России. Эти господа, повидимому, забыли, что имеют перед собой не побежденную революцию, которую они могли бы поставить на колени, а революцию, хотя и находящуюся в тяжелом положении, но победившую всех своих врагов в открытой гражданской войне, и имеющую право стоять перед международным ареопагом с гордо поднятой головой.

Петроградский Совет горячо приветствует делегацию российской советской республики, показавшую, что в стане самых коварных врагов представители советской страны умеют решительно и до конца отстаивать то дело, которое возложено на них рабочим классом и крестьянством России.

Петроградский Совет настаивает на том, чтобы делегация непоколебимо и до конца отвергнула корыстные требования алчной клики капиталистов и беспощадно разоблачила хищников перед всем миром.

Петроградский Совет обращается к рабочим всего мира с предложением поддержать требование мирового пролетарского конгресса представителей всех рабочих организаций, без различия политических взглядов. На этом конгрессе должен быть образован единый пролетарский фронт для защиты интересов международного пролетариата против капиталистов, в частности для защиты пролетарской республики против нового международного заговора.

Петроградский Совет, в частности, обращается к рабочим, поддерживающим Второй Интернационал. Неужели эти рабочие позволят, чтобы руководители Второго Интернационала, которые защищали империалистическую войну 14—18 г.г., сорвали единый пролетарский фронт? Неужели рабочие позволят вождям 2-го Интернационала сорвать борьбу против разбойничьего версальского договора? Неужели они допустят, чтобы о них попрежнему говорили: «Это те люди, которые в любой момент готовы пойти к министру, к тому или другому королю, но, которые мешают об'единению рабочих всего мира».

Петроградский Совет посылает горячий привет рабочим всех стран, которые 20-го апреля в числе десятков сотен тысяч демонстрировали под лозунгом единого пролетарского фронта и в защиту Советской России. Петроградский Совет особенно горячо приветствует германских пролетариев и заявляет, что союз России с Германией принесет величайшее мирное значение в тот момент, когда от имени Германии будет выступать рабочее правительство, представляющее интересы всего пролетариата».

1-го МАЯ.

1-го мая на площади Урицкого состоится красная присяга. После церемониального марша красноармейцы вольются в рабочие ряды и вместе с ними направятся на площадь жертв революции, где будут возложены венки на братские могилы.

1-го мая будет также инсценировано свержение французского империализма в лице Барту.

К празднованию 1-го мая.

Завтра все на улицу!

С таким лозунгом и полной радостью каждый пролетарий готовится завтра пойти организованно в город.

Шестой раз мы, рабочие, в дни Великой Русской Революции будем завтра свободно праздновать наш пролетарский праздник.

Все на улицу!

Еще раз завтра мы, революционеры, покажем свою мощную силу международной буржуазии. Именно мы, разутые, голодные и плохо одетые.

Стыдиться нам этого нечего, ибо мы являемся борцами за коммунизм и вечную правду. А вы, сытые, одетые, во славе своей, чего от нас хотите?

Довоенные и военные долги.

Вам нужна частная собственность. Вы жаждете войны, нашей пролетарской крови. Чего вам еще нужно, черные вороны?

Мы, рабочие, прекрасно помним все ваши оскорбления, всю вашу над нами расправу. Закоптелые с небольшими окнами фабрики. Продолжительный рабочий день. Общие казармы, их теснота, клопы, тараканы и другие насекомые.

Беспросветная тьма, кабаки, дома терпимости, подвальное рабство.

Плетка, тюрьма, отдание чести, на вытяжку и т. д., и т. п.

Вот тяжелые пятна, еще рубцами живые на наших пролетарских телах.

В борьбе с вами мы понимаем, что от этого проклятого наследства нам, рабочим, еще долго не избавиться.

Завтра мы еще раз напомним своим славным красноармейцам, чтобы они были наготове. Борьба нам предстоит еще длительная.

Мы, рабочие, прекрасно понимаем, что ваши буржуазные троны уже шатаются. Они нами подсверлены. И скоро дула пушек, направленные вами против нас, будут обратно повернуты международным пролетариатом на вас.

Мы гордо это вам заявляем, ибо вас, черные, ненасытные вороны, идеями не возьмешь, а только пушками.

Такими опытами мы научены своей революцией и их передаем своим заграничным товарищам.

Вот почему завтра все на улицу.

Во имя нашего праздника, пусть завтра бьют барабаны, играют оркестры, раздаются залпы пушек.

Да здравствует 1-е мая! Да здравствует международная революция!

ДОРОФЕЕВ.

Первомайский призыв детей.

Маленькие товарищи!

Завтра трудящиеся всего мира, ваши отцы, ваши матери, ваши старшие братья и сестры выйдут на улицы под красными знаменами одной дружной семьей труда на всем земном шаре.

На красных знаменах будут сиять слова о советской России, всеобщем разоружении.

Знайте же: советская Россия — это первая в мире страна, которая управляется самими рабочими и крестьянами, живущими в ней.

Знайте же: Советская Россия—это единственная в мире страна, которая искренно хочет, чтобы никогда на земле не было войны.

И еще знайте: советская Россия—это страна, в которой от неурожая умирают сейчас миллионы детей—ваших братьев и миллионы взрослых.

Спросите у своего отца: «Что ты сделал, чтобы помочь умирающим детям голодной советской России, которая борется за освобождение трудящихся всего мира».

Вас очень много, маленькие товарищи!

И если каждый ребенок каждого труженика заставит в этот день своего отца отдать все, что он может на помощь умирающим детям Поволжья,—миллионы ваших братьев и сестер будут спасены.

Помните об этом, маленькие товарищи.

Детский комитет при междунар. рабочем комитете помгола.

Привет т. Ленину.

Рабочие завода «Динамо» в день международного рабочего праздника 1-го мая шлют горячий привет т. Ленину. Динамовцы в своем приветствии отмечают необычайную волю и непоколебимую решимость Вл. И. в деле защиты интересов мирового пролетариата. «Привет тебе, дорогой Владимир Ильич!».

СОЧУВСТВИЕ тов. МАРТИ.

Рабочие завода «Динамо», избравшие своим депутатом в Моск. Совет т. Марти, томящегося в камере капиталистической Бастилии, выражают ему свое горячее пролетарское приветствие. Они выражают уверенность, что «никакие замки и запоры не удержат тех пролетарских сил, которые сметут с лица земли строй слез, крови и порабощения. Да здравствует тов. Марти! Да здравствует международный пролетариат! Да здравствует мировая пролетарская революция!».

РАБОТНИКИ НАРОДНОГО ПИТАНИЯ.

Конференция завкомов московского отдела всероссийского союза работников народного питания, заслушав доклад о значении первомайского праздника труда, вынесла резолюцию, в которой говорится: «С единым воодушевлением отметим свой праздник труда выражением солидарности российского рабочего и крестьянина, получившего возможность ознаменовать этот праздник открыто путем устройства шествий и манифестаций по всей Советской России. Все на улицу, все под знамя! Первомайский праздник есть праздник всех трудящихся всего мира».

УЧИТЕЛЯ КРАСНОЙ ПРЕСНИ.

Общее собрание учительства Красной Пресни постановило всем учителям принять участие в праздновании 1 мая не только устройством детских пунктов, но и в общем шествии с рабочими организациями.

ПРАЗДНИК ДОШКОЛЬНИКОВ.

Молодежь Красной Пресни празднует день 1 мая на площадке районного совета. Для детей дошкольного возраста приготовлено 9 пунктов, которые декоративно украшены и приведены в праздничный вид.

НА ПАРФЮМЕРНОМ ЗАВОДЕ.

Рабочие и служащие государственного парфюмерно-косметического Бутырского завода № 4 (б. Ралле), одобряя политику нашей делегации в Генуе и всемерно ее поддерживая, постановили в день 1-го мая—всемирного рабочего праздника, выйти на улицу для демонстрирования своих пролетарских сил.

В ТЕАТРАХ.

1-го мая состоятся бесплатные спектакли. Вход по специальным билетам, распределяемым первомайской комиссией: **Большой**—«Борис Годунов», начало в $7\frac{1}{2}$ час.; **Новый** (б. Незлобина)—«Севильский цирюльник», в $7\frac{1}{2}$ ч.; **Малый**—«Женитьба», нач. в 7 ч. 30 м.; **Художественный**—«На дне», нач. в 7 ч. 30 м.; **1-я студия**—«Гибель Надежды», в 7 ч. 30 м.; **2-я студия**—«Сказка об Иване дураке и его братьях», в 7 ч. 30 м.; **3-я студия**—«Чудо святого Антония», в 7 ч. 30 м.; **Московский Камерный**—«Король Арлекин», нач. в 7 ч. 30 м.; **Камерн. Еврейск.**—«Бог мести», нач. 7 ч. 30 м.; **«Теревсат»** (быв. Никитский)—«Город в Кольце», нач. 8 ч.; **Моск. театр для детей**—«Кино-спектакль—сказки Пушкина» нач. в 8 ч.; **Комедия**—«Слесарь и канцлер» нач. в 8 ч.; **Моск. Драматическ.**—«Великая Екатерина», нач. в 8 ч.; **«Театр Антара»**—«Трагедия о Норе Гельмер», нач. в 8 ч.; **Музыкальная Драма**—«Кармен», нач. в 7 ч. 30 м.; **Студия Максима Горького**—«Мальва», нач. в 7 ч. 30 м.; **Студия Шаляпина**—«Зеленый попугай», нач. в 7 ч. 30 м.

На голодном фронте.

КОЛОКОЛА—ГОЛОДНЫМ, ЦЕРКОВЬ—ДЕТЯМ.

ИЖЕВСК, 25 апреля. Граждане села Шарканы, Дебесского уезда, на общем собрании решили снять колокола с церкви и передать их в компомгол на покупку хлеба для голодающих, а помещение церкви предоставить под детский дом.

УПРАЗДНИЛИ ХОР РАДИ ГОЛОДАЮЩИХ.

РОСТОВ-ДОН, 28 апреля. Приходский совет Нахичеванского собора упразднил церковный хор. Расходы на его содержание, в сумме 40 миллионов руб., он обращает на помощь голодающим своего прихода.

КРОМЕ ЦЕННОСТЕЙ—ДОБРОВОЛЬНЫЙ СБОР.

ХАРЬКОВ, 27 апреля. Собрание старост киевских синагог приняло резолюцию, одобряющую декрет ВЦИК об из'ятии. В виду того, что христианские храмы дадут ценностей больше, чем синагоги, собрание решило обложить еврейское население особым сбором.

ЦЕННОСТИ ИЗ СИНАГОГИ.

КРАСНОДАР, 24 апреля. На-днях в краснодарской синагоге произведено из'ятие ценностей. Из'ятие произошло без всяких инцидентов, при полной поддержке со стороны прихожан синагоги.

(РОСТА).

И В КОСТЕЛАХ ТОЖЕ.

КРАСНОДАР, 21 апреля. Из костела, на Графской улице, через проломанное окно похищено много ценных вещей. Общая стоимость их пока еще не выяснена.

НА МЕСТАХ.

ИЖЕВСК, 26 апреля. К 20 апреля по Ижевскому уезду из'ято 12 пуд. 20 фун. серебра, по Дебесскому уезду—4 пуда 29 фун., по Можгинскому—5 пуд. 38 фун., всего из'ято серебра 23 пуда 8 фун., золота 3 зол. и 8 руб. серебром. Духовенство и верующие относятся к из'ятию сочувственно, выражая готовность притти на помощь голодающим.

ОДЕССА, 26 апреля. Совещание священнослужителей Балтского уезда передало в распоряжение государства все золото и серебро из церквей и молитвенных домов.

РОСТОВ-ДОН, 28 апреля. Из архиерейской церкви в Новочеркасске из'ято 4 пуда серебра, 7 фун. жемчуга, 37 зол. золота и 100 штук ценных камней; из епархиального склада—5 пуд. серебра. Причт Михайловской церкви добровольно сдал около 3 п. серебра.

Приступлено к из'ятию церковных ценностей по всему Сальскому округу. Крестьяне к из'ятию относятся сочувственно.

ХРОНИКА.

ОТ КОМИССИИ ПО УЛУЧШЕНИЮ БЫТА ДЕТЕЙ.

Комиссия по улучшению быта детей при ВЦИК приносит благодарность международному Красному Кресту и международному союзу помощи детям за пожертвованные 60 ящиков конденсированного молока. Означенное молоко передано в эвакбюро для снабжения санпоездов, перевозящих голодающих детей Поволжья в благополучные места.

В ПОКРОВСКОМ ДЕТСКОМ ПРИЕМНИКЕ.

В Покровский детский приемник из голодающих мест прибыло со дня открытия по апрель 1922 г. 10,703 детей. За этот период выбыло из приемника 9,483 и находятся в настоящее время 1,220 ч. Выбывшие дети распределены след. образом: в детские дома 7,393 ч., больницы 684 ч., на воспитание частным лицам 283, родным 764, бежало 51 и умерло 308 ч.

Следующие организации взяли на свое иждивение детей: военные организации 1,094 чел., рабочие 1,676, крестьянские 617, организации служащих 1,121, В. Ч. К. 1,136 ч., союзы и кооперативы 303, сотрудники ОНО 89, ВСНХ 197, Москоммуна 100, МСНХ 64, Наркомпрод 55, Наркомздрав 60, Наркомвнудел 36, Наркоминдел 69, Наркомпрос 43, МПО 696 и Внешторг 37; всего 7,897 чел.

БЮЛЛЕТЕНЬ МОСКОВСКОГО ОБЛАСТНОГО БЮРО ПОГОДЫ.

Состояние погоды за 27 апреля. Температура днем: около 5 гр. на востоке, около 10 гр. в центре, на озерах и на Северной Двине, около 15 гр. на западе и на юге; ночью около 1 гр. на востоке, около 8 гр. в центре, около 7 гр. на юге. Осадки в центральном районе.

Виды на погоду. 30-го апреля и 1-го мая сухо в восточной полосе, осадки в западной полосе, местами в центре и на Дону.

Постепенное потепление.

В ТЕАТРАХ.

30-ГО АПРЕЛЯ: **Большой**—«Дон-Кихот»; **Новый**—«Риголетто»; **Художественный**—утр. «Синяя птица», веч. «Нахлебник» и «Провинциалка»; **1-я студия**—«Дочь Иорио»; **2-я студия**—«Младость»; **3-я студия**—«Чудо св. Антония»; **Малый**—«Пути к славе»; **Моск. драматический**—«Ее величество»; **Моск. камерный**—«Покрывало Пьеретты»; **Музыкальная Комедия**—«Сюзанна»; **Евр. Камерный**—спект. камерного балета; **Семперанте**—«Мертвое солнце»; **студия Грибоедова**—«Плутни Скапэна»; **Арс**—«Бабушка»; **Моск. детский**—«Жемчужина Адальмины».

Красная армия.

ОДИН ИЗ ЛУЧШИХ.
(Памяти тов. Литкенса).

Мы, пятоармейцы, узнали товарища Литкенса в начале 1920 г., на посту его в должности начпоарма 5 и полюбили его за чуткость, энергию, за умелое руководство делом политвоспитания, за то, что он первый сумел наладить аппарат поарма 5.

Мы, работники дивизий, все время борьбы с Колчаком остро чувствовали на себе недостатки армейского политаппарата, недочеты в политическом руководстве.

Мы были предоставлены сами себе. Это нас нервировало, отчего было немало ошибок.

Со вступлением в должность начпоарма 5 тов. Литкенс сразу же об'ехал все дивизии, познакомился с ходом работ на местах, быстро схватил все достоинства и недостатки этой работы, собрал лучших работников в поарме и работа закипела...

Недолго тов. Литкенс был начпоармом 5, но организационные формы, методы работы, темп—живут до сих пор в 5 армии.

И не только в 5 армии—во всей Сибири.

Крепкое, сильное наследство оставил после себя в Красной армии тов. Литкенс. Пятоармейцы быстро, легко, многому научились от тов. Литкенса. Они—пятоармейцы рассеялись по всем фронтам и окраинам республики, продолжая линию в политработе, данную тов. Литкенсом.

Не стало тов. Литкенса, но не умрет память о нем среди бойцов 5-ой армии.

А. Кучнин.

СЛОВО И ДЕЛО.
(Письмо из 18-ой дивизии).

«Пятый год—год политического и общего развития Красной армии». Этот лозунг—лозунг духовной жизни армии—воплощается нами не на словах уже, а на деле.

К первому мая мы поставили себе задачей во что бы то ни стало ликвидировать общую неграмотность и привить элементарнейшие понятия политической грамотности по выработанной Подивом программе, приспособленной к психологии красноармейца, и вполне могущей быть пройденной в короткий срок..

Первое мая—праздник труда всемирного пролетариата и праздник общей и политической грамотности нашей дивизии.

Вся прежняя работа по ликвидации неграмотности сводилась во многих случаях почти на нет, так как не было общей согласованности в действиях между политработниками и комсоставом, не было общей заинтересованности, не было общей ответственности, не было систематического обучения, а были попытки и попытками они оставались до сего времени...Кто ушел в них дальше, кто попрежнему топтался на том же месте... Теперь этого нет. Обстановка, условия—все благоприятствовало тому, а приказы подгоняли.

По дивизии был издан боевой приказ в оперативном порядке, предусматривающий все прежние недостатки и устраняющие их. Пошла работа в полном разгаре. Сведения с мест говорят об успешности хода занятий, благодаря новой методике с вопросами и ответами.

Дивизия грамотна и политически и технически и это—плод под'ема и усиленной работы.

Эти обученные красноармейцы являются теми отделенными командирами-учителями и воспитателями армии в будущем, о которых говорил в своей речи на XI с'езде тов. Троцкий.

18-я дивизия воплотила его слова в дело.

Н. Листков.

МОЛОДЕЖЬ В АРМИИ.

В ячейке РКСМ типографии штаба рабоче-крестьянской Красной армии поднялся однажды вопрос о детских домах, которые содержатся Компомгол РВСР. Предложили послать туда своих представителей для ознакомления с постановкой дела. Однако, тут же возник вопрос, хорошо ли явиться к детям так, с пустыми руками, просто для того чтобы посмотреть. И единодушно решили отвезти детишкам подарки.

Сказано—сделано. Выбрали делегатов и специальную комиссию, которой поручили провести денежный сбор, а также пожертвования книгами, бумагой, карандашами, перьями и всем тем, что необходимо для детской школы.

Работа сразу развернулась. Началась деятельная агитация не только среди рабочих и служащих типографии, но и вообще среди сотрудников РВСР. Привлекли к работе и другие ячейки РКСМ. От комиссара типографии добились получения нескольких десятков тетрадей. Достали двадцать пять фунтов сахару. Собрали около 18 миллионов деньгами, купили на них карандашей, перьев, бумаги, масла, конфект и проч. и отвезли в детский дом Компомгол РВСР в Серпухов. Это было еще в марте. А к 1-му дню пасхи организовали другую поездку в Серпухов. Отвезли несколько десятков учебников и книг для детской библиотеки и на 65 миллионов различных подарков.

Стоило посмотреть, с каким радостным оживлением рассказывали наши ребята о своих поездках. Их встретили и приветствовали, как дорогих гостей—*тепло и радушно*.

Детишки-чуваши устроили для них детский спектакль. На чувашском языке исполнили перед спектаклем Интернационал, а в заключение несколько русских революционных песен.

На последнем собрании ячейки заслушивался доклад о поездке. Постановили: «отчет в расходовании денежных сумм и пожертвований сдать в комиссию Помгола. С[де]лать доклад о поездке в Серпухов на общем собрании рабочих типографии. Себя, свою ячейку об'явить шефом детского дома Компомгол в Серпухове.

Шеф детского дома!

Слыхали вы о таком шефе?

А он есть, он существует и деятельно работает. Это ячейка РКСМ типографии РВСР.

Д. Митяев.

«ГОРЕМ 85».

«Горем 85» — военно-головной ремонтный поезд № 85—движется по добавочной железнодорожной ветке, ведущей в гор. М*.

В пути, на одной из станций — сообщение: ветка разорвана пополам, сгорел и обрушился большой мост. Город М* отрезан от всего мира — ни писем, ни газет, ни приехать, ни уехать. Варись в собственном соку.

«Горем 85» подходит к месту катастрофы и останавливается в нескольких саженях от провала. Словно сломанный позвоночник, упала обгоревшая ферма моста, в мутный поток речки.

Вышла команда. Стоят, молчат, смотрят.

Военком, коренастый малый, в кожаной куртке, поднял руку.

— Товарищи, внимание!

Все окружили его.

— Товарищи «горемцы», по эту сторону — наш поезд, а по ту сторону гор. М*, отрезан от всей федерации. Может это быть? Нет! В единении — сила. Понятно вам?

— Понятно!

— Товарищ командир, по собственному почину от сего дня и через неделю может наш состав на той стороне быть?

— Работы много, — заботливо ответил командир «Горема», но если приналечь, то оно конечно...

— Постараемся! — Хором сказала команда. И от слов — к делу. Закипела работа. Растут день за днем быки из шпал. На пятый день протянули переводину, настил положили. А на седьмые сутки «горемский» паровоз «Щука» загремел по новому мосту, перебрался на тот берег, вернулся, зацепил состав и побежал в гор. М*.

Там уже ждали «горемцев». На платформе выстроились исполкомцы, парткомцы и рабочие с местного завода.

Вот послышался отдаленный свист паровоза, загудели, словно проснувшись, рельсы. Вот на повороте показался паровоз, весь обвитый еловыми ветьвями, с красной звездой под большим фонарем...

Зашипела, захлебнулась паром «Щука». «Горем» остановился.

— Ура!.. — катилось по платформе. Бравурно, захватывающе гремел оркестр.

Потом — приветствие. Исполком подносит «Горему 85» красное знамя.

Оживился городок, словно из темницы вышел, словно проветрился спертый в нем воздух. Шумят улицы и у всех на устах:

— Живем теперь, военно-ремонтный поезд пришел!

Л. Митницкий.

ВОТ В ЧЕМ ПОБЕДА!
(К докладу А. Я. Слащева в ВНО Военной Академии).

Вереница воспоминаний... Неизгладимых воспоминаний недавней, великой борьбы. Всплывают уж побледневшие в памяти эпизоды напряженных схваток.

Сиваш... Перекоп... Чонгар... Сколько воспоминаний связано с этими названиями! Слушаешь доклад и мысленно переносишься в необозримые степи Таврии... Чудятся воды Сиваша и грозные укрепления Юшуни...

Не думалось там, в грохоте битв, что минет буря и белый «герой Крыма» склонит свою голову пред Красной армией.

«Добровольческая армия», — говорит докладчик, — опиралась на зажиточное крестьянство, и армия стремилась на Украину в поисках базы. Но тут-то я убедился в наемнической роли Врангеля. Я заподозрел, что он стремился на Кубань, в Донецкий бассейн и на Кавказ за углем и нефтью для союзников. Пошли у нас разногласия, и я ушел в отставку...

Позже, уезжая уже в Константинополь, я и многие другие офицеры пришли к заключению, что добровольческая армия уже не существует, что она уже в прошлом!..

— Что она уже в прошлом...

Потребовались годы упорной борьбы, сокрушающие удары и победы рабоче-крестьянской армии, чтобы вожди белого стана поняли, что возврата к старому не может быть. Годами непосредственной борьбы, генерал Слащев понял бесплодность попытки повернуть вспять колесо истории.

С ним поняло это и большинство белого офицерства, и эта наша самая крупная победа!

С. Б. Ст—ов.

Грядущие войны.

Новый передел мира и новые нарушения равновесия, как фактор неизбежных войн. Англия и Франция. Япония и Америка. Лихорадочный рост вооружений, как симптом надвигающихся войн.

В течение всей мировой войны 1914—1918 г.г. буржуазные писаки и социал-патриоты в каждой стране в один голос заявляли, что эта война является «последней» войной, после которой наступит вечный мир. Эта война покончит-де с агрессивными планами и провокационной политикой вражеской страны и обеспечит навсегда возможность мирного развития родины. В бесчисленных листовках, газетных статьях и специально написанных для солдат брошюрах развивалась мысль о том, что победа над врагом даст возможность значительно сократить в будущем численность армии и флотов, уменьшить в несколько раз тяжесть налогов на военные цели и посвятить все силы страны задачам мирного строительства. Сотни тысяч и миллионы малосознательных рабочих и крестьян в каждой стране верили этим лживым уверениям и были убеждены в том, что они умирают во имя интересов грядущих поколений, что своим героизмом на полях сражений они избавляют своих детей и внуков от необходимости снова взяться когда-нибудь за оружие для защиты своей страны от нападения врага. Теперь мы уже не слышим из уст буржуазных писателей и социал-патриотов речей о наступлении, хотя бы близости эры мира. Наоборот, многие буржуазные экономисты и политики вынуждены признавать ту истину, что ныне во всем мире, в экономической кон'юнктуре и международном положении великих империалистических держав действуют факторы, рождающие войну, факторы, более могущественные, чем те, которые вызывали страшную бойню 1914—1918 г. г. Ныне для мировой войны больше причин, чем было накануне 1914 года.

Война привела к такому переделу мира и разделу колоний, которые совершенно нарушили и без того неустойчивое равновесие, существовавшее до мировой войны, и, таким образом, создала более могущественные, чем прежде, факторы будущих вооруженных [illegible]

[illegible] шей мировой войне, весь африканский материк был разделен между тремя великими империями: Англией, Францией и Германией. По англо-германскому договору 1912 г. о разделе черного континента, Германия должна была получить большую часть португальских колоний: Анголу и Мозамбик. Этим проектом правительства обоих хищнических держав пытались установить равновесие на черном континенте и устранить опасность войны.

Мировая война и версальский мир совершенно разрушили равновесие на африканском континенте и создали здесь крайне неустойчивое положение, чреватое грозными последствиями. Версальский договор отдал Англии до 2.000.000 кв. километров германских владений в Африке, и в настоящее время африканская империя Великобритании занимает площадь немногим более $11\frac{1}{3}$ миллионов кв. километров с 60-миллионным населением. Африканская империя Франции, после присоединения большей части германских колоний Того и Камеруна, занимает площадь в 10 милл. километров с населением в 40 миллионов душ.

Нарушение равновесия в пользу Англии создалось не в результате того, что Англия получила большую площадь территории, чем Франция, а в силу стратегического значения и богатства приобретенных Англией новых владений, обеспечивающих гегемонию Великобритании на всем африканском континенте, за исключением северо-западной части последнего, где Франция, владеющая Марокко, Алжиром и Тунисом, имеет перевес сил на своей стороне. Зато все восточное побережье Африки от Каира до Капштадта перешло во владение Англии, которая, таким образом, имеет возможность осуществить теперь проект великого рельсового пути Каир—Капштадт, который пройдет исключительно по английским владениям. С другой стороны, французское [illegible] в северо-западной [illegible] не может считаться прочным и безраздельным, пока здесь держится и усиливается Испания, за спиной которой стоит Англия, подкладывающая всякого рода мины французскому влиянию в этой части африканского материка требованием интернационализации Танжера и т. д. На африканском континенте Англия и Франция пришли в соприкосновение в целом ряде пунктов, и противоположные интересы обеих держав сталкиваются в этой части света с большей силой, чем сталкивались интересы Германии и Англии, Германии и Франции до мировой войны. В общем, положение здесь напоминает период, предшествовавший Фашоде, когда Англия мобилизовала все свои эскадры, чтобы остановить движение французского экспедиционного отряда полковника Маршана в верховьях Нила. Ныне Англия переводит громадный флот из пятидесяти судов, супер-дредноутов, дредноутов, крейсеров и т. д., охранявших раньше Великобританию против Германии, в Средиземное море для охраны великой английской торгово-военной Средиземной дороги против возможных опасностей со стороны Франции и для утверждения на этом пути безраздельной английской гегемонии.

Еще в более острое столкновение, чем на африканском континенте, пришли интересы Англии и Франции на Ближнем Востоке. Здесь гегемония в проливах и в Константинополе перешла, безусловно, в руки Англии, и английский главнокомандующий распоряжается в этой части Турции, как в великобританской колонии. В результате, Франция в осуществлении своих планов в бывшей Оттоманской империи встречает со стороны Англии противодействие, более грозное и непобедимое, чем было соперничество Германии, которая никогда не держала Константинополя и проливов военной силой в своих руках и не имела многочисленных армий в Малой Азии, подобно Англии. Неудивительно, что Франция вступает в тайные соглашения с Кемалем, снабжает последнего оружием и делает все возможное, чтобы помешать осуществлению англо-греческих планов в Оттоманской империи.

Англо-французские интересы резко сталкиваются не только на Ближнем Востоке, у проливов Малой Азии, и на черном континенте, но и в Европе. Англия не может отнестись равнодушно к факту захвата Францией гегемонии на европейском континенте, к захвату последней преобладающего влияния в Польше, Чехо-Словакии, Юго-Славии и Румынии, к монополизации французскими трестами, помимо угольных копей, бывшего царства Польского, двух важнейших угольных бассейнов центральной Европы, Силезского и Чешского, к попыткам Франции овладеть нефтяными источниками восточной Галиции. Мировая война была вызвана в значительной мере борьбой за твердый уголь и железо; ныне к этим факторам прибавился новый источник надвигающейся войны — жидкий уголь (нефть), влияние которого сказывается в обострении конфликтов не только в Малой Азии, но и в самой Европе.

Мы не говорим уже о противоречии тенденций английской и французской политики по отношению к центральным державам и России. В то время как влиятельная часть английской буржуазии стоит за некоторое смягчение условий версальского договора, за сближение с Германией и Россией, реакционная французская буржуазия стоит за создание крайне опасного для Англии вооруженного лагеря в Европе под гегемонией Франции, за непрерывное усиление нажима на Германию и Россию и превращение этих стран в колонию третьей республики.

Англия и Франция ведут друг против друга жестокую борьбу за гегемонию на Ближнем Востоке, на черном континенте, в Европе, и обе державы, подобно двум поездам, мчащимся по одной линии, но в противоположном направлении, приближаются к неизбежному столкновению.

Неудивительно, что Англия ультимативно требует от Франции приостановки сооружения подводных лодок и настаивает на сокращении сухопутной французской армии. Неудивительно, с другой стороны, что Франция, которая не имеет опасных врагов на континенте, в виду ослабления Германии и Австрии, и обеспечена союзом с Польшей, Румынией и т. д., держит тем не менее под ружьем громадную армию в 880.000 солдат, которую она, очевидно, держит наготове против Англии.

На-ряду с обостряющимся англо-французским конфликтом, мы стоим перед перспективой войны на Тихом океане. Мировая война привела к решительному нарушению равновесия в этой части света в пользу одной державы — Японии. Пока европейские державы и С. Штаты были заняты европейской войной, империалистическая Япония глубоко внедрилась в Китай, захватила здесь важнейшие стратегические и экономические позиции в ущерб Англии и, прежде всего, С. Штатам. Версальский мир, — отдав в руки Японии немецкие колонии в Микронезии, именно: Марианские, Каролинские и Маршалловские острова, вместе с пресловутым островом Яп, — необычайно усилил стратегическое положение Японии, приобретшей новые опорные военные пункты в бассейне Тихого океана, и неожиданно дальневосточная проблема предстала перед господствующими классами Америки в зловещем свете, в виде перспективы неизбежной войны с Японией. В военном отношении, в силу своего географического положения, близости к Китаю и возможности в шесть дней перебросить дивизию из Токио в Пекин, наконец благодаря своему могучему флоту, Япония не представляет необычайно грозного врага для С. Штатов в борьбе за господство на Тихом океане. Но как промышленная и финансовая держава Япония гораздо слабее трансатлантической республики, и это значительно ослабляет шансы ее победы в борьбе с Америкой, тем более, что последняя может опереться на поддержку Австралии, Новозеландии и значительной части Китая. Как бы то ни было, война потребовала бы напряжения всех сил от обеих стран, притом исход ее не может быть предугадан ни одним человеком. Тем не менее, как японские, так и американские империалисты уже два года говорят о неизбежности войны не на жизнь, а на смерть, если противная сторона не откажется от своих захватных планов. Вся американская печать в один голос утверждает, что единственным средством ослабления промышленного кризиса, царящего в Америке, является завоевание тихо-океанских рынков и, прежде всего, Китая с его 450 миллионным населением. Но здесь Америка наталкивается на самое энергичное противодействие и грозную конкуренцию Японии, для которой Китай является важнейшим рынком, поглощающим фабрикаты японской промышленности и главным районом приложения японских капиталов.

Вашингтонская конференция была созвана Гардингом для разрешения, как формулировано в ноте президента С. Штатов, тихо-океанской и дальне-восточной проблемы. Однако, теперь, когда результаты Вашингтонской конференции налицо, очевидно, что последняя не разрешила, да и не могла разрешить тихо-океанской проблемы в смысле упрочения и укрепления постоянной дружбы между империалистическими державами, заинтересованными в этой проблеме. Подобно Алжезирасской конференции 1906 г., франко-германскому соглашению 1911 г., предшествовавшим мировой войне, Вашингтонская конференция показала, что мировые хищники видят опасность войны и стремятся отдалить последнюю. Однако, Ахиллесова пята всех подобных соглашений заключается в том, что, устанавливая определенный компромисс между враждующими державами и этим отдаляя вооруженный конфликт на некоторое время, **компромиссное решение почти всегда умножает точки соприкосновения между соперничающими государствами и этим самым создает новые поводы к столкновениям.** В результате Вашингтонской конференции вооруженный конфликт отдален на короткий срок: хищники будут переваривать каждый в отдельности доставшуюся на его долю добычу, и затем, когда процесс пищеварения закончится, антагонизм интересов вспыхнет с удесятеренной интенсивностью, и мнимые друзья, оскалив зубы и выпустив когти, бросятся друг на друга в последний смертный бой за овладение всей добычей.

Таким образом, в двух частях мирового горизонта, и там, где солнце восходит, и там, где оно опускается, встают призраки вооруженных конфликтов: англо-французских и японо-американского. И ни один из этих конфликтов, когда он вспыхнет, не будет носить ограниченного характера поединка только двух борцов. Подобно тому, как прежний англо-германский конфликт привел вначале к европейской войне, а затем и к мировой, в которую постепенно втянулись все великие и малые державы старого и нового света, в том числе даже Китай, японо-американский конфликт сразу превратился бы в грандиозный пожар, который охватил бы весь Китай, Австралию, Канаду и [illegible] бы перебросился в Европу. Равным образом англо-французский конфликт грозит войной, в которой на одной стороне могут сразу подняться рядом с Англией Италия, Испания, Германия, Греция и т. д.; на другой, рядом с Францией — Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, Турция и т. д. И насколько правительства всех государств не уверены в завтрашнем дне и видят перед собой призраки войны, видно, с одной стороны, из всех этих конференций, Вашингтонской, Каннской и т. д., с другой — из небывало лихорадочных вооружений, перед которыми совершенно бледнеют **по своим размерам вооружения государств накануне мировой войны.** В самом деле, в то время, как в 1914 г. С. Штаты тратили на военные расходы 49 милл. ф. стерл., военный бюджет Трансатлантической республики в 1920 г. равнялся 501 милл. ф. стерл., т.-е. возрос более, чем в десять раз; за этот же период военные расходы Англии повысились более, чем в три раза (77 милл. ф. стерл. в 1914 г., 230 милл. ф. стерл. в 1920 г.), равным образом за тот же период утроились военные расходы Японии и Франции Только на этих днях американская палата большинством 270 голосов против 73 приняла проект об отпуске кредита в 270 миллионов долларов на морские военные расходы. Таким образом, сторонники усиленных вооружений одержали победу над сторонниками сокращения военных расходов. Понятно, что этот шаг инициаторов Вашингтонской конференции вызовет соответствующие мероприятия и в Японии. От великих держав не отстают и второстепенные — Польша, Чехо-Словакия, Юго-Славия, Испания, Греция, Румыния и др., которые напрягают последние силы, лишь бы увеличить численность своих армий и улучшить вооружение последних.

Увеличение военных расходов во всех странах Антанты об'ясняется как усилением вооружений, так и численным ростом армий и сооружением новых дредноутов, супер-дредноутов и т. д. По данным, приведенным т. Троцким в его докладе на третьем конгрессе Коммунистического Интернационала, 1 января 1914 г., т.-е. в момент наивысшего напряжения «вооруженного мира», во всем мире стояло под штыками [illegible] солдат, в январе 1921 г. под штыками стояло около 11 миллионов солдат. Самую большую армию из европейских государств держит под оружием Франция, этот оплот мировой контрреволюции; численность ее армий к 1 января 1922 г. исчислялась в 880.000 человек, включая офицеров и колониальные гарнизоны. За ней следует Великобритания, численность армий которой в метрополии, колониях (Индии, Египте, Африке) и на различных театрах (Месопотамия, Персия, Константинополь) определялась к 1 января 1922 г. в 740.000 солдат. Третье место в Европе по численности армии занимает, стоящая накануне банкротства, Польша, у которой стоит под оружием 500.000 солдат. Далее следуют в порядке последовательности Италия (350.000 солдат), Греция (225.000 солдат), Испания (250.000 солдат), Швеция (170.000 солдат), Юго-Славия (150.000 солдат), Бельгия (130.000 солдат в январе 1922 г., вместо 42.000 солдат 1 августа 1914 г.), Германия (100.000 солдат).

Уже одна численность сухопутных армий и флотов империалистических европейских государств, равно как С. Штатов и Японии, тратящих, несмотря на глубокий промышленный кризис, главную часть государственных доходов на увеличение армий, доказывает, что мы стоим перед надвигающимся вооруженным конфликтом, перед новой мировой войной, момент взрыва которой никто, конечно, предсказать не в состоянии.

В результате мировой войны ни одна великая держава не считает себя «насыщенной». Империалистическое государство всегда находится в стадии расширения. От этого расширения своей территории не желают отказаться ни Япония, которая выдвигает доктрину **неуклонного расширения**, ни С. Штаты, ни Англия, ни тем более Франция, ни Польша, ни Италия, ни Юго-Славия, ни Греция, ни даже Румыния.

Мировая война надвигается с стихийной силой, и только энергия и революционное сознание народных масс, об'единенных под знаменем III Интернационала, может предотвратить новую страшную бойню между трудящимися массами всех стран, предотвратить путем всеобщей гражданской войны и свержения буржуазии во всем мире.

МИХ. ПАВЛОВИЧ.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ.

Главная контора газ. «Правда» просит подписчиков, выславших подписную плату на май в меньшем размере, чем об'явлено (800.000 руб.), поторопиться досылкой причитающейся с них суммы, во избежание перерыва высылки газеты.

С 1-го МАЯ ЦЕНА ОТДЕЛЬНОГО № 40 000 р.

Партийная жизнь.

В СТАВРОПОЛЬСКОЙ УЕЗДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ.

Ставропольский уезд в отношении голода, сравнительно с остальными, наиболее благополучный. Несмотря на то, что голодает 75 тыс. человек, почти всем оказывается общественная помощь. Понятно, что крестьяне, видя заботу о себе власти и партии, все ближе подходят к Волисполкому, к ячейке; за всеми раз'яснениями и за советом обращаются к местным коммунистам. Бандитизм исчез совершенно, т.-к. население принимает деятельное участие в ликвидации мелких грабительских шаек. Все это в общем создает благоприятную атмосферу для партийной работы. И действительно, особенно за последнее время, связь с ячейками из укома наладилась крепкая; осуществляется действительное руководство укома работой ячеек. Особенно большие результаты, в смысле проверки и направления работы на местах, дал об'езд всех ячеек тремя инспекторскими тройками. После этого с'езда в некоторых местах были привлечены к ответственности разгильдяи, пьяницы и прочая публика, заправлявшая делами кое-где в деревнях, что еще больше укрепило авторитет партии в глазах крестьян. Ликвидация политической безграмотности идет довольно хорошо. Все ответственные работники направлены в ячейки, где они ведут занятия по программе агитпропа губкома. В общем, настроение организации, несмотря на голод, бодрое; спайка между членами растет; склок и неурядиц нет и работа идет дружно.

«Наблюдатель».

ПИСЬМА О ПАРТИЙНОЙ ЖИЗНИ.

Коммунисты и НЭП. В воскресном номере «Правды» тов. Б. Б. в отделе: «Писем о партийной жизни», как будто с радостью указывает на то, что, благодаря тяжелому положению коммунистов при НЭПе, происходит естественная и беспрерывная очистка партии. Это верно, что партия очищается, но прежде чем приветствовать этот «естественный процесс» в целом нам необходимо взвесить все обстоятельства, учесть все плюсы и минусы. Быть может и верно, что все усиливающаяся материальная необеспеченность приведет к тому, что в партии останутся люди абсолютно-чистые подвижники. Но нельзя забывать и того, что, во-первых, эти оставшиеся будут так утомлены и истрепаны, что не смогут уже вести как следует работу, а во-вторых, партия неминуемо «очистится» не только от элементов паразитических, но и от многих действительно честных коммунистов, попавших почему-либо в особенно тяжкие условия. Поэтому мне думается, что тов. Б. Б. очень неосторожно делает свои выводы. Партии следует не поощрять, в чаянии полного очищения, этот «естественный процесс» обнищания членов РКП, а принять все меры к тому, чтобы задержать и ослабить его.

С. В—ский.

Рабочая жизнь.

К ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ТОВ. СПИРИДОНОВА.

На обеспечение семьи тов. Спиридонова.

Редакция гомельской газеты «ПОЛЕССКАЯ ПРАВДА» ассигновала на обеспечение семьи убитого корреспондента тов. Спиридонова двадцать милл. рублей.

Редакция смоленской газеты «РАБОЧИЙ ПУТЬ» перевела двадцать милл. рублей в пользу семьи тов. Спиридонова.

УЧИТЕЛЬ СПИРИДОНОВ.

Я узнал тов. Спиридонова в «Правде» на собрании сотрудников отдела «рабочая жизнь».

Он казался полным сил и выглядел моложе своих лет. Одевался очень опрятно в черное платье. Лицо его отражало легкую суровость и было задумчиво.

Говорил тов. Спиридонов всегда четко, дельно и убедительно. Собравшиеся сотрудники внимательно выслушивали его речь и соглашались с его доводами. Этим он выделялся среди нас.

Со смертью т. Спиридонова рабочие корреспонденты «Правды» лишились хорошего товарища, советчика и учителя. Тов. Спиридонов был для начинающих корреспондентов хорошим учителем. Когда они жаловались на неудачи в своей работе и опускали руки при этом, тов. Спиридонов говорил им:

— «Я удивляюсь, товарищи, тому, почему это не принимают и не печатают ваших заметок. Мне же, наоборот, редакция часто звонит по телефону и спрашивает, почему я давно не пишу? У меня, товарищи, все проходит в печать. Я работаю серьезно над заметками и статьями. Прежде чем написать, я подумаю. Затем, когда напечатают, я смотрю, что исправили и на этом учусь, чтобы в следующий раз не делать ошибок. Так и вы работайте, товарищи».

Это завещание Спиридонова, как надо учиться писать, не забудут рабочие корреспонденты.

А. Сумериков.

По Советской федерации.

На улицах Саратова.

(От нашего корреспондента).

Улицы Саратова, по мановению руки горсовета и губисполкома, подавили в себе гримасы Нэпо и приняли будничный, суровый вид.

Нэп у нас разгулялся-было до того, что забрался в самый губпомгол и начал выделывать такие коленца, что саратовским пролетариатом на заседании горсовета было единогласно вынесено:

— Довольно!

На улицах пестрели, нагло лезли саженные афиши:

«Танцы до 5-ти часов утра!

Конфетти! Летучая почта! Два оркестра! Веселье до рассвета».

Дело дошло до того, что призывали:

«Сытые! Докажите, что и вы сочувствуете голодным», т.-е. идите жрите в роскошных буфетах, танцуйте до упаду, флиртуйте до головокружения и... все это в пользу голодающих.

Барышни и кавалеры с ног сбились— все здания с залами превратили в танцовальные залы.

Прибавьте к этому небывалое изобилие пирожных, бисквитов в витринах магазинов, около которых, среди сытой и гогочущей нэповской и иной буржуазии, как побитые собаки, оборванные, жалкие, голодные люди.

Танцы, обжорство и веселье до рассвета было запрещено.

С витрин магазинов убрали изысканное печенье, запретили выпечку бисквитов и продажу вина.

Город принял облик суровый, будничный, как подобает центру голодного края в черную годину тяжелых испытаний.

Черный бархат ночи баюкал, окутывал город. В ярко освещенных церквах читали 12 евангелий. Вместе с трезвоном во все концы задвигались силуэты людей с цветными фонарями и трепещущими свечами.

А на углу Вольской улицы, в центре города, умирал голодный. Он корчился на приступке магазина. Он был сплошной протяжный стон.

Верующие, заботливо охраняя огонь от ветра, проходили мимо умиравшего.

Только одна старушка долго слушала стоны, качала головой:

— У кого Пасха, а кому смерть лютая!

И поплелась медленно усталой походкой.

Пасхальный трезвон плыл по всему городу.

Разодетые люди гуляли по улицам, улыбались, кое-где христосовались.

Солнце высоко на небе разливало золото на облачка, на улицы города, на гуляющих.

У крытого рынка, где так много мяса, сала, масла, черного и белого хлеба, умирал молодой человек с голода. Тщетно ему совали сердобольные женщины хлеб— он уже не в силах был его взять, не то что есть.

Изможденное, бледное лицо его выражало неизбывную муку. Животный стон несся из его рта, протяжный, жуткий стон.

Многие отвертывались с нервным подергиванием лица.

Целые сотни желтых, высохших лиц бродят по улице и протягивают руки. Десятки их лежат, не в силах ходить и только стонущим голосом напоминают, что им надо помочь.

А у столовых—черные, скорбные ленты людей, истрепанных, измученных, истерзанных голодом. И это те, которых кормят все-таки. А их товарищи по несчастью—роются в помойных ямах по всем дворам города, отыскивая с'едобное.

Леонтий Котомин.

Юристы в рясах.

(От нашего корреспондента).

Предметная пропаганда — лучший способ убеждения.

Это было продемонстрировано в Казани на собрании духовенства, верующих-мирян, представителей фабзавкомов и просто публики по вопросу об из'ятии церковных ценностей.

Пропагандистом явился—митрополит Кирилл.

Пропагандировал он—против самого себя.

Этот высокий красивый старик, с большой белой бородой, в белом клобуке с крестом и длинным посохом, говорил:

— ...Когда мне ставят такой вопрос: пожертвуете ли вы что-нибудь из этого имущества добровольно голодающим, то я, конечно, должен ответить, как я отвечал и отвечаю, что церковного имущества нет, и я не могу им распоряжаться... Если бы я сказал кому-нибудь из подчиненного мне духовенства или из верующих, что вы, граждане, пожалуйста, жертвуйте, то этим я наводил бы их на преступление в растрате государственного имущества, и они за это должны были бы сидеть на скамье подсудимых...

Головы многочисленного духовенства сочувственно кивали своему вождю.

Глава трудящихся-верующих выражали недоумение.

Митрополит кончал:

— Если бы спросили мы Христа: вот, Господи, договор, который мы заключили с правительством в 1918 году, вот опись, по которым мы приняли имущество. Нужно нам его возвратить или нет?—Он, наверное, ответил бы нам: «отдайте кесарю кесарю, а божье богу».

На этот, достойный оторвавшегося от жизни духовенства, вопрос был дан революционный ответ председателем комиссии по из'ятию ценностей:

— ...Если бы был Христос, то он, взглянув на этот акт, договор с группой верующих, вероятно сказал бы: «снимите ваши шикарные ризы, раздерите их на части и отдайте бедному человеку» *).

Овация всей массы присутствующих была ответом на то, что верующим более понятны и ближе их сердцу простые, но искренние слова, чем юридическая казуистика, шедшая от холодного ума.

Правда нового мира восторжествовала над ложью мира старого.

Резолюция, принятая единогласно, гласила:

«Заслушав доклад об из'ятии ценностей из церквей и раз'яснения по этому вопросу митрополита Кирилла, общее собрание граждан г. Казани с участием духовенства и групп верующих признает, что декрет ВЦИК об из'ятии церковных ценностей должен быть полностью и спешно проведен в жизнь, ибо голод не ждет».

Предметный урок сделал свое дело...

Мих. Корбут.

*) Все цитаты взяты из стенограммы.

Тульская потребительская кооперация.

(От нашего корреспондента).

На только что закрывшейся губернской кооперативной конференции был сделан исчерпывающий доклад о деятельности губсоюза.

С введением новой экономической политики значительно усилилась деятельность первичных кооперативов. Так например, в восьми уездах губернии первичные кооперативы произвели от 75 до 100 процентов всех заготовок, и только в четырех этот процент понижается до 40. Приведенные цифры очень ярко доказывают, что хозяйственная самодеятельность сельских и городских потребительских обществ значительно поднимается в гору.

Хлебозаготовительная кампания губсоюза дала следующие результаты.

В начале кампании губсоюз не имел абсолютно никаких денежных и товарных средств и вел заготовительную работу исключительно на средства добровольной кооперации, а также и на изделия, закупаемые у местных кустарей. За 7½ месяцев (по 15 марта) губсоюзом заготовлено ржи 168.156 пудов, овса — 101.664 пуд. и других хлебных продуктов—236.123 пуда.

Заготовки, главным образом, производились путем товарообмена.

Необходимо отметить, что заготовки в настоящее время проводятся весьма удовлетворительно, и на местах имеются запасы хлебопродуктов.

Одна из очередных задач губсоюза — заготовка картофеля для голодающих губерний в размере 200.000 пуд. К этой работе уже приступлено.

Помимо работ по заготовке губсоюз развивает и торговую деятельность.

Организован комитет цен, занимающийся собиранием рыночных цен как в Тульской губернии, так и за пределами ее.

Коммерческим отделом организован ряд контор в Москве, Петрограде, Харькове, Нижнем-Новгороде и др.

Торговая деятельность тормозится отсутствием оборотных средств.

Промышленная деятельность губсоюза сосредоточена на развитии собственных предприятий. У него имеются следующие собственные предприятия: колбасная фабрика, деревообделочная фабрика, сапожная мастерская, 8 сушильных заводов, 12 мельниц и т. д. Все эти предприятия работают полной нагрузкой.

Много внимания губсоюз уделяет развитию кооперативного сельского хозяйства.

Заканчивая обзор работ тульского губсоюза и учитывая те трудности, которые пришлось ему преодолеть с момента снятия с государственного снабжения, можно с уверенностью сказать, что аппарат потребкооперации как в городе, так и в деревне значительно окреп.

О. Анзимирова.

БАКИНСКАЯ НЕФТЬ.

БАКУ, 22 апреля. В марте мес. заводами Бакинского района перегнано 8.868 458 пуд. нефти при задании на 10½ миллионов, что составляет 82,7 проц. Недовыработка об'ясняется наличием непригодной для перегонки тяжелой нефти, в количестве 27 милл. пуд. Очищено 4.216.112 пуд.—123 проц. задания.

ХОЛЕРА.

ОМСК, 27 апреля. Губерния признана неблагополучной по холере. Установлено 13 подозрительных случаев.

ЕКАТЕРИНОСЛАВ, 26 апреля. Вновь отмечены случаи заболеваний холерой. Усилились также и другие инфекционные заболевания.

ПОЛТАВА, 26 апреля. Константиноградский уезд об'явлен неблагополучным по холере.

ВОРОНЕЖ, 28 апреля. Эпидемия холеры увеличивается с каждым днем. На борьбу с ней из местного бюджета отпущены необходимые средства.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ КОМИНТЕРНА В ОДЕССЕ.

ОДЕССА, 26 апреля. В Одессу прибыли представители Коминтерна Молиток, Бальгу, Нипучек и Коган—члены международного комитета помгола в Берлине.

Комитет помгола предполагает восстановить рыбное дело в Царицыне, для чего доставит 10 миллиардов руб. и технические приспособления. Благодаря этому рыбопромышленность от Царицына до Астрахани будет вырвана из рук спекулянтов. Предполагается дать работу 25 тысячам рабочих.

В ближайшие дни прибудет итальянский пароход с продуктами. С этим же пароходом прибудет также техническое оборудование.

Из Одессы делегация выезжает в Крым и Новороссийск.

ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ.

АРХАНГЕЛЬСК, 28 апреля. Прибывший в Архангельск из Гамбурга пароход «Бранн» с грузом угля в количестве 2,600 тонн разгружается очень успешно. На нем будут отправлены в Англию пушнина, лен и друг. товары.

ГЕНУЯ И КРАСНАЯ АРМИЯ.

РЯЗАНЬ, 28 апреля. На многолюдном митинге красноармейцев вынесена благодарность тов. Чичерину за стойкость при отстаивании авторитета Советской республики. Красноармейцы заявляют, что не разомкнут своих тесных, сплоченных рядов, пока хищники и поработители мирового пролетариата не перельют своих пушек в плуги.

БЕЖЕНЦЫ НА ВОЛГЕ.

САРАТОВ, 27 апреля. Снизу приходят пароходы, битком набитые беженцами, пробирающимися в верховья. Сверху пароходов нет. Количество беженцев по берегу Волги беспрерывно растет.

Судебный отдел.

Поповские подвиги.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ.

В вечернем заседании 28 апреля трибуналом допрашиваются подсудимые: священник Соколов и гр. Мотылев и братья Башкировы.

ПРОПОВЕДНИКИ.

Соколов на Благовещение произнес в своей церкви проповедь, чтобы «вселить успокоенье в души верующих». Слушали плохо, стали уходить из храма, и он решил «заинтересовать» прихожан.

— Советская власть начинает из'ятие ценностей... За это бог накажет безбожников, отбирающих священные предметы, как некогда он наказал вавилонян...

— Тогда наказывали, взяв у дочери блудного Вавилона ребенка и разбив его голову о камень! Такого и теперь вы ждете наказания безбожникам?—спрашивает обвинитель.

— В теперешних культурных условиях такой способ недопустим,—уклончиво отвечает свящ. Соколов.

— Какой же способ допустим?

Так и не дал рьяный проповедник ответа, каким способом будут наказаны безбожники. Для него одно только ясно, что этот способ будет современным.

В связи с показаниями Соколова, вновь допрашивается священник той же Богоявленской церкви Добролюбов, также произносивший проповеди против из'ятия. Он старается выгородить и себя, и Соколова, но запутывается и договаривается до того, что считает свою проповедь «большевистской».

— Я согласен с из'ятием и думаю, что оно произведет благотворное влияние на души верующих... Я и проповедь в этом духе говорил, и меня едва за большевиствующего не посчитали...

Как бы прямым добавлением к этой парочке, служит пара студентов-техников, братьев Башкировых.

Они, согласно акту, составленному агентом уголовного розыска, при их задержании, призывали толпу, собравшуюся около храма:

— Ударить в набат... Воспротивиться из'ятию...

Тут же допрашивается подсудимый Мотылев, заведующий финансовым отделом замоскворецкого совета, член Московского Совета и—как это ни странно—церковного совета.

— Вы верующий?—спрашивают его.

— Православный, но не глубоко верующий... Я с уклоном в толстовство...

— Как же вы попали в эту милую компанию?

— Это моя тактическая и политическая ошибка... Я раскаиваюсь в участии в поповской организации... Я по недоразумению ввязался в составление протеста...

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ.

В дневном заседании, 29 апреля, допрошены подсудимые: иеромонах Телегин и гр. Новиков, Тупицын, Чернов, Тологаев, Петров, Иванов, Юргенсон, Брусилова.

ПАТРИАРШИЙ МОНАРХИСТ.

— Я по убеждениям монархист,—заявляет иеромонах Чудова монастыря Телегин.

— К партии принадлежите?

— Нет, я беспартийный... Служитель престола...

Трибунал заинтересовывается столь неожиданно вынырнувшим монархистом...

— Как же вы монархист, когда монарха нет? Ведь апостол Павел говорит: «Повинуйтесь существующей власти»?

— Я и повинуюсь: живу тихо, смирно, как все смертные, власти не касаюсь...

— А вот патриарх Тихон в 19 году заявлял, что Советская власть от дьявола, исчадие ада и все такое. Согласны вы с ним?—спрашивает обвинитель т. Логинов.

— Советская власть от Бога,—убежденно заявляет иеромонах-монархист, и неожиданно прибавляет:—она ведь всем классам принадлежит...

— И даже буржуям?—смеется т. Логинов.

— А что такое буржуи? — недоумевает монархист и, подумав, добавляет:—Буржуи были и есть, и будут...

Дальнейший допрос выясняет, что иеромонах за годы революции ничего не узнал и ничему не научился, даже больше—опустился до уровня дикаря. Так к нему и подходили, так на него и смотрели, задавая вопросы о «делах давно минувших дней».

— Как относится церковь к митрополиту святителю Филиппу?

— Чтимый угодник,—отвечает иеромонах.

— А знаете, что его задушили по приказанию Ивана Грозного?..

— Знаю, он ему сделал какие-то указания!..

— Ну, так скажите: на чьей вы стороне: на стороне Филиппа или монарха, которому вы должны подчиняться, как власти?

— Отклоняюсь от ответа,—жмется иеромонах, и... припертый вопросами обвинителя.

— Где вы служите?

— Был штатным священником 1 Донской казачьей бригады. Теперь служу в домовой церкви патриаршего подворья...

— Это вы там оскорбили комиссию?

— Да, я назвал членов ее грабителями и насильниками... Я служитель престола и мне очень тяжело, когда отбирают священные предметы...

Он расходится, стучит кулаком по столу, говорит захлебываясь, приводя и обвинение и защиту в недоумение.

— Не больны ли вы? Не страдали галлюцинациями ли?

— Нет—и нет...

Но вряд ли верно это «нет».

НЕРВНЫЙ ХАРАКТЕР.

— У меня характер нервный,—заявляет трибуналу подсудимый Тологаев, рабочий-водопроводчик. Шел я мимо храма Василия Кесарийского, гляжу народ толпится, ценности изымают... Ну тут я и заплакал...

— Ценности жалели?

— Нет, голодающих жалко стало... Когда-то говорю—ценности дойдут до них, лучше бы у меня инструменты взяли да муки пудик... Ну у меня и забрали...

Другой подсудимый, водопроводчик Петров подтверждает его показания.

— Вижу плачет он, я ему и говорю: идем лучше чай пить... Пусть их отбирают, не наше то дело, и без нас отберут... Пошли было в трактир, да заарестовали нас...

За ними допрашивается юноша Юргенсон, назвавший «с горяча» красноармейцев «красными жандармами» и интеллигентная дама Брусилова, бросившая, «проходя мимо церкви, где было из'ятие: это—грабеж... насилие...»

Ан. Чаров.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Новые синдикаты

По завершении общего плана трестирования нашей крупной промышленности президиум ВСНХ перешел к рассмотрению положений о всероссийских синдикатах отдельных отраслей промышленности, организуемых приблизительно по образцу ранее других возникшего текстильного синдиката. В заседании президиума ВСНХ 13 апреля были рассмотрены положения двух новых госсиндикатов: кожевенного и спичечного.

КОЖЕВЕННЫЙ СИНДИКАТ.

Еще в начале марта Главупркожей было созвано совещание директоров правлений, созданных по губерниям кожевенных трестов. На этом совещании присутствовали представители 15 местных кожтрестов: Петроградского, Московского, Богородского, Осташковского (Тверской губ.), Казанского, Псковского, Рыбинского, Таганрогского, Самарского, Вятского, Тамбовского, Киевского, Екатеринбургского, Одесского и Донского.

Это совещание признало необходимым спешно организовать всероссийский кожевенный синдикат с 3 основными задачами: 1) распределения районов по закупке сырья, 2) распределение районов по сбыту кожевенных изделий и 3) согласование продажных цен.

В заседании президиума ВСНХ 9-го марта было признано государственно необходимым и экономически целесообразным создание не губернских, а областных трестов в числе 8-ми, при чем предварительно были намечены следующие тресты: Северо-Западный (Петроградский), 2 центральных—Московский и Богородский, 2 украинских, Юго-восточный, Таткожтрест и Вятский. В силу этого решения президиума в постановления с'езда директоров были в последующем внесены некоторые изменения и коррективы. Тем не менее, по мнению как избранного с'ездом Оргбюро синдиката, так и Главупркожи создание синдиката пока губернских об'единений, а в последующем преобразование его в синдикат районных трестов является необходимым именно сейчас для того, чтобы не упустить весеннего сезона заготовки кожевенного сырья. Поэтому Главупркож вошел в президиум ВСНХ с докладом об утверждении немедленно положения о Всероссийском кожевенном синдикате и выбранного на с'езде организационного бюро его. Синдикат организуется по принципу добровольного членства. Членами синдиката могут быть государственные тресты и отдельные предприятия. В состав синдиката допускаются и частные предприниматели с особого разрешения центральных органов. Основной капитал синдиката составляется из 180 паев, при чем 96 паев уже разверстаны между ныне существующими губернскими кожевенными об'единениями. Остальные 34 пая остаются нераспределенными в портфеле синдиката для предоставления вновь вступающим членам. На основании директив с'езда организационное бюро синдиката произвело примерное распределение между основными крупнейшими трестами, которые должны явиться в будущем основными при создании районных трестов, районов сбыта кожизделий и районов закупки сырья. Районы сбыта распределены следующим образом: Московский кожтрест получает—Московский рынок, а для сбора сырья отводятся губернии: Архангельская, Тульская, Смоленская, Калужская, Костромская и Череповецкая. Петроградский трест собирает сырье и торгует в пределах Северо-Западной области, Богородский эксплоатирует район среднего Поволжья и Владимирскую губернию, Вятский трест оперирует в Сибири и на Урале, Казанский на территории Татреспублики, Киевский на правобережной Украине и Таганрогский на Юго-Востоке и в Харьковщине.

Президиум ВСНХ согласился с докладом Главкожи и с примерным распределением районов, разработанным Оргбюро синдиката, и утвердил положение о нем и состав Оргбюро. Далее президиумом постановлено предоставить всероссийскому кожевенному синдикату средства и материальные ценности Главупркожи, как в Москве, так и на складах его экспедиций в качестве долгосрочной ссуды. Синдикату же переходят и закупаемые за границей по сметам Главкожи импортные товары. С момента организации всероссийского синдиката Главупркожа окончательно ликвидируется.

ВСЕРОССИЙСКИЙ СПИЧЕЧНЫЙ СИНДИКАТ.

Спичечный синдикат учреждается в Москве для об'единения торговой деятельности губернских и районных спичечных трестов. Срочная организация синдиката диктуется необходимостью прекратить возникшую между гострестами конкуренцию из-за сбыта спичек —конкуренцию, приведшую даже к понижению цен на спички. Основной капитал синдиката равняется 1½ миллионам золотых рублей и делится на 1.500 паев по 1 тыс. зол. руб. каждый. Паи эти распределяются в размере 75% между отдельными спичечными трестами и автономными предприятиями. При организации синдиката вновь вступающий член уплачивает лишь 25% стоимости пая, остальная сумма выплачивается постепенно по особому положению. В остальном положение о спичечном синдикате редактировано на основании общего положения о государственных синдикатах и напоминает положение о текстильном синдикате.

ИЗВЕЩЕНИЯ.

Извещения принимаются только до 2 час. дня.

Советский вторник. 2 мая сост. заседания пленумов всех секций Моссовета по след. адресам: 1) МСНХ—в 5 час. в. (Ильинка, 12); 2) МКХ—в 5 ч. в. (Театральн. пр., 3); 3) Продовольственная—в 4 ч. д. (Мясницкая, 13); 4) МОНО—в 5 час. в. (Белый зал Моссовета); 5) Мосжилотоп—в 4 час. д. (Космодемьяновск. п., 9); 6) МОСО—в 4 ч. д. (Солянка, 18); 7) РКИ—в 4 час. дня (Мясницкая, 22, комн. 33); 8) Народная связь—в 4½ час. д. (Мясницкая, Гл. Почтамт); 9) Фин.-Налоговая—в 4½ ч. д. (Воскресенская пл., комн. 15); 10) МОЗО—в 5 час. в. (Сад.-Триумфальн., 10, комн. 20); 11) Помгол—в 4 час. д. (Моссовет, комн. 11); 12) Мосздравотд.—в 5 час. в. (Тверская, 12); 13) Транспортная—в 6 час. веч. (М. Черкасск. п., 28, клуб МОКП); 14) по укреплению Кр. армии.

Секретарь Моссовета Дорофеев.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ.

— **Губиспрос** извещ. всех член. союза, что 1-го мая в помещ. центр. дома Рабиспроса (Леонтьевский пер., 4) сост. доклад о значении 1 мая и концерт. Вход бесплатный.

— **Союз совработников.** 4 мая, в 2 ч. д., в помещ. союза (Театральная пл., 7) сост. предс'ездовское отчетное засед. правления. Явка член. и кандид. безусловно обязательна.

— **Губ. отд. транспортных рабочих** совм. с ячейками своих предприятий предлаг. принять обязательное участие в демонстрации 1 мая. Месткомам и отдельным рабочим, которым нельзя будет организовать самостоятельную группу, предлаг. примкнуть к колонне губ. отд. союза, явившись в помещ. союза к 10 ч. у.

КОНЦЕРТЫ, ЛЕКЦИИ И МИТИНГИ.

— **«Дом Печати».** Сегодня сост. спектакль мастерской Н. М. Форрегера: «Хорошее отношение к лошадям». Буффонада Масса. 1 мая музыкальный вечер с участ. Э. С. Бай (рояль) и П. И. Меренблюм (скрипка). В программе Бетховен. Нач. в 8½ час. веч.

РАЗНЫЕ.

— **30 апреля** сост. воскресник моск. хозяев-парикмахеров. Весь сбор поступит в пользу голодающих Поволжья.

(Р. Н. [illegible]) 2-я Образцовая газетная типография МГСНХ. Тверская, 48.